

М И Х А И Л
ПОГАРСКИЙ

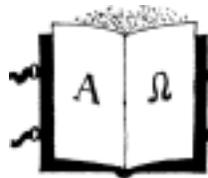
БИБЛИОТЕКАРЬ
ГЕРМОГЕН

книга - каталог

неполное собрание сочинений
Т о м 2

КРАСНОГОРСК 1984-1999

И снова Библия
ещё не читана,
И откровение
какого Бога?
И новый Илия
уходит из дома,
ломая заповедь
стиха и слога.
(Мартин У)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	7
1. Утренние страницы	8
2. Полуденные страницы	14
3. Страницы в светлых сумерках	31
4. Страницы позднего вечера	37
5. Полуночные страницы	40
6. Страницы ночного одиночества	45
7. Предрассветные страницы	47
8. Рассветные страницы	56
9. Восходящие страницы	62
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	67
10. Каминные страницы	68
11. Страницы белых воспоминаний	73
12. Страницы городских свалок	79
13. Страницы домашней лирики	88
14. Страницы разговоров с друзьями	92
15. Страницы приближения к любви	96
16. Страницы странных странствий	105
17. Страницы метафизических блужданий	112
18. Примечательные страницы	141

Справки об имени:

Гермоген упрям и независим, очень талантлив, обладает огромным даром убеждения. У него страшной аналитической силы интеллект, который невольно делает его недоверчивым: ведь он видит людей насквозь, просчитывает наперёд все их поступки. К счастью, Гермоген очень добр и даже страдает от своей чрезмерной отзывчивости. Внешне он всегда спокоен и любит размеренный уклад жизни.

У **Элеоноры** ум проникновенный, мышление чёткое. Умеет приложить необходимые усилия для достижения поставленных целей и, как правило, достигает их. Долго ни по какому поводу не страдает: её способности к психоанализу столь велики, что помогают всё на свете разложить по полочкам.

Мартин склонен замыкаться в себе, потому что ему не хватает уверенности. Он очень эмоционален, стремится к успеху, но быстро сникает. Живая интуиция, как и у всякого интроверта, помогает ему избежать слишком больших ошибок в жизни. Мартин педант и аналитик, очень независим, не терпит нравучений.

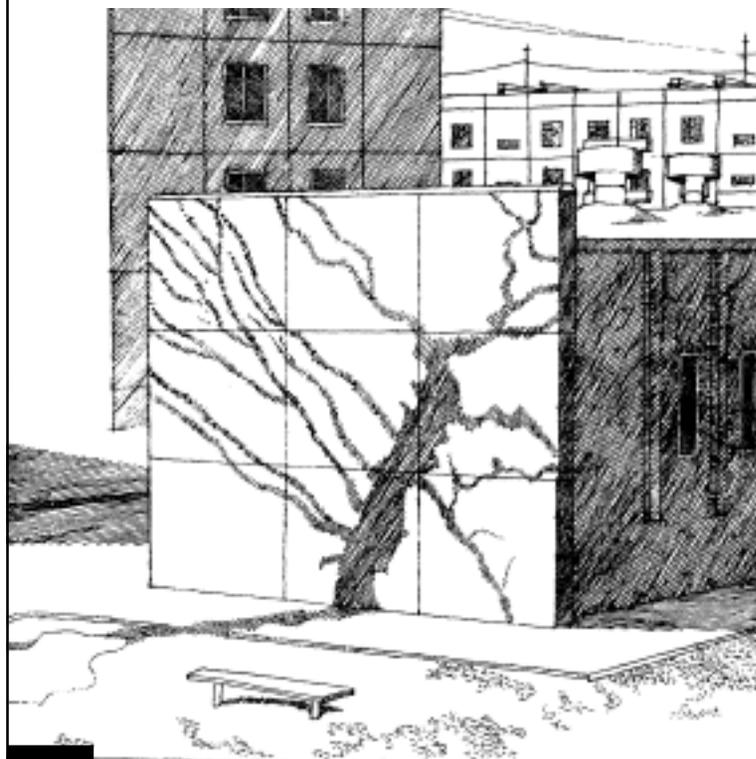
Глафира — весьма утончённая особа, которая любит делать вид, будто её интересует в жизни только возвышенное и неземное. Однако по натуре она очень деловита, настойчива, упряма, умеет постоять на своём. Глафира — человек домашний и всю семью держит если не в ежовых рукавицах, то в мягких кошачьих лапках.

Михаил (автор) — наделён логическим складом ума и любит, когда всё вокруг правильно и хорошо. У него врождённая страсть к МИРО-УСТРОЙСТВУ, исправлению чужих недостатков. Обожает давать советы и вмешиваться в чужие дела... Люди чувствуют его доброту и тянутся к нему... Михаил щедр, не мелочен, порою сентиментален...

(Е. Грушко, Ю. Медведев, «Словарь имён»)

раздел I

СТРАНИЦЫ НЕНАПИСАННОЙ КНИГИ

1. УТРЕННИЕ СТРАНИЦЫ

От автора

*Луна или утренний снег...
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год.*

(Басё)

*Кто это, скажи?
Сам себя вдруг не узнал я
Утром в Новый год.*

(Басё)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>1/1</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга утренней печали.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек зимнего дождя.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Комната одинокого холостяка.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>8 утра 13 января 1999 года. Среда.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Жизнь, дождь, печаль, человечество, смерть.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Попытка проекции перенасыщенного мира на однажды проснувшегося человека.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 1/1:

Гермоген проснулся с тихой печалью на глазах и на сердце. Печаль была густа и неизбывна, и непонятна, как сама жизнь.

Возможно, это были просто отзвуки холодного сна. Возможно, одиночество. А может быть, во всём виноват этот затяжной моросящий дождь... Когда ломается январь, когда снег становится изъеденным и серым, когда жизнь обрывается в при-ступе серой тоски... И выбираться из сна с каждым утром становится всё труднее и труднее...

Он достал папиросу, медленно размял её, посыпая давно не стиранную про-стыню табачными крошками, и наполнил ещё не проснувшийся организм едким беломорским дымом.

Дым возносился к потолку, оседал на оборванных зимних паутинках и, остыв, тяжело спускался к никогда не мытому полу.

Болотная муть подступила вдруг к самому горлу, и Гермоген, спотыкаясь о разбросанные ботинки, бросился к унитазу.

Он блевал около получаса, сотрясаясь в судорогах мерзости и наслаждения, не понимая причины и слишком хорошо догадываясь о ней...

«Слишком много, — подумалось ему, — слишком уж много всего. Нельзя жить в таком огромном мире. Нельзя жить в мире, где расстояния до звёзд наводят на сердце неописуемый ужас... Нельзя жить в мире, где каждое утро миллиарды лю-дей садятся в автобусы и машины, торопясь к своим фабрикам, офисам и инсти-тутам, где они производят огромное количество детских игрушек и боевых писто-летов, колбасы и сыра, кирпичей и колготок, зонтиков и журналов, телевизоров и

парашютов... Спешат в колючий и жёсткий мир, в котором они налаживают связи, придумывают хитрые рекламы, издают дурацкие законы, продают и покупают, борются за лучшее место, просят милостыню, пьют водку, создают бессмертные картины...

Нельзя жить в мире, где написано такое количество книг, которые всё объяснили и обо всём рассказали и встали на бесконечные полки в ожидании будущих прочтений...

Нельзя жить в мире, состоящем из атомов и электронов, и радиоволн, непрерывно пронзающих тело, и электромагнитных излучений, и вездесущих телекамер, и звуков...

Слишком много всего и слишком большие скорости. Нормальный организм не выдерживает. Нормального человека тошнит от этого перенасыщенного мира.

А может быть, я просто не хочу быть взрослым и не хочу понимать такие простые вещи, как: цель, направление движения, смерть...

Хотя, возможно, что во всём виновата ненужность. Ненужность, невостребованность, неотданность, отсутствие нежности и любви...»

Узоры на окнах — детский прозрачный лес.

Каталожная карточка: 1/2

Название: Книга утренней воды.

Автор: Человек талого снега.

Место издания: Ванная старого романтика.

Время издания: 8 часов 30 минут 13 января 1999 года.

Среда.

Ключевые слова: Вода, метаморфозы, детство, память.

Аннотация: Попытка придать вселенский смысл простому ежедневному умыванию.

СТРАНИЦА КНИГИ 1/2:

Гермоген подошёл к рукомойнику, прибитому над эмалированной ванной, и, подняв его железный хоботок, набрал полные пригоршни прохладной, пахнущей снегом воды...

Однажды он увидел этот рукомойник в хозяйственном магазине и тут же купил. В этом была какая-то нарочитость, граничащая с простотой, было что-то ненужное и неправильное, но в то же время и воде ведь естественнее течь вниз, а не забираться вверх по всем изгибам водопроводных труб...

А потом, начиная с какой-то зимы, он стал набивать рукомойник снегом с балкона, и умывание стало обладать запахом, а душа забавлялась иллюзией ежедневного соития с небом...

И каждый раз нежное металлическое позвякивание возвращало его к старому деревянному дому, в котором прошло его детство...

Матушка колдовала над пирогами у кухонного стола, а отец жужжал старенькой перемотанной изолентой электробритвой. Солнце пробивалось сквозь небольшое оконце, Гермоген шлёпал по широким поскрипывающим половицам, и сердце радостно билось в ожидании праздника.

«Куда исчез этот коротко стриженный черноголовый малыш, просящий надуть ему синий воздушный шарик? Неужели он превратился в этого поседевшего, потускневшего и блюющего от тоски библиотекаря? Почему это из гусеницы получается бабочка, из невзрачного семечка вырастает дивный цветок, гадкий утёнок становится белым лебедем, а черноголовый счастливый малыш превращается в немощного небритого старика?»

Капелька воды — как долгие путь её, и как короткая жизнь.

Каталожная карточка: 1/3

Название: Книга об утреннем кофе и библиотечной почте.

Автор: Автор одного стихотворения.

Место издания: Кухня любителя крепкого кофе.

Время издания: 9 часов утра 13 января 1999 года. Среда.

Ключевые слова: Белый медведь, тоска, снег, страницы.

Аннотация: Опыт создания специального издательства для одного отдельно взятого стихотворения.

СТРАНИЦА КНИГИ 1/3:

Он смотрел, как вьётся дымок над чашкой с кофе, и сосредоточенно жевал бутерброд с сыром, а тем временем дождь за окном становился снегом и красный столбик термометра опускался всё ниже и ниже.

Его мысли кружились между снежными хлопьями, в сердце возвращался утраченный покой, и жизнь по новой открывала в который раз утерянные краски.

Одиночество.

Нельзя сказать, что Гермоген был очень одинок. У него была замечательная соседка тётушка Глаша. И ещё неизвестные почитатели его стихотворений.

Лет десять назад Гермоген наладил свою маленькую библиотечную почту, напив в письмоноши и Достоевского, и Толстого, и Гончарова, и Гоголя, и даже самого Марселя Пруста, не делая никаких поблажек ни на его затворничество, ни на его болезни. Единственно, кому он не доверял своих посланий, так это поэтам. Не то чтобы он опасался их рассеянности, но сама специфика посланий не позволяла содействия с чужими стихами, ибо и сами они (послания) представляли собою стихи.

Почти каждый вечер, вернувшись со службы, Гермоген после скромного холостяцкого чаепития садился за стол с аккуратной стопкой вчетверо разрезанной бумаги и на десяти, иногда на одиннадцати четвертушках ровным библиотечным почерком выводил строки одного из своих стихотворений. Чаще других он писал четверостишие о Полярном медведе, попавшем в мир своих бурых собратьев и оттого тоскующего о белом арктическом снеге, и куда-то спешащего в своей бесплодной попытке обретения этого снега. Иногда перо его надолго зависало над фиолетовым наречием «извечно» или же над нежной молочной тоской и... казалось, что, опустившись, оно перечеркнёт раз и навсегда эту белоснежную тоску и заблудившийся полярный странник наконец-то выздоровеет и обретёт своё метельное счастье. Однако за десять лет этого так ни разу и не случилось.

Дописав свои послания, Гермоген рисовал на одном из листочков улыбающуюся рожицу и уходил курить на балкон, зимой — отдыхая среди далёких

звёзд или близкого снега, летом — прислушиваясь к бестолковому гомону птиц, осенью — сливаясь с опадающей жёлтой листвой, а весной — пробуждаясь вместе с распускающимися яблонями и сиренью.

На следующий день Гермоген отправлял свои четверостишья в неведомый мир чих-то неизвестных прочтений, вкладывая их между страницами выдаваемой книги.

Заметим, что далеко не каждый читатель удостоивался этой маленькой чести. И с годами число его адресатов становилось всё меньше и меньше, ибо почти все заведующие библиотеки уже давно получили стихи о Белом медведе, а среди вновь приходящих Гермоген не мог найти ни одного, кому бы он мог доверить своё послание.

И вот вчера рукописное Издательство Гермогена подвело свой баланс к бесконечному знаменателю, состоявшему лишь из тёплых ладоней господина Огня (да простится мне этот грубый пафос).

Вернувшись домой после ритуального сжигания, Гермоген достал бутылку Мадеры, выдержанной среди книжных полок не менее 10 лет, поскольку покупалась она в своё время по случаю первого дилижанса с библиотечной почтой. Сегодня же Гермоген устраивал маленькое пиршество по поводу завершения пути...

А потом, когда он с непривычки довольно сильно захмелел, то вдруг сел за свой изрядно потёртый столик со стопкой чистой бумаги и не переписал, но как бы *воссоздал заново* каждую из своих донельзя знакомых строчек:

*Я Белый медведь, заболевший тоскою о снеге.
Заброшенный к бурым тяжёлым братьям моим.
Я Белый медведь, захлебнувшийся в собственном беге,
Тоскою о снеге извечно куда-то гоним.*

Каталожная карточка:	1/4
Название:	Книга о художниках и снежных буранах.
Автор:	Ното <i>vagis</i> .
Место издания:	Зимний путь в библиотеку.
Время издания:	10 часов утра 13 января 1999 года. Среда.
Ключевые слова:	Кроманьонец, дельфин, художник, путь.
Аннотация:	Опыт мысленного трактата о творчестве с вкраплениями снежинок и стихов.

СТРАНИЦА КНИГИ 1/4:

«Художники — существа до того особенные, что иногда кажется, будто они и не люди вовсе, а наоборот, межгалактические птицы... или какие-нибудь заплутавшие во времени кроманьонцы, или потомки отказавшихся от воды дельфинов, но уж никоим образом не обезьян.

Главное их (художников) отличие от среднестатистического (и потому уже несуществующего) *Ното sapiens* — это отсутствие разумности.

Рукой художника водят первобытные чувства, но отнюдь не досужие мысли и расхожие знания. (Попробуйте нарисовать скрип шагов на свежевыпавшем снегу, и тогда станет ясно, о чём здесь речь).

Второе великое отличие художников от антропоидов — тяга к неповторимому. Всеподражающая обезьяна выкорчевана из их свободно реющих душ раз и навеки. А может быть, она там никогда и не ночевала. (Если вы чувствуете различие

двух снежинок, спящих глаза с интервалом в одно мгновение ветра, то вы понимаете, к чему я клоню.)

И третье самое необъяснимое и неразумное свойство Художника — это необходимость в зрителе. Без достойного зрителя невозможно никакое творческое сумасбродство, и никакие полёты сквозь снег и пургу, никакие метафизические откровения неосуществимы, как ни странно. Зрительские эмоции для художника (и пускай даже предполагаемые) — это всё равно что бензин для машины...

Впрочем, художники за время своего пребывания на этой самой планете, что третья по счёту от Солнца, настолько перемешались с людьми (а надо заметить, они это дело весьма уважали), что и люди приобрели себе это третье свойство, или точнее сказать — болезнь. Болезнь, назвать которую, смешав древнегреческий и латинский, можно было бы сценофилия...

Но способен ли кто, за исключением, быть может, Господа Бога, понять душу мою и тоску? (Впрочем, Бог-то, в первую очередь, неспособен ничего понять.)

А если не способен, то стоит ли каждый день рассыпаться в поступках перед равнодушными зрителями, которым по большому счёту наплевать на тебя, на паденья твои и на взлёты, на янтарные россыпи древне-прозрачной души, и не лучше ли на ветер отпускать белоснежные ноты, что возникли когда-то ...», — и тут Гермоген поймал себя на том, что подыскивает эпитет к родительному падежу существительного слова «тишь», и осознал тем самым, что поток его подсознательной прозы с заносами в снежную философию, без всякого на то доизволения, вдруг распустился серебристыми стихами, —

«... такое дело — белый снегопад!

Мы ли властвуем над мыслями, они ли над нами, какая разница?! Но если все мы чуть-чуть сценофилы, то где размещается вирус этой безобидной болезни? В нейронах мозга? В генах поведенья? Или, быть может, в тайниках души?

А что если это и вовсе никакая не болезнь, но Божий дар, защитная окраска от самого себя, от страха перед обнажённостью нежного сердца, от светлого стыда за своё божественное убожество...», — и тогда он понял, что где-то пропустил свой поворот и уже несколько кварталов идёт в не очень-то известном направлении, и что виноват здесь отнюдь не январский буран разыгравшейся непогоды, но буранные хлопоты загрузившего подсознания, отыскивающего хоть какую-нибудь лазейку для выхода из тихого тупика остывающей жизни, —

«Вот они, зрители!» — воскликнул Гермоген, обращаясь к лёгким хлопьям январского снега. «Им! Им одним доверюсь без упрёка! И пусть они не выскажут ответ! Я вместе с ними вознесусь высоко! И им доверю этот снежный бред!..»

«Куда спешить? В избу-библиотеку? В попытке безуспешной излечить бескрылого духовного калеку?! Не лучше ли со снегом говорить?!» — последние строки Гермоген прокричал, уже вошедши в хол той самой библиотеки, и, прокричавши их, неожиданно затих и заплакал.

Давно нарывавшая душа наконец-то прорвалась густыми слезами и пустыми рифмами, Гермоген прислонился небритой своей щекой к потёртым корешкам любимых книг и ощутил какую-то болезненную странную радость, и терпкий запах книжной пыли показался ему целебным порошком доктора Библио.

«Вряд ли ведь кто-нибудь потащится сквозь эту метель, дабы получить пропуск для прохода в чужие миры», — подумал уже совсем успокоившийся Гермоген и улыбнулся изящно-ненужной метафоре.

И тут мысли седого библиотекаря слились с бессознательным ветром совсем другого пространства.

2. ПОЛУДЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

От автора

*Зимой горька вода со льдом!
«Но крысе водяной немного надо...»
Чуть-чуть я горло увлажнил.*

(Басё)

*Бабочки полёт
Будит тихую поляну
В солнечном свету.*

(Басё)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>2/1</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга о бабочке, залетевшей в январь.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Ученик мастера невесомой случайности.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Библиотека как место для встреч невозможных с людьми, уже переставшими быть.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>12 часов утра 13 января 1999 года. По-прежнему среда.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Голубой махаон, предчувствие любви, кукольный дом.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Лирическое вторжение невозможности на белые январские страницы. Попытка поэзии. Начало непредсказуемых прочтений.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/1:

Её чёрные со снежными блёстками волосы рассыпались на голубой капюшон с песчовой опушкой. В её шоколадных глазах светилось несуществующее солнце, или, быть может, это библиотечная лампочка задерживалась там каким-то не своим отображением. Её приход пронзил придавленную книжную тишь неувловимой легкокрылой негой июльских заливных лугов, да и сама она казалась нездешним голубым махаоном, перепутавшим время и место для своих беспечных цветочных полётов...

«Голубой махаон на холодном январском снегу. Как заснеженный сон, как июльские летние грёзы. Как досадно, что я не посмею, да, впрочем, и... не смогу подарить ему нежные светло-небесные розы».

Гермогена прихватило сегодня очевидное нездоровье. Поэтическое восприятие реальности помutilo строгий библиотечный разум. И девушка с этим, так ей идущим, меховым капюшоном уже давно что-то спрашивает у него, а он всё бормочет про себя тот неуклюжий и неверный бред о январском голубом махаоне...

«Странно. Чего ей здесь?! Не ошиблась ли? Или просто решила погреться? Что-что? Позвольте! Быть того не может: ей нужен «Кукольный дом» Генрика Ибсена!!!»

Гермоген долго возился, выбирая подходящее издание, ведь нельзя же отдать в эти нежные руки тяжёлый девятисотстраничный том 57-го года.

«А ничего другого... Хотя... Ну конечно же! Как он сразу не вспомнил! Ведь именно для этих случаев и существуют запасники! Дореволюционное отдельное издание — вот что ему нужно!»

И он, как бы и не осознав всего, что происходит, вложил в пожелтевший томик с ятями, ижицами и ерами свои стихи о заблудившемся Белом медведе и, заполнив самолично формуляр на имя Элеоноры У, передал ей норвежскую пьесу о Кукольном доме.

А может быть, и космос — это всего-навсего...

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>2/2</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга блуждания.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Один из читателей Стейнбека.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Заблудившийся автобус.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>20 часов 13 января 1999 года.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Дрожащая душа, красота, ужас, ангелы, селёдка.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Возвращение домой в переполненном автобусе, как метафора движения Земли (земной цивилизации) сквозь вселенные космические пространства.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/2:

Вот так возвращаться сквозь тысячи чуждых миров. Прикасаются дрожащей душой к обрывкам чужих разговоров. И удивляться красоте и ужасу забытого до отказа автобуса, этой потрясающей концентрации таких разнородных сознаний, которые странной волею обстоятельств обрели пространственную коллинеарность (попутность и даже некоторое единство)... Не есть ли и наша небольшая планетка Земля тот самый переполненный автобус? Заблудившийся... Не нашедший шофёра... А может быть, кто-то там в центре управления полётами давно поставил наш автобус на автопилот, а мы, неразумные, лупим по клавишам, пытаюсь выскочить за пределы привычной орбиты...

Скольжение мысли там, за узорами этих окон, и этот жуткий запах перегара от гражданина в роговых очках. И ещё аромат французских духов от ухоженной дамочки неопределённого возраста, и отзвуки апельсинового шампуня от белокурой девчушки, и, наконец, селёдка... О боже, это селёдочное соло из старенькой хозяйственной сумки, с ручками, обмотанными синей изолентой...

Как раз селёдку-то и не возьмут на тот бесконечный и уже поэтому скучный праздник. Куда уж ей в царство небесное, если даже на официальных банкетах её практически невозможно встретить... Но ведь и не сравнится же с ней ни один осётр, а уж сёмги с лососями и близко не подойдут к этому нежному вкусу семейного вечера, когда мама несёт разделанную селёдочку на узкой специальной тарелке, а сверху слезится нарезанный кольцами лук и нежный пар исходит от кастрюли с картошкой. Отец наливает себе стопку прозрачной водки, а мы с братом пьём сладкий грушевый лимонад и чокаемся, как взрослые...

Слишком уж по-земному... Невозможно представить ангелов, смакующих селёдку с картошкой. Одежды у них какие-то слишком белые, и пахнут они декоративными розами.

Там у них, наверное, и не болеет никто. Никаких тебе простуд и расстройств. И незачем парить ноги в горчице, и незачем пить чай с малиновым вареньем, и не ощутить этого блаженного покачивания, когда температура приближается к сорочка и мир начинает крошиться на тысячи мелких разноцветных кусочков, а мама кладёт тебе влажный компресс на пылающий лоб и нежно гладит по взъерошенным волосам, и твоя постель становится маленьким домиком или даже, скорее, ковчегом, в который ты забрал свои любимые игрушки и ушёл в это странное плавание между жизнью и смертью.

Как нежно пахнет детство.

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>2/3</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга контроля.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Потерпевший проверку.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Соединительный круг.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>20 часов 15 минут 13 января 1999 года.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Контролёры, право дышать, заводная лошадка, чёрные провалы.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Проверка билетов как глобальный кризис цивилизации.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/3:

Контролёры возникли внезапно, как кара небесная. И Гермоген вдруг понял, что не успел проделать эти магические дырочки на талончике-индульгенции, защищающем от красномордых слуг правосудия. И ещё полное отсутствие денег...

В его сознании никак не умещались контролёры. Это было что-то запредельное. Совсем другая система отсчёта. Гермоген мог принять существование искусства и героина, литературы и гидроэлектростанции, музыки и космических кораблей, и даже система правосудия укладывалась в какие-то рамки, но контролёры...

Мир начинает крошиться, если поверить в то, что в нём существует проверка билетов. Говорят, что в фашистской Германии во время войны за безбилетный проезд расстреливали на месте, и, наверное, это был выход, потому что как же иначе пережить унижение? Неужели же и у неё проверяют билет? Или она сумела защититься от них своим серебристым автомобилем?.. Но ведь это всего лишь смена проверки... Хорошо, хоть не проверяют твоё право ходить, право дышать, право подставлять своё лицо холодным январским снежинкам...

— Я забыл. У меня нет денег. И документов нет. Хотите, я отдам вам в залог часы. Это очень хорошие часы, механические. А завтра я принесу вам деньги, а вы мне их вернёте.

— ...

— Я понимаю, что мы не в ломбарде, но что же делать?

— ...

— Но я не могу в милицию. Мне сегодня необходимо быть дома. Понимаете, я должен купить яблок и отнести их маме. Моя мама болеет, понимаете, очень серьёзно болеет. А ещё я должен купить моему племяннику заводную лошадку, я обещал, и если я не принесу ему эту лошадку, то он очень расстроится и даже, наверное, заплачет, ему всего три года, и я обещал ему заводную лошадку...

— ...

Резиновые меха автобуса растягивались до бесконечности. Оптика глаза ломалась. Вставляли чёрные провалы. Гермоген не выдержал проверку.

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>2/4</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга предварительного заключения.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Сатин-2.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Камера предварительного заключения.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Староновогодняя ночь с 13 на 14 января 1999 г.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Дно, типажи, Алексей Максимович Горький, такое время.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Тюрьма как место приведения себя в порядок. Передышка от одиночества.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/4:

Шёл в комнату, попал в другую... В тюрьму, в камеру предварительного заключения...

Слова-то какие: Ка-мера — мера ка-тастроф... за-ключение — загадочный ключ к самому себе (отдохни, осмотришь, определись в пространстве и за пространством, опомнись)... и почему предварительного? Если сейчас предварительное, то, стало быть, будет и окончательное? Или уже? Какая разница, какого цвета стены? Лучше присмотришь, какие тут типажи... Горького бы сейчас сюда Алексея Максимовича, глядишь, написал бы какую-нибудь новую пьесу «На дне-2», или «На дне» возвращается». Вот этот грузин-балагур в тренировочном костюме вполне бы сошёл за Артиста. А этот грустный, которого взяли за хранение оружия, — Барон. Спящий на скамеечке бомж — Лука нового образца, молчаливый Лука, ну, а мне, а мне остаётся роль Сатина...

Поразительное время. Ну как, оказывается, всё просто: нет документов — в тюрьму до выяснения личности на 3 часа. Вроде бы пустячок, а приятно. Когда ещё увидишь эту бледную луну сквозь зарешёченное окно, когда ещё вдохнёшь этот запах мочи и грязного, годами не мытого тела, когда ещё покуришь контрабандную сигаретку, прячась от сурового стража порядка... Если бы не сегодняшняя встреча, то как бы развлеклась моя душа. Но не сегодня. Сегодня я хочу в свою комнату. Хочу накрыться с головой одеялом и рассматривать разноцветных мурашек, сжать этот мир до предела, представить себя единственным живым существом в этой холодной и тёмной вселенной, а потом вдруг откинуть этот импровизированный занавес и воссоздать потерянное пространство — снежинки за окном в свете тусклого фонаря, бродячие собаки, кошки...

— Мишле Гермоген Николаевич!

— ...

— На выход.

— ...

— Заплатите штраф вот по этой квитанции в любой сберкассе и впредь будьте внимательнее. Время сейчас такое.

Такое время.

<i>Каталожная карточка:</i>	2/5
<i>Название:</i>	<i>Книга бреда.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Некто Январь.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Пространство января.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Вторая половина января 1999 года.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Болезнь, бред, кагор, тоска души, предчувствие любви и перемен.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Зависимость температуры тела от степени тоскливости души. Попытка выздоровления.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/5:

После той встречи и проверки, и ночи блужданий сквозь зимний заснеженный город, когда приходилось отогреваться в незнакомых подъездах, прижимаясь спиной к обшарпанным батареям... После той встречи и той ночи Гермоген слёг.

Температура, при которой кровь вот-вот должна свернуться, блаженная улыбка на устах и потрескавшиеся губы, всё время бормочущие стихи о каком-то голубом махаоне, нескончаемые разговоры с Бароном и Артистом, уже не человек, но далёкое потустороннее существо — вот что такое был в течение двух недель почтенный некогда библиотекарь.

Тётушка Глаша кормила Гермогена соком столетника с гречишным мёдом и поила его горячим кагором.

Возможно, душа библиотекаря стосковалась по человеческому теплу и никак не хотела покидать это блаженное счастье заботы. Душа усердно поднимала температуру на всё согласного апатичного тела и с тихой радостью выпивала очередную рюмку кагора, пахнущего древней добротой заскорузлых старушечьих рук.

Но, наконец, воспоминания о встрече или, быть может, предчувствие любви и перемен оттеснили блаженное убежище болезни, и Гермоген поднялся.

Тело его было вялым, ватным, совершенно непослушным и каким-то глухим, но дух был бодр и свеж как никогда. Библиотекарь, пошатываясь, подошёл к зеркалу и, показав язык своему исхудавшему и обросшему изображению, прохрипел: «Брошу всё, отращу себе бороду и бродягой уйду по Руси».

Однако где начало того бреда, который заканчивается любовью? Ужели же было всё это: тюрьма, контролёры, заплутавший в пространстве автобус и эти бархатные шоколадные глаза, смотрящие из бездны голубого капюшона...

О, Господи! А вдруг? А вдруг она приходила ещё раз и вернула книгу, и спросила о странном библиотекаре, и узнала адрес, и...

Какого чёрта! Почему я в этой дурацкой пижаме? Где мой костюм? Побриться? Нет, так даже как-то изящнее...

— Я ухожу, Глафира Николавна! Что? Мёд? Какой там, к чёрту, мёд! Кагор? Ну что ж, кагор, пожалуй, можно... Ну, всё, пора. Пора! А это всё потом... Здоров. Здоров как бык (а может, как козёл). Да не волнуйтесь вы, не будет осложнений.

И, застегая на ходу своё старенькое демисезонное пальтишко, Гермоген побежал в ту далёкую библиотеку, которая светила ему маяком надежды (если, конечно, это плавание сквозь поток пешеходов и снег можно назвать бегом).

Машины гудели, как тихоокеанские пароходы.

<i>Каталожная карточка:</i>	2/6
<i>Название:</i>	<i>Книга бессмыслия и осмысления.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек на грани инстинкта.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Небольшое кафе-подвальчик.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Зимнее утро 1999 года.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Ничемные мысли, Тема тем, вопрос «Зачем?», смысл.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Апология бессмысленной жизни. Импровизации на тему Любви.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/6:

Машины гудели, как тихоокеанские пароходы.

Гермоген спешил в библиотеку. И хотя он был сегодня настолько переполнен, что сознание его проваливалось в пустоту, доверяя перемещение тела древним инстинктам. И хотя сознание его кружилось в бесконечном вихре оборванных, ничемных, никуда не ведущих мыслей. И хотя сознание его напоминало густую переваренную кашу...

Какие-то ростки всё же прослеживались, какие-то тонкие линии выстраивались в неясную тему. В общем-то, конечно, в ту же самую тему. В ту самую Тему тем. В Тему — тотем. И ноты темы становились темнотой, а темнота опять сливалась с темой...

Он обнаружил вдруг, что вовсе не идёт в библиотеку, но сидит в небольшом подвальчике и пьёт крепкий турецкий кофе, и держит в левой руке надкусанное миндальное пирожное, а мысль его уткнулась в тот старый истёртый вопрос: «Зачем?». Зачем он совершает те или иные поступки? Зачем говорит каждый день «Здравствуйте!» каким-то бесконечно далёким людям? Зачем выдаёт книги, которые непонятно зачем написаны и непонятно зачем прочитаны? Зачем он посылал стихи в неизвестное море прочтений? Зачем писал? Зачем жил? Зачем родился? И зачем умрёт?

Возможно, в жизни есть всего один осмысленный период — период любви. Тогда все поступки обретают прозрачный и ясный смысл. Они уже не принадлежат тебе. И ты уже всего лишь часть своих полётных сумасбродств и сумасбродных взлётов. А всё остальное...

Всё остальное обрастает такой нескончаемой и путаной цепочкой причин и целей, что...

Что в конце концов вопрос «зачем» стирается, мельчает, угасает, переплавляется в вопросы: «Для чего?», «Почему?», «Из-за чего?» и «По какой причине?». А когда эти бесконечные цепочки удаётся распутать, когда симптомы поступка удаётся, наконец, осознать. То подобно тому как и в психоанализе вылечивается болезнь, так и здесь выясняется ненужность поступка. И становится скучно. Хотя...

Хотя в общем-то он так ни разу и не дошёл до конца... Он предпочёл бессмысленную жизнь. Он предпочёл непостижимые поступки. Поступки, завуалированные под некую цель. Псевдоцель. Псевдозадачу. И вот сейчас...

Сейчас, когда он бесцельно нёсся в библиотеку. Нёсся с неясной надеждой на... на что-то такое, чему он сам не отдавал отчёта. Гермоген вдруг ясно понял, зачем он здесь и сейчас. Он оказался в этом странном мире сейчас и здесь, затем чтобы Любить...

Гермоген вывалил кофейную гушу на белое фарфоровое блюдечко и увидел в кофейных разводах ассиметричную изломанную бабочку.

<i>Каталожная карточка:</i>	2/7
<i>Название:</i>	<i>Книга размышлений.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек загрустивший.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Пол библиотеки.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Полдень.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Миг на грани открывания, мысли и трава, графомания, дубликаты страниц, огонь, снег.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Посторонние рассуждения на окраинах Любви библиотекаря как отзвуки мысли вообще. (То есть отсутствие любви (счастливой любви) порождает мысль. Если есть Любовь, то мысль не нужна. И в этом смысле опустошение сознания может служить критерием любви.)</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/7:

Эти обшарпанные ступеньки у входа в библиотеку... Короткая лестница, восемь ступеней, переход из пространства улицы в пространство мысли, тишины и творческого бреда... а сегодня ещё и в пространство новости, и в пространство надежды, в пространство Кукольного дома...

«Кукольный дом» лежал (вернее, покоился) на маленьком каталожном столике, дожидаясь своего возвращения в библиотечные запасники.

Гермоген судорожно схватил пожелтевшую старую книжку и... и долго стоял с ней перед библиотечной стойкой, а капли талого снега стекали с его пальто...

И можно было подумать, что пальто плачет.

Открыть? Чтобы ничего не найти и разочароваться, и навеки остаться в этой странной точке. Точке угасающей печали и начинающейся любви. Или... Или что-то (но что?) найти, и тогда, возможно, жизнь его сорвётся с этих ровных металлических рельсов и, может быть, он разобьётся в этой сложной катастрофе. Катастрофе, разрушающей время и смысл, и историю жизни до... До этого открытия. До перемещения в ноль, в этот миг на грани открывания.

Или... или не открывать. Поставить на полку, как тайну. Как вечную надежду. Как последний причал на этой, удивительно снежной, земле.

А если? Если она недочитала, не дошла, не заметила его стихотворной закладки. Если она всего лишь мираж. Всего лишь полярное сияние на его перемерзшем сознании. И если стихи его до сих пор покоятся между жёлтых норвежских тревог... Но тогда, тогда необходимо их забрать из этого нечаянного плена, спасти из тишины, предать огню или просто выпустить на белоснежный ветер.

Гермоген осторожно листал страницы далёкой драмы, надеясь и уповая на то, что всё-таки он не увидит вложенных стихов. Но... Но, увы, бумажная четвертушка с убегающим белым медведем лежала на том самом месте, где он и оставил её две недели назад.

Перед ним пронеслась вереница никому не нужных, автоматических поступков, вереница улыбок, пожатий рук, компостирования билетов, чтения дурацких объявлений, ожидания чего-то, подготовки к чему-то..., стихи и книги, мысли и трава...

Он вспомнил, как когда-то, где-то на том конце времени, он шёл со своей мамой по июльскому некошеному лугу и собирал букет из васильков, ромашек, колокольчиков, полевых гвоздик и ещё каких-то странных бордовых шишечек, которые были вроде бы и не цветы, потому что ничем не пахли, и в то же время привлекали своей непохожестью, дополняя букет и оставляя тот самый след в памяти, след на всю жизнь.

Может быть, и она вот такой же полувянец, не умеющий пахнуть и оставляющий лишь долгий негасимый след...

Впервые мой библиотечный почтамт дал сбой, письмо не нашло своего адресата. Неловко судьба пошутила с мной, изящно сверкнув на осколках заката... (Бр-р-р, какая пошлятина, реальность нельзя облекать в стихи, получается слишком нелепо.)

Твоя голубая надежда рассыпалась цветочной пылью, перемешав запах любви с запахом детства. И под тобой уже лужа от плачущего снега, который тронуло дыхание тепла. А ты похож на старого стратега, которого удача подвела. И сквозь библиотечную печаль, в дурмане театрального развала, я остаюсь всё тот же тихий враль, всё тот же скверный сочинитель карнавала...

Вернее, антикарнавала, карнавала наоборот, карнавала, где маски снимают при входе, где лица просты и открыты и дураку говорится в лицо — дурак, подлецу — подлец, графоманишке Гермогену — пустой графоман, который только и может, что бормотать свои полустихи в полупространство, доступное звуку... Но увы, бормотать стишки и писать стихи есть глубоко различные деянья. Эта, с позволения сказать, импровизация не в состоянии жить (ЖИТЬ!) в записи, ибо запись стирает пыль неповторяемости и стихи, заблестев, умирают...

Наверное, я чтец-импровизатор, сошедший из египетских ночей, но, видно, слишком никудышный декламатор, не достучавшийся ни до чьих ушей... (Тпру-у, Гермоген, тпру-у! Заткнись! Противно слушать! Кому, действительно, всё это нужно? Ну нравится тебе рифмовать — рифмуй! Только ради бога не строй из себя поэта, тем паче непонятого поэта, поэта, у которого всего-навсего один достойный слушатель, который ты сам и есть, ведь даже и тебе претят эти пускай возвышенные, но, увы, какие-то затасканные строки. Не рифмы, с рифмами как раз всё нормально, но этот затёртый пафос и самый строй...)

Когда-нибудь я брошу эту рифмоплётную жизнь и стану романистом. Я напишу толстый роман длиной в жизнь. Роман, в котором все страницы будут почти одинаковые. Они будут отличаться лишь номером (числом). И в них будет описано 10 минут из жизни одного человека: как он просыпается утром, курит, о чём-то думает, смотрит в окно...

Читатель будет озадачен. Сначала он подумает, что ему достался бракованный экземпляр и побежит в магазин, чтобы обменять, но у него, естественно, ничего не получится. Тогда он подумает, что метранпаж был пьян и запорол весь тираж. Он побежит в издательство, радостно напевая (поскольку чужие, разумеется, не трагические, несчастья почему-то очень часто поднимают настроение): метранпаж загнал тираж, метранпаж загнал тираж (хотя, кажется, уже и нет никаких метранпажей)... но в издательстве скажут, что всё в порядке — ему достался один из самых лучших экземпляров, посмотрите, как чётко пропечатались запяты. Одинаковые страницы? Нет, позвольте, а числа? Числа-то на них разные. Тогда читатель загрузит, он поймёт, что обманули-то на самом деле его. Но, возможно, задумается — а ЗАЧЕМ? Зачем автор сделал все страницы одинако-

выми? Что он хотел этим сказать? Что мы каждый день делаем почти одно и то же, что мы одинаково встаём, одинаково чистим зубы, одинаково сидим на унитазе... И какой же во всём этом смысл? Зачем каждый день проживать одно и то же? Если составить жизнь из неповторяющихся поступков, то она станет намного короче, или, наоборот, длиннее.

Можно написать много таких книг. И издать целую библиотеку. Люди будут разрывать эти книги на части и меняться с соседями, пытаясь составить полную коллекцию из разных страниц. Будут выходить каталоги и путеводители по этой странной библиотеке. А она будет жить, пополняться, изменять направление прочтения...

Вот только. Только никто и никогда не издаст подобной книги, и тем более никто не станет её читать. Или всё-таки кто-то будет? Кроме него? Наверное, нет...

А впрочем, впрочем, есть ещё один беспристрастно-горячий читатель — Огонь. Огонь с одинаковой жадностью проглотит и Пушкина, и Данта, и графоманишку Гермогена. Сожжём то, что ещё не написано, в огне того, что написать успели! Последнее и наконец-то реальное аутодафе над заболевшим медведем. Не видать тебе снега, мой полярный малыш... Хотя. Хотя так и быть, сожгу тебя на этом самом снеге. Пускай сойдутся лёд и пламень. Пускай сотрётся дух о камень. Умрёт последняя строка на грани снега. И пепел осядет на лучах белокрылых снежинок...

Но что это!!? Что за слова дрожат на обороте??!

«Иногда я чувствую себя бабочкой, случайно влетевшею в снежный январь...»

<i>Каталожная карточка:</i>	2/8
<i>Название:</i>	<i>Книга песен и перемен.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек поющий и изменяющийся.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Город и дом.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Ночь и вечер.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Смерч. Алло. Воздушный шарик. Венгерское яблоко. Двенадцать. Четырнадцать. Внутреннее-внешнее. Интерес. Соответствие.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Рассмотрение праздника изнутри и извне. Проблемы художественного перевода изнутри вовне. Неожиданные поступки.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/8:

...

Перепад подкожных состояний вызвал маленький смерч на душе Гермогена. Смерч взметнулся куда-то к горлу, у Гермогена перехватило дыхание, и какая-то тёплая соната заскользила по разрушенному бурей сознанию. Библиотекарь, не отдавая отчёта своим путаным и дёрганым действиям, подошёл к тяжёлому библиотечному телефону и, сбиваясь и запинаясь, десять раз повторяя набор, в конце-концов набрал-таки номер своего упорхнувшего абонента...

О Господи! Причём тут провода?!

Он и без них прекрасно слышал этот бархатный тёплый голос июля. И эта мелодия телефонного слова «Ал-ло»... Тихая робкая музыка, которую невозможно сломать ответом...

И даже зуммер её телефона звучал как-то особенно, и Гермоген долго не отпускал его, представляя телефонную трель в далёком Кукольном доме.

Он объяснил директору, что по-прежнему болен и зашёл просто так по пути в больницу. Нет, он не знает, когда сможет выйти. Нет-нет, извините, ему пора, врач назначил на время, он должен идти...

Он должен идти, скользя по леденелым тротуарам, навстречу городу и метели. Он должен подарить им свой праздник. Он хочет воздушных шариков и цветов, и ещё улыбок, и песен, и каких-нибудь неясных сумасбродств...

Гермоген купил себе голубую гвоздику и зашёл в полупустой недорогой рестораник. Он заказал себе бутылку шампанского и бутерброды с икрой, и ещё мороженое. Потом он где-то пил кофе с коньяком. Катался на трамвае. Шутил с пожилой пассажиркой, угощал её внучку венгерским яблоком, пел революционные песни и горячо дышал в замёрзшее окно, устраивая маленький выход вовне.

Домой он вернулся далеко за полночь и ещё допивал свой портвейн со старушкой Глафирой. Читал ей по памяти поэму «Двенадцать» поэта-символиста Александра Блока. И уверял, что скоро он напишет поэму четырнадцать, ибо... Ибо именно четырнадцатого был тот самый буран, когда пенясь в заснеженном полёте, шатаясь на подкошенных (что за глупый эпитет) ногах, он задохнулся в зимнем повороте и до сих пор витает в облаках... Он без устали плёл сеть из залежавшихся без дела плоских рифм и обветшалых метафор, он отвешивал цветистые комплименты старушке Глафире, танцевал с ней танго под древнюю пластинку Оскара Строка и даже пытался петь романсы собственного сочинения...

А когда блаженно-утомлённый он прилёт не раздеваясь на свою постель, то перед глазами у него поплыла карусель сегодняшних важных событий, и Гермоген подумал вдруг, что если бы какой-нибудь романист попытался изложить этот день на бумаге, то получилось бы потрясающе скучно. Ну, выпил, ну, катался на трамвае, ну, читал стихи старушке Глафире... — какое может быть дело до всего до этого читателям и романистам? Ведь то, что интересно изнутри, оказывается почему-то сухим и скучным снаружи. А то, что изнутри мерзко и тоскливо (всевозможные преступления, подлости, войны в конце-концов), со стороны бывает интересным. Но писатель не должен, не может быть посторонним...

Когда-то давно, ещё в юности, он написал небольшую повесть. Он так сросся со своими героями, что в конце повести спас одного из них — подарил ему вполне благополучный конец. Эту повесть читал только один человек — дядя Альфред, аптекарь, сосед юного Гермогена. И вот дядя Фредди сказал ему тогда: «Понимаете, Гера, Вы решили ЗА своего героя. Вы подтасовали сюжет так, чтобы ему было хорошо. Казалось бы, Вы дали ему счастье, но это пиррово счастье. Сам бы он на это не согласился... Вы знаете, Гера, это великий грех убить своего героя ради улучшения сюжета, но ещё больший грех подправлять сюжет из-за любви к герою. Настоящий творец должен быть достаточно отстранённым, а героев своих отпустить на свободу, чтобы их поступки были неожиданными для него».

Если и у меня есть какой-нибудь Творец, то я, пожалуй что, редко баловал его неожиданностями... — подумал засыпающий Гермоген.

И, как бы удивляя и удивляясь, он подошёл в мягкой полудрёме к окну, распахнул узкую створку и помочился на снег со своего девятого и последнего этажа.

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>2/9</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга книг.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Новорождённый романист.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Плоскость кровати и параболоид сознания.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Излёт ночи.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Блаженное похмелье. Лёгкая тяжесть. Вдохновенная отупелость. Роман будущего.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Набросок романа Будущего. Вернее, аромат наброска. Или даже попытка описания аромата. А ещё точнее, приближение к попытке описания. Или, скорее, задание вектора приближения.</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/9:

Наутро Гермоген проснулся романистом.

Вчерашний праздник вернулся к нему блаженным похмельем. Библиотекарь слонялся по комнате ходячим оксюморонам с лёгкой тяжестью в теле и вдохновенной отупелостью в голове. Вот то, что мне нужно! Оказывается, вот чего мне не хватало. Оказывается, надо побывать в счастье и вывалиться из него в хорошее похмелье. Собственно, это — способ. Это, так сказать, методика вылеплення романистов. Конечно, из диетического яйца цыплёнок не вылупится. Из скучной души романист не родится. Но при прочих равных условиях, предполагая, что в каждом из нас сокрыт некий гений, это, конечно, средство. Вот он ничем таким особенным не выделялся, а тут нате вам пожалуйста — проснулся утром, и в душе роман...

Причём, заметьте, его метода полностью противоречит классической лепке классических писателей, согласно которой, на голову будущего мэтра необходимо обрушить все мыслимые и немыслимые беды от тюрьмы до суммы включительно. Конечно, из счастья и праздника Достоевский не явится, но и сейчас слава богу не девятнадцатый век. Роман будущего так же не похож на «Братьев Карамазовых», как театр теней не похож на мультимедиа.

Вот у меня на душе огромный роман про... Про одного библиотекаря, который... Который... ну, как бы это сказать? В общем, пожалуй, проще сказать, что НЕ. Так вот, он НЕ мечтал о причастии к рангу великих. НЕ считал себя тварью дрожащей, но и НЕ брал себе права на убийство старушек. НЕ уходил в монастырь. НЕ изменял жене (да и вообще женат не был). НЕ бросался под поезд (и любой вид самоубийства был ему противен). НЕ вытаскивал из ямы проститутток. НЕ подумывал об улучшении миропорядка. НЕ дрался на дуэлях (и вообще не дрался). НЕ только не был шпионом и преступником, но и очень слабо знал об их существовании. НЕ проигрывал состояний (и просто не умел играть в карты). НЕ покорял чужие земли. НЕ искал приключений. И на оккупированной врагом территории НЕ был, и в партии НЕ состоял, и к уголовной ответственности НЕ привлекался, и родственников за границей НЕ имеет, и в антиправительственных акциях НЕ участвовал. Но он и не обыватель, не маленький человек, зацикленный, допустим, на шинели... Он, при внешнем отсутствии событий, живёт напряжённой духовной жизнью. Там, внутри себя, он пускается в самые отчаянные авантюры, балансирует на тончайшей границе между разумом и безумием, пишет неважные стихи и создаёт великие, но ещё не озвученные поэмы и иногда...

Иногда он просыпается с романом Будущего в неопохмелённой душе.

Каталожная карточка: 2/10

Название: Книга зыбучих листов.
Автор: Интерактивный романист.
Место издания: Письменный стол.
Время издания: Мимолётное.
Ключевые слова: Ожидание. Бессмысленное движение. Книги. Дыхание текста. Интер-роман. Живые.
Аннотация: Рассмотрение структуры интерактивного романа.

СТРАНИЦА КНИГИ 2/10:

Гермоген подошёл к столу, вытащил из него тетрадку в клеточку и, как был в трусах и майке, так и уткнулся вместе с ними в свой какой-то невсамделишный роман:

«... Ответом на непоставленный вопрос не является ли само задание вопроса? Но если задаётся вопрос о непоставленных вопросах, то что тогда подразумевать под ответом? Очевидно, что в этом случае ответ может быть любым — куда уткнётся глаз, что выведет рука..., рука выводит запятую, глаз скользит по её загибу, разум... Что ж, и такой ответ вполне приемлем — запятая, пауза, ожидание... тоска по Вопросу.

Вот так же и роман...

Я дотрагиваюсь рукой до своего вялого тела. Я чувствую не зависимое от меня движение крови, которое можно остановить смертью, которое можно вывести за пределы тела вскрытием вен, которое можно наполнить новыми сущностями, например, алкоголем или морфием, но которое нельзя одухотворить. «Кровь играет» — это всего лишь метафора. Движение крови бессмысленно и бездумно. Движение романа также бессмысленно и бездумно. Строчки бегут от аорты замысла по капиллярам бесчисленных отступлений, и любой писатель, запрещающий это бессмысленное движение, режет ещё (уже) живую плоть своего романа.

Ах, какое количество прекрасно мумифицированных литературных особей мы имеем! Египетские фараоны могут нам позавидовать. Но чу! Грядёт великая эпоха живых книг. Авторы, отпуская свои детища в гибкие сети чужих прочтений, получают возможность сказать своё внутреннее междуслышное нет (интернет) или дополнительное да. Они получают возможность каждый день (час, миг) изменять структуру своих текстов, выворачивать их наизнанку, перемешивать события и факты, включаться в перебранку со своими читателями и со своими героями. Строчки начинают дышать, слова обретают подвижность, динамика фразы из теоретических деклараций переходит в необходимую реальность. Литература из вечности возвращается в мимолётность. Зыбкость и неокончателность компьютерных версий приходят на смену невырубаемому перу. И уже не жизнь становится реализацией метафоры «драмы», а, наоборот, драма становится реализацией метафоры «жизни». Возникает новый жанр интер-романа, моментального романа-интервью, блиц-разговора со своими читателями, когда написание и прочтение происходят в едином времени. Романа, когда не только писатель, но и читатель способен повернуть сюжет каким-нибудь глупым вопросом. Допустим: «Который час?»

И я отвечу любопытным — вечность...»

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>2/11</i>	<i>Тыль не стирать.</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга глупого счастья.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Скрюченный человек.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Вокруг.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Там же.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Тюрлю-тюрлю-тюрлю-лю-лю.</i>	
<i>Анотация:</i>	<i>Попытка темпировать неожиданно навалившееся счастье.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 2/11:

Гермоген лениво потянулся, пытаясь достать пятками до вечности... — не получилось. В позвоночнике что-то хрустнуло, стрельнуло, прокатилось глухой бестолковой болью и скрючило. «Тюрлю-тюрлю-тюрлю-лю-лю! — радостно пропел Гермоген. — Как мне тюрлю-тюрлю-лю-лю!» Однако видимо смешно и нелепо ощутить счастье, будучи скрюченным глупой болью. Что делать? Счастье невозможно призвать, но ещё труднее от него отказаться... Но любое счастье, в отличие от блаженства, требует подробностей. Необходимы какие-то пустяковые детали, какие-нибудь камушки на ладони, букет осенних листьев, облака...

Гермоген почувствовал, что ему так хорошо, что ещё немного, и он захлебнётся. Счастье было каким-то ненастоящим, книжным, высосанным из пальца... Необходимо было что-то делать, чем-нибудь разбавить, распрямиться в конце-то концов. И тогда Гермоген подошёл на четвереньках к телевизору и включил. Серая бездна экрана раздвинула свои электронные шторы, и на него тут же обрушился шквал преступлений и катастроф, и просто мелких неприятностей в виде повышения налогов и пр. Впрочем, всё это было ещё более ненастоящим...

Н-да, разумеется, мастер прав: «все счастливые люди счастливы совершенно по-разному, а вот в несчастье и тоске царит сплошная серость мыльных совпадений...», но, впрочем, кажется, ошибся толстый гений, и говорил совсем наоборот: в аптеку топают простуженный народ, ест колбасу, вкушает крепкий кофе, однообразно счастливо живёт, когда урчит натруженный живот, обеспокоен мыслью о погоде, встречает ежегодно Новый год, под вечный Оливье и пробку в потолок... Похоже, так. Но что мы о народе? Когда так глупо счастлив и когда не можешь разогнуться отчего-то. Когда ты ждёшь весеннего звонка, бормочешь чепуху, листаешь мысли... Чего ж ещё?.. Печаль моя чиста, печаль моя полна ещё неведомой, непознанной тобою.

А сверху, с пожелтевшего потолка, спускался паучок на своей невесомой ниточке, и было совсем непонятно: почему же тогда зима?

<i>Каталожная карточка:</i>	2/12
<i>Название:</i>	<i>Книга внезапной тревоги.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек блаженного похмелья.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Около кухни.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Около утра.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Тщание. Изысканность. Сборы. Звонок. Тревога. Ибсен. Приобретение печали.</i>
<i>Анотация:</i>	<i>Что происходит со счастливым временем ожидания счастья, если счастье так и не приходит?</i>

СТРАНИЦА КНИГИ 2/12:

Наконец Гермоген распрямился и с великим тщанием и наслаждением начал ухаживать за своим телом. Он делал какую-то смешную зарядку, поливал себя контрастным душем, брился и мазался всевозможными кремами (их у него было 2, причём, оба открывались впервые). После этого Гермоген надел свой лучший, а впрочем, единственный костюм, завязал при помощи энциклопедии домашнего хозяйства галстук в мелкую чёрную клеточку и спустился вниз, чтобы купить себе самых дорогих сигарет (быть может, даже сигар).

Он шёл сквозь лёгкий снежок в блестящих лакированных ботинках, глуповато улыбаясь, и казался себе утончённым книжным героем XIX века. Мимо пронеслись роскошные экипажи в шестьдесят лошадиных сил, и заспанный приказчик из табачной лавки отпустил ему коробку дорогих колониальных сигар.

Нужно было максимально замедлить течение времени. Нужно очень тщательно размолоть кофе и варить его не просто на газу, но в специальном противне с речным песком, и ещё должна быть тихая музыка и ликёрная рюмочка золотого Гольдвассера, и... и ещё пустота. Сознание должно провалиться в вакуум, в гладкий омут бездействия и тишины.

В счастье самое главное — это не тот неуловимый и прекрасный миг блаженства, но ожидание этого мига, трепетное приближение..., сборы...

И всё-таки нельзя переборщить, нельзя переигрывать, нельзя тормозить намеренно. И Гермоген, затягиваясь крепким и не очень-то уж и вкусным сигарным дымом, вдруг осознал, что он просто боится. Боится результата. Причём любого результата. Он просто не хочет ничего. Ни всплеска взаимной любви, ни отказа, ни разлуки. Он не хочет абсолютно ничего... И тогда Гермоген поднялся, подошёл к своему старому, не раз битому телефону и набрал мгновенно вспотевшей рукой этот странный семизначный код к своему мотыльковому счастью...

А когда он услышал, что мамы нет, то всё никак не мог понять, а хочет ли он поговорить с папой. С папой? С каким ещё папой? Ни с каким папой он говорить не хочет.

Алло! Да. Это звонят из библиотеки. Какой библиотеки? Библиотеки имени Николая Островского. Да. Мне нужно поговорить с Элеонорой У. Она должна сдать книгу. Что!? Как ушла из дома? Как так сами не знаете? Уехала в Америку! Ах, должна была уехать! И не уехала! Что? Записку? Какую записку? Да нет, ну что Вы, да успокойтесь Вы, успокойтесь. Ну, не уехали сегодня, уедете завтра. Что? Сказала, что не вернётся? Ах, написала. Ну, попробуйте встретиться... Ну, где-то же она должна быть. Позвоните друзьям, знакомым. Как нет друзей? Но что всё-таки написано в записке? Хочет разобраться в себе? Не считает возможным жить вместе?...

Это Ибсен. Какой Ибсен? Был такой гениальный норвежский драматург Генрик Ибсен...

Телефонный провод запутался вокруг ножки стула. И отзвуки тревожного разговора ещё долго вибрировали в его замысловатых изгибах.

Каталожная карточка: 2/13

Название: Книга печали и радости.

Автор: Человек, разрушающий норму.

Место издания: На диагонали комнаты.

Время издания: Полдень-полночь.

Ключевые слова: Радость, норма, нормальность, ненормальность, огонёк зажигалки. Как всё не просто в этом мире.

Анотация: Разрушение категорического императива невмешательства.

Провисшие зёрнышки на морозных зворах аси.

СТРАНИЦА КНИГИ 2/13:

Гермогена оглушила радость. Если перед этим он был вроде бы счастлив, но как-то безрадостен и неуклюже напряжён, то теперь он уже не думал о счастье, а просто был беззаботен и весел, и даже ликующ! Хотя внешне это никак не проявлялось. Внешне это выглядело, пожалуй, даже грустно: библиотекарь сидел в глухом кресле, бессмысленно чиркал зажигалкой и улыбался...

Погода за окном была в снежинках. Душа кружилась в лепестках стихов... О боже мой, какой там, к чёрту, Ибсен! Он! Он — Гермоген, своим ребячливым четверостишьем остановил заграничный Боинг. Это отнюдь не Ибсена, но его кослапые строчки последней снежинкой перевесили чашу весов. И это хорошо, и это здорово, и это правильно, и это так и нужно. Ведь бабочки не должны летать в тяжёлых самолётах. Бабочки летают сами по себе.

Гермоген смотрел на умирающий огонёк зажигалки, и улыбка медленно таяла на его губах. Он ощутил вдруг талый привкус снега..., и холодок нечаянного страха, как серый камушек или кусочек льда, скользнул на сердце... Он, сам того не желая, да в общем-то и не ведая, вмешался в чужую совсем постороннюю жизнь. Тысячи строк он успел разбросать по чьим-то неведомым судьбам. И вот, казалось бы, такая безобидная игра в эту его стихотворную почту вдруг обернулась перемещением мировых линий. Вселенная прогнулась от случайного попадания наугад отпущенного слова. И он, Гермоген — библиотечная крыса, — перемешал логичность судьбоносных траекторий: **бабочки** порхают среди **снежинок**, молодые **матери** бросают **детей**, молодые **женщины** избегают **достатка**, молодые **жёны** расстаются с **заботливыми мужьями**. И всё потому, что какому-то книжному моллюску вздумалось возомнить себя поэтом — существом, стоящим за пределами человеческих норм.

Он нарушил категорический императив Гермогена: **Люби мир таковым, каков он;** не пытайся дремучие леса непредсказуемых душ упорядочить в парки человечески-стройных сознаний; не украшай ёлку ничем, кроме снега; но и не разрушай парков, если они воздвигнуты кем-то другим*.

*Такие дела, брат Гермоген. А впрочем, на то и жизнь, чтобы раздвигать границы дозволенного. Был императив категорический, а стал гипотетический...

Гермоген наконец-то выключил огонёк зажигалки и сразу обнаружил темноту. Однако как же быстро проскочило утро, ужели это вечер? Уж не случилось ли нежданного затмения? Или Земля попала во временной пробел?...

Да уж, оно конечно, — куда там Ибсену тягаться с Гермогеном, он и самолётов-то, небось, никогда не видел и уж совсем не представлял себе всех мелких прелестей современной российской жизни, от которой так хочется умотать в далёкую Америку, где каждый туземец миллионер, но и расстаться с этой чёртовой жизнью почему-то никак невозможно, потому что она какая-то слишком уж настоящая... А все эти Америки и Норвегии всего-навсего Кукольные дома по сравнению с Россией, и Ибсен со своими игрушечными проблемами остаётся где-то там за кромкой временного горизонта. И никогда б его великое перо не вывело наивного стиха о белом чудеке-медведе. Норвежский гений был до крайности серьёзен...

Однако что бы значил бой часов? Ужель они обозначают полночь? Послушай, жалкий разрушитель счастливых судеб, какого чёрта ты тут рассуждаешь? Развёл в мозгах лирическую сырость! Иди! Ищи её! Найди и возврати ей счастье! Когда ты возомнил себя поэтом, то будь любезен и воспой ей **норму!** Воспеть безумие, воспеть уход от правил, об этом лишь ленивый не писал! А ты сумей воспеть **великую нормальность!** Цветы для бабочек, а снег полярным мишкам. **Жена и мать должна жить для семьи. Семья должна стремиться к счастью и покою.** Читать не Ибсена и, боже упаси, не Гермогена. Читать святую книгу «Домострой» и Библию. По вечерам чтоб непременно телевизор, а по утрам зарядку и холодный душ. По выходным поливка огорода или поход на лыжах, ну, театр там какой-нибудь, музей... Ребёнка музыке учить, английскому и танцам. Ну, что ещё? Ещё ты, мастер Гермоген, — говно. Ты лишь себе дозволил ненормальность. Лишь ты один способен не хотеть не только денег, но и **даже** славы. Лишь ты один не жаждешь восхищения. Или пускай простого пониманья. Духовный мазохист! Тебе ведь нравится твоя неоценённость! Ты презираешь похвалу толпы. Лишь Бог один тебе судья и зритель...

А теперь вдруг ты почувствовал холод у сердца, и заглянувшая в окно случайная звёздочка уже не приносит тебе той беспричинной радости.

Каталожная карточка: 2/14

Название: Книга затмения.

Автор: Человек затмевающий.

Место издания: Планета Земля.

Время издания: Полночь-полдень.

Ключевые слова: Права библиотекаря, искушение нормой, односторонний разговор, зуммер неизвестности 00.

Аннотация: Проекция солнечного затмения в мир человеческих взаимоотношений.

Не доверяйте телефонным разговорам.

СТРАНИЦА КНИГИ: 2/14:

Гермоген осознал вдруг, что с утра ничего не ел и даже не курил. Он достал уже совсем неинтересную ему сигару и отправился на кухню, где заварил чашку обычного растворимого кофе.

«Она вернётся. Должна вернуться. Вкусивший нормальности не может от неё отказаться. Искушение экстазом преодолимо, а вот искушение нормой... ещё неизвестно, побеждал ли хоть кто-нибудь это искушение. Конечно, вернётся, да она уже вернулась. Вот сейчас позвоню ей и скажу, чтобы перед отъездом в свою грёбаную Америку обязательно вернула книгу. Погоди, погоди, калоша ты стоеросовая, она же уже вернула... Ну, всё равно позвоню и узнаю, как, например, самочувствие. Библиотекарь может, имеет моральное право звонить своим читателям. Библиотекарь — это всё равно, что врач, или скорее аптекарь, выписывающий лекарство для заболевших или просто загрустивших душ, и почему бы ему не узнать о самочувствии своих пациентов. Однако постой... кто ж это звонит в два часа ночи? Кстати, а почему светло? Может быть, всё-таки день? Может быть, всё же было обычное солнечное затмение? Ну конечно же, как же он мог забыть?! Об этом ведь всю неделю вещали. В субботу, мол, предвидится полное солнечное затмение... Вот и у них в семье небольшое затмение. Она просто нелепо дёрнулась под влиянием книги и закрылась от мира фантастическим вымыслом. Но маятник качается в обе стороны, и конечно же...»

Алло, ало! Нет-нет, это не Элен, извините, пожалуйста. А она, выходит, так и не вернулась?! Ну, перестаньте, перестаньте немедленно. Не нужно плакать. Подождите, подождите, Вы что — пьяны? Помилуйте, сударь, это просто безнравственно. Пить с горя нельзя, это аморально, это противоречит возвышенной сущности человека. Это... впрочем, простите, высказывать Вам всё это не менее аморально... Но что же делать? Надо где-то искать её! Да. Да. Конечно. Простите? Мне? Ну, понимаете, я библиотекарь, и я просто волнуюсь за судьбу книги...

Гермоген положил эту обжигающую ухо телефонную трубку и закурил уже совсем теперь противную сигару.

3. СТРАНИЦЫ В СВЕТЛЫХ СУМЕРКАХ

От Гермогена

*И осенью хочется жить
Этой бабочке: пьёт торопливо
С хризантемы росу.*

(Басё)

*О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылёк!*

(Басё)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>3/1</i>	<i>Осторожно: стихи</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга нахлынувшего стиха.</i>	<i>на стекле! Осторожно: не нужно бросать!</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек, смотрящий в калейдоскоп.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Пространство памяти и вокруг.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Нелинейное время памяти.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Стёклышки, осколки воспоминаний, мотыльковый бред, фата-моргана, нетрезвый бог.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Перетекание калейдоскопического пространства из зазеркалья стёклышек в запредельность памяти. Смещение реальностей.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 3/1:

Получается, не вернулась...

Стало быть, бабочка не захотела жить куколкой... Стало быть, и бабочки обладают свободой воли... Стало быть...

Гермоген взял с книжной полки детскую игрушку — калейдоскоп — и стал рассматривать причудливые мимолётные, почти неповторимые узоры. И эти кусочки цветного стекла, отражённые в шестиугольном зазеркалье, постепенно превращались в осколки его разноцветных воспоминаний:

Вот восьмилетний мальчик в очках с пластмассовой чёрной оправой стоит у окна и беззвучно плачет. Он впервые осознал неминуемость смерти, и на него накатила тяжёлый чёрный ужас этого великого осознания. Слезинки изменяют и такто нарушенную фокусировку глаз, мир расплывается, преломлённый каплями слёз, и ..., но осколок смещается, и вот уже хрупкий узкоплечий юноша бежит по улице и, со щенячим восторгом срывая цветы сирени, раздаривает их старушкам, спешащим к заутрене. Он счастлив, и он не верит ни в какую смерть, потому что не остыл ещё на губах его привкус её горьковатых ресниц..., и вот уже новое стёклышко освещается заходящим солнцем, на фоне которого начинающий сесть библиотекарь читает молитву собственного сочинения, ничего не прося в ней и ни к

кому не обращаясь. Он снова начал предполагать, что со смертью кончается всё. Он страшно жаждет обрести хоть какого-нибудь захудалого бога, но, к несчастью, гипотеза случайного зарождения жизни с последующей эволюцией и смертью, как самым что ни на есть ординарным явлением, кажется ему сейчас наиболее правдоподобной...

А это? Вот этого осколка он не помнит, или воспоминания уже превращаются в грёзы? Позвольте, позвольте! Но ведь это она! Откуда? Для чего? Ведь бабочкам нельзя в калейдоскоп, стекляшки могут поломать им крылья...

Ах, просто я не расслышал звонок. И, конечно же, дверь. Да, да, я забываю её закрывать. Но послушайте: зачем Вы пришли ко мне? Вам сегодня же следует ехать в Америку! Нельзя и не нужно бросать семью ради призрачных поисков самого себя. В конце-концов, эти поиски приведут Вас назад к тем самым простым и обычным дебрям, от которых вы так опрометчиво отказались. Нет-нет, я не гоню Вас. Как же можно? Совсем наоборот, я бесконечно счастлив и просто даже не могу во всё поверить. Я, честно говоря, ещё не понял, в калейдоскопе Вы иль наяву...

Вы знаете, я после нашей встречи заболел, лежал в бреду, температурил возле птичьей нормы... Потом... Потом я, кажется, поднялся, устроил праздник бабочек в снегу. Напился в снежный хмель. И с тётей Глашей танцевал, и пел романсы... Наутро позвонил, а Вы... А вы уже исчезли! Исчезло Солнце. Началось затмение. Из космоса свалился чёрный мрак... И тёмно-синие простуженные мысли меня терзали...

Вы знаете, Элен, я не могу поверить в вашу достоверность... Скорее допущу, что я сошёл с ума! Вы говорите, это Вам не важно! И что согласны оставаться вы любовным бредом, тем мотыльковым призрачным фантомом... Фата-морганой жить в моей душе...

Готовы Вы порхать и быть послушным приручённым бредом... Ну, если только так... Так даже легче. Невесомый бред я буду с рук кормить нектаром эдельвейсов. С моих ресниц он будет пить слезу... И слов моих томительная лёгкость вокруг него устроит карнавал! Я выдохну персидские поэмы, романс Китая, белый стих славян... Цветное языковое пространство, июньский луг, весенний горизонт — преподнесу я медленно и плавно к твоим ногам... Улыбка бабочки, крылатая улыбка. Стихи об осени. Поэмы о любви. И на твоих крылах уж иней серебрится. Прекрасный отсвет свежевывавшей пурги. Легчайший бред, запорошённый снегом... Нет, я не болен. Просто я в бреду. Не в силах даже допустить, что вы не иллюзорны. Я очень слаб. Не верую ни в Бога, ни в Любовь. Не верую ни в Слово, ни в Пространство... Мне даже проще допустить себя чьим-то бредом. Ведь вполне возможно, что создан я каким-то пьяным сумасшедшим Богом. Нетрезвым Богом, потерявшим разум, влюбившимся в падающую звезду... Тем самым Богом, кто попытался перепутать время, остановить блистающий полёт, но осознал, что это невозможно, и в результате получил лишь снимок — слепую фотографию мечты... Вот так и я — седой библиотекарь, засохший под тяжёлым грузом книг, остановил крылатую комету на бесконечно-разноцветный миг. Она сошла с исходной орбиты, она забыла планетарный долг, и чьи-то судьбы стали перебиты, и детский смех в её квартире смолк...

Запутанные ритмы стихотворного бреда ещё долго сотрясали пространство в когда-то такой тихой квартире почтенного библиотекаря, и восьминогие паучки выползали из своих уголков с тревогой и удивлением.

<i>Каталожная карточка:</i>	3/2	<i>Эти хрестоматийные фразы так не сложно разобрать и сложить!</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга пересекающихся притч.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Персонаж, становящийся автором.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Неопределённость типа бесконечность на бесконечность.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>От минус бесконечности до плюс бесконечности.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Солнечный лучик, холодная льдинка, война за призрак, транслитерация чувства, океан.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Взаимопересечение пространства притч и реальностей.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 3/2:

Хочешь, Элен, я расскажу тебе притчу..., а впрочем, я не уверен, что это всего лишь притча..., быть может..., но на самом деле это не важно..., ты сумеешь понять..., ведь слова... Слова, слова — славянские слова... О чём бишь я? Ах да, слова... Но слушай:

«Одна маленькая холодная льдинка полюбила тонкий солнечный лучик, она припала к его раскалённым ладоням и... растаяла... но лучик успел преломиться сквозь капельку, в которую превратилась она, и их короткая любовь вспыхнула радужным мостиком от небесной мечты до земли и смерти...»

Я не знаю, быть может, это совсем не притча, быть может, всё как раз наоборот, быть может, это моя жизнь притча, которую рассказывают солнечные лучи, преломлённые сквозь капельки растаявших снежинок. Да и возможно ли по другому-то? Если я только бред сумасшедшего пьяного Бога, если ты всего лишь производная от этого бреда, если ты отказалась стать куколкой, а я отказался писать стихи про грустивших полярных медведей, тогда... Тогда сами мы стали стихами и притчами, превратившись в слова о забытой, о веках забытой Любви... Знаешь, Элен, мне совсем не страшно быть бредом. Ведь оказалось, что отнюдь не Бог управляет мной, но, наоборот, я управляю своим Богом. Я заставляю его плакать или смеяться, пить вино и петь песни, писать обо мне поэмы или рассказы... Поэтому я думаю, что и ты не должна бояться меня. Ведь это не я тебя выдумал, но просто ты прочла обо мне в какой-то пожелтевшей книге и каким-то неведомым мне приёмом умудрилась попасть на её страницы, изменяя течение ритма, сюжета, завихряя года, раздвигая пространства... Что мне делать с тобой, Элен? Как мне вернуть тебя в мир повседневных забот?

Помнишь, как ты бросила и своего Менелая, и свою маленькую дочку Гермину. Помнишь, как ты убежала с этим шалопаем Парисом в далёкую Троию... Помнишь, сколько бед принесло это твоё неразумное бегство. Впрочем, Гесиод утверждает, что Боги подменили тебя призраком, и именно за призрак твой разгорелись Троянские битвы, а сама ты в то время обитала в Египте, ожидая приезда своего Менелая...

Вот и сейчас, мне достаточен призрак, я желаю войны только в призрачном мире... Но в реальности... В реальности я не хочу, я не имею никакого права становиться причиной, ломающей жизнь. Моё место в строке..., поверь, я всего лишь иллюзия, транслитерация чувства. Буквы, создающие меня, изначально

хотели другого, но я уже не в силах был ими управлять. Ведь иногда моя власть теряется, и я превращаюсь в шахматную пешку, которую бьёт наповал диагональный королевский взгляд...

Я помогу тебе одеться, Элен. Ты так красива в этой окантовке из песка... Я возьму тебя за руку, и мы пойдём по ночному городу в поисках твоего опустевшего дома. Я извинюсь перед твоим домом, Элен. Я верну тебе утраченный покой. И никогда! Слышишь, НИКОГДА ты не должна вспоминать обо мне. Ибо воспоминания твои будут наотмашь бить по моему библиотечному сердцу. Ты улетишь в когда-то так желанную тобой Америку, и Тихий океан будет смеяться около твоих загорелых ног. Ты будешь играть с его волнами в догонялки, и когда одна из них захлестнёт твои белые туфельки, ты, опьянённая игрой, упадёшь в океанскую пену и прокричишь в проносившийся ветер что-нибудь несуразное:

«Я люблю-ю тебя-я, Океа-ан!»

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>3/3</i>	<i>Лежала лыжня</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга отсутствующей ревности.</i>	<i>на ладони и тихо</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек, смотрящий из калейдоскопа.</i>	<i>таяла.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Среди разноцветных стекляшек.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Между двух вздохов.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Парусник подалирий, белоснежная каравелла, пиратский бриг.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Высшее проявление любви.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 3/3:

Я тоже. Я тоже люблю тебя, Элен. И именно поэтому я отдаю тебя в объятия Океану. Понимаешь, было бы смешно ревновать тебя к Океану, точно также, как смешно ревновать к дождю или к солнцу, или к бокалу вина, к которому ты припадаешь губами, или к твоему сыну, которого ты когда-то кормила грудью, или к твоему мужу, который сливался с тобою в счастливых влюблённых ночах... Ведь никто, никто из них не увидел в тебе голубую бабочку, и никто не сумел приручить и приручиться к ней. Прости, если можешь, меня, Элен. Ведь я забрал эту бабочку из твоей души, и теперь она уже не сможет в неё вернуться. Быть может, когда-нибудь в тебе зародится другая бабочка... Я думаю, что это будет не махаон, нет. Скорее всего это будет Парусник подалирий, впрочем, махаон — это тоже парусник... Ты будешь белоснежной каравеллой, закутанной в каскады парусов. И я подойду к тебе чёрным пиратским бригам. И отсалютую в твою честь изо всех корабельных пушек...

Ах, Элен, я знаю, как это тяжело — уходить от своей бабочки. Как трудно доверить её хотя и белому, но всё равно медведю. Но тебя должно успокаивать то, что этот медведь сумасшедший. Я разведу на всех окнах герань, чтобы у неё был свой собственный садик, я буду играть для неё на флейте, я куплю электрический вентилятор, и мы будем играть с ней в ветра и бури... Ну почему, почему ты не хочешь уйти от нас? Или прийти? Может быть, ты решишься прийти к нам, Элен? Может быть...

На гребнях волн морская пена, тревожный взгляд, и разноцветные стекляшки так режут глаз...

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>3/4</i>	<i>Так красиво — рядом на жасминовом чае.</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга вечернего чая.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мастер чайной церемонии.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Относительно кресла.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>В пределах вечера.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Прирученный бред, болезнь Бога, жасминовый чай, подготовка ко сну.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Проблема выбора — уйти или остаться.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 3/4:

Гермоген опустил калейдоскоп на стол и увидел Элен, сидящую в его холостяцком кресле. Она поджала под себя свои странно загорелые для зимы и какие-то удивительно нежные ножки и смотрела на него искрящимся золотистым взглядом...

Ах, просто я не расслышал звонок. И, конечно же, дверь. Да, да, я забываю её закрывать. Но послушайте: зачем Вы пришли ко мне? Вам сегодня же следует ехать в Америку! Нельзя и не нужно бросать семью, ради призрачных поисков самого себя. Я это уже говорил? Да, но простите, откуда же Вам известно? Ведь... Нет, ну что Вы, конечно. Всего лишь бред. Вам понравилось? Вам понравилось быть моим прирученным бредом?! И Вы ради этого хотите остаться здесь? Нет! Это невозможно! Я Вам запрещаю! Я запрещаю Вам даже и думать об этом. Никогда! Слышите, никогда нельзя идти на поводу у больного. Да, да, конечно же, Любовь — это болезнь... И жизнь. Жизнь — это тоже болезнь. Только Любовь — это болезнь человека, а жизнь — это болезнь Бога. Но это всё ни к чему, это постороннее всё, лишнее, не о том... Вы поймите, поймите меня, Элен, если бред теряет свою собственную волю, то он перестаёт быть интересным. Он превращается в простое добавление единиц. Ты можешь складывать их одну с другой и можешь пойти в этом занятии до совершенства, до далёкой и непонятной бесконечности, до странного числа, которому уже нет названия, но тем не менее сущность-то его тебе досконально известна... И не надо говорить, что вы остаётесь здесь по собственной воле. Совпадение желаний — это уже потеря воли, а тем более Любовь.., или хотя бы приближение Любви... Что, что? Вы хотите, чтоб я испытал свою волю на Вас? Вы хотите, чтоб я попытался прогнать вас отсюда? Но я же и так гоню. Нет, ну конечно, есть ещё один способ, но при этом... При этом я должен буду обидеть Вас... А вот этого я боюсь больше всего на свете...

Ну, хорошо, хорошо — оставайтесь. Может быть, и в самом деле иногда необходимо следовать своей природе?.. Оставайтесь. Давайте пить чай. У меня есть отменный жасминовый чай и ещё... Ещё я, как видно, предчувствуя ваш приход, прикупил всевозможных миндальных пирожных... Ведь вы же должны быть чем-то похожи на ибсеновскую Нору, а она... Она так любила эти самые миндальные пирожные...

А потом. Потом мы, наверно, ляжем спать. Почему? Ну, потому что в первую встречу нельзя быть вместе очень долго. Нельзя. Да, да, мы завалимся спать. Вам, Элен, я постелю на кровати, а для себя я сдвину оба кресла. И сны. Сны у нас с Вами будут немного различны. Ибо, как это хорошо известно, сон прикроватный не может быть приравнен ко сну креслообразному...

Да и вообще: а есть ли они — сны?

4. СТРАНИЦЫ ПОЗДНЕГО ВЕЧЕРА

От Гермогена

*В эти долгие дни
сколько раз, томимый бездельем,
праздно я наблюдал,
как неспешно проходит солнце
весь свой путь от восхода к закату...*

(Окума Котомити)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>4/1</i>	<i>Уже пахнуло про-</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга объяснительных речей.</i>	<i>ливным дождем.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек объясняющий.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Полуквартира и полувокзал.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Спустя полгода.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Пространство перепутанных дорог, сбо-</i>	
	<i>ры, Корея, сено.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Мы ответственны за тех, кому мы дали</i>	
	<i>книги.</i>	

Комментарий: Уже полгода в небольшой квартирке Гермогена творится что-то странное. То она становится быстроходным чайным клипером, прорезающим фиолетовую синь Индийского океана, то вдруг превращается в серебристый дирижабль, летящий к Северному полюсу, а то пресуществится в юрту эскимосов или в плавучую хижину филиппинцев.

Все эти перерождения и видимые беспорядки очень волнуют тётушку Глашу, которая опасается случайных чайных (от забытого чайника произошедших) пожаров и водопроводных наводнений, и разрывов теплоцентрали (всякое может быть, когда квартира пересекает полярные широты и в открытые окна-иллюминаторы набиваются сугробы снега), и всевозможных тропических лихорадок, которые могут затащить в их дом эти побродяжки фильки-петьки. И только материнская любовь и привязанность к Гермогену останавливают её от принятия экстренных мер по вызову спасательных экспедиций.

СТРАНИЦА КНИГИ 4/1:

Осторожнее, осторожнее, тётушка Глаша, — там спит маленькая бабочка, заблудившаяся во времени. Маленькая прекрасная Элен, которая ушла из прямолинейного мира в пространство перепутанных дорог. Ты не видишь её? Ну конечно, как же ты можешь её увидеть? Для тебя это просто-напросто оборванная нищенка, которую добрый Гермоген уложил в собственную кровать... Прости меня, милая тётушка, но ты, к сожаленью, не в состоянии разглядеть за этой перепачканной потёртой оболочкой весеннюю душу, в которой парит голубой махаон... Ты говоришь, что когда-то я ходил в библиотеку? И делал дело? Ах, тётушка, что значит делать дело? А может быть, именно тогда-то я и бездельничал? Но это-то как раз и не важно. Важно другое. Я предложил ей книгу. А книги... Книги, тётушка, порой

весьма опасны. Вот и Элен, вослед за героиней из ибсеновского «Кукольного дома», оставила свою почти что настоящую квартиру и стала нищенкой... Я подобрал её на паперти у Спаса. Она, наверное, сошла с ума. И если так, то в этом я повинен. Ведь это я тогда ей выдал книгу, да мало выдал, я вложил в неё дурацкие медвежий стихи...

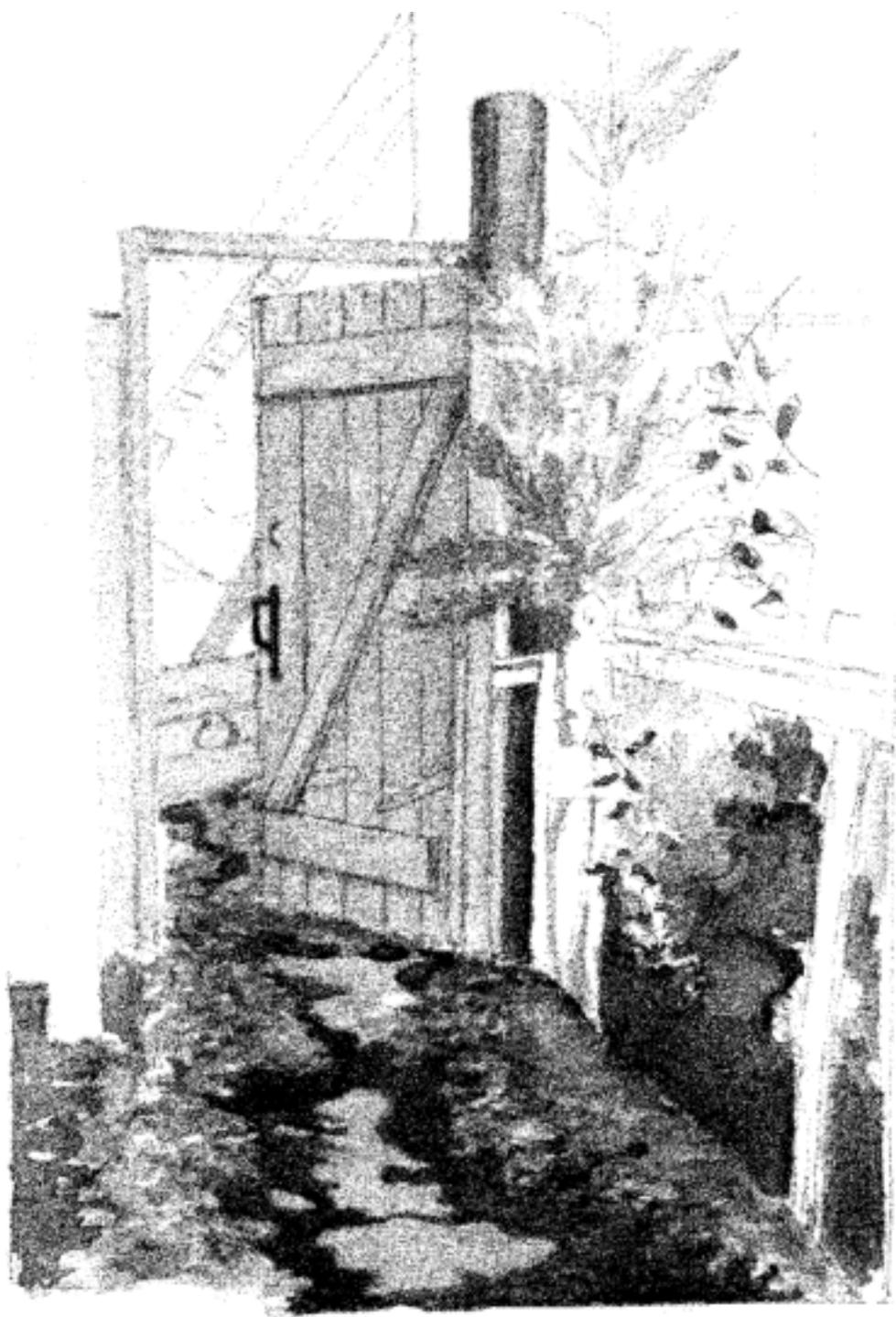
Скрипучий неуклюжий Гермоген — ещё тогда он возомнил себя поэтом... Послушай, тётушка, ну что ты всё ворчишь? Ну и подумай, пускай живут и блохи... Каких-то маленьких ничтожненьких букашек ты можешь рассмотреть, а бабочки в душе её не видишь. Я странный, говоришь? Ещё бы я не странный. Ведь я на ветер отпустил свой ум и уж давно живу по зову сердца. А сердце, понимаешь, безрассудно, ему так трудно выбирать среди добра и зла... И невозможно думать о себе, когда... Ах, тётушка, отстань. Твои советы, право, надоели. Ты говоришь, я тоже надоел? Ты вызовешь психушку и т.п. Послушай, тётушка, прошу тебя, не надо. Нас скоро здесь не будет. Мы завтра же с моей родной Элен уедем к голубому Океану. Я отыскал отличный товарняк, везущий сено из Москвы в Корею. Корейцам для чего-то нужно сено. А в сене можно всю дорогу спать и вспоминать застенчивое детство или мечтать о синей высоте, читать стихи, рассказывать поэмы, смеяться, падать, кувыряться и кричать... Что мы возьмём с собой в далёкую Корею? Сейчас, сейчас — я уже начал сборы. Возьмём: калейдоскоп, сифон, подзорную трубу, три камушка с предгорий Карадага, двенадцать банок диетической тушёнки, сто восемнадцать чёрных сухарей и десять литров дождевой воды, ну и конечно, всё, что есть в душе, возьмём с собой, тебе не оставляя, а то ты можешь, право, испугаться, ведь там не только бабочки живут, живут там и полярные медведи...

Давай-ка, тётушка, станцую на прощанье, как раньше, аргентинское танго.

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>4/2</i>	<i>Сошёл с ума? За-</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга самоосознания.</i>	<i>чем же оторваться?</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек наблюдающий.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Там.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Всегда или в прошлую среду.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Душа, утраченная твёрдость,</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Что происходит с пассажиром, на полном ходу сошедшим с космического корабля жизни?</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 4/2:

Как это странно. Мир утратил твёрдость. Сошлись реальность, грёзы, игры, сны... Я вроде знаю, что лишь притворяюсь. Что лишь пытаюсь сумасшедшим быть... Так легче. Легче быть безумным. Нестись сквозь время на космической мечте, болтать стихами, кувыряться с лестниц, любить весь мир и маленькую Лен и продавать последние пожитки, и жить сейчас, а не когда-нибудь потом...

5. ПОЛУНОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

От Элен

*Прямо под облака,
навстречу осеннему ветру,
улетая во мглу,
так бездумно и беззаботно
светлячки лесные резвятся!..*

(Камо Мабутти)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>5/1</i>	<i>Ах, этой невоз-</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга-остановка.</i>	<i>можный запах</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мастер незаметной остановки.</i>	<i>сена!</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Казань. Вокзал. 14-й путь.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Спустя ещё несколько дней.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Сеновал, праздник, карнавал разноцвет-</i>	
	<i>ных слов.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Поезд-квартира, спешащий зачем-то в</i>	
	<i>Корею, остановился на время в незнако-</i>	
	<i>мой далёкой Казани.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 5/1:

Ну что вы, тётушка, какой он сумасшедший! Он просто повзрослевшее дитя, которое в безумие играет. Ну вот, скажите, настоящий сумасшедший сумел бы при-тащить в квартиру сено? И записать шум поезда на свой магнитофон, ужели бы сумел? Да и потом, какой же сумасшедший себя безумным станет называть?.. А почему мы говорим всегда стихами? Сама не знаю. Это Гермоген. С него всё началось. Сначала мы сбивались с ним на прозу. Потом привыкли. И только иногда меняем ритм...

Вы знаете, почти что год назад, когда пришла к нему в библиотеку, уже тогда его я полюбила... Я не за книгой ведь пришла тогда. А просто укрывалась от метели. И попросила у него журнальчик светский, про моду там, про всяких президентов, про способы сбивания коктейлей, ну в общем, про простую чепуху.., а он... а он, должно быть, что-то перепутал, он как бы что-то видел сквозь меня, и как бы мне, но как бы и фантому, он пьесу Ибсена принёс... Да и ещё... ещё вложил в неё короткие стихи о горькой участи полярного медведя... Ты знаешь, тётушка, ведь это из-за них я не уехала тогда с моей семьёю... Во мне как будто что-то пробудилось...

Пришла к нему. Мы стали вместе жить. А вот вчера уехали в Корею. Мне, кстати, тетя Глаша, непонятно, как ты-то попадаешь в наш вагон? Ужели и тебя мой милый ненормальный Гермоген очаровал своим безумным планом? Ты говоришь, что никуда не уезжала, и просто Гермоген устроил сеновал в своей давно не убранной квартире... Ты понимаешь, я ведь тоже так сперва считала, но только вот попробуй объясни — каким же образом безумный Гермоген сумел заставить двигаться ландшафты, что видятся из нашего окна? Сейчас не движутся? Ну, это остановка. Ведь мы уже приехали в Казань, и Гермоген сейчас пошёл за пивом.

Вот и ещё, ты говоришь, что Гермоген безумец, однако, обрати своё внимание на то, что продавал он в букинисте, сперва ну самые волнующие книги, те книги, что он больше всех любил...

А я? Да нет, я ни о чём не сожалею. Быть может, просто я не доиграла в детстве и милый невозможный Гермоген мне просто хочет подарить чудесный праздник. Он, кстати, бабочку в душе моей увидел...

Ты знаешь, тётушка, он иногда становится таким смешным. Ему всё кажется, что я являюсь бредом... Ну что ж, пускай, — ему я не перечу. Пускай я бред. Но прирученный бред. Я пью нектар с альпийских эдельвейсов, которые он где-то достаёт. Я слушаю его игру на флейте. И карнавал из разноцветных слов, который он на волю выпускает...

Ах, тётушка, какой же он красивый...

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>5/2</i>	<i>Просторная</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга железнодорожных развилок.</i>	<i>мешня железных</i>
<i>Автор:</i>	<i>Машинист несуществующего поезда.</i>	<i>колёс.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Дорога на Юго-Восток.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Местное.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Товарный поезд, настоящее движение.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Зачем искать то, что существует за нашим окном?</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 5/2:

Ну, вот и Гермоген.

Я так боялась, что от поезда отстанешь. Не уходи. Ведь есть у нас вода и сухари, и даже есть тушёнка... Быть может, нам достанет до Кореи?

Такой смешной — включил магнитофон, старался, чтобы я не увидела... Как это весело — играть в товарный поезд... И как бы ехать на мифический Восток... Лишь одного не в силах я понять, как за окном передвигаются пейзажи? Но впрочем, разве нужно объяснять все слишком непонятные явления? Земля летит, но мы не замечаем... И что же странного, что видим мы движение как раз в том месте, где его и нет? Глаза портретов, что следят за нами, и нарисованные арки на стене, которые умеют развернуться... Ведь и они, пожалуй, неподвижны, однако движутся по сфере наших глаз...

И это бесконечное **сейчас**...

<i>Каталожная карточка:</i>	5/3	Облака, облака, облака, облака.
<i>Название:</i>	<i>Книга на охатке сена.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Отдыхающая страница.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>По-над насытью.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Исчезающее.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Метель мечты, грёза гроз, кара карнавала, бабочка безумия, демонический мираж.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Рассуждения ожившего миража об уходящей в ирреальность жизни.</i>	

Комментарий: Элен лежит на копне сена и смотрит в детский калейдоскоп, и то ли этот калейдоскоп обладает даром гипноза, то ли ещё что, но только стёклышки его почти всегда превращаются в осколки, казалось бы, навсегда затерянных воспоминаний.

СТРАНИЦА КНИГИ 5/3:

Послушай, Гермоген, тебя порою это всё не удивляет? Ты говоришь: конечно, удивляет? Ты знаешь, и меня... Казалось, жизнь сплошная колея. Лишь лёгкие возможны отклоненья. И вдруг обвал... И вдруг метель мечты... И грёза гроз... И кара карнавала... Фантасмагория горящего сознания... Какой-то поезд, едущий в Корею... Зачем-то сено... Скоро Океан...

Ты знаешь, я порой боюсь. Нет, не тебя. Саму себя боюсь... Боюсь, что навсегда тебя покину. И твой январский мотыльковый бред исчезнет. Исчезнет бабочка безумия с души... Ты будешь бриться каждый день. Ходить в библиотеку. Писать неловкие наивные стихи и отправлять их старой книжной почтой... Всё будет снова тихо и спокойно...

Когда б не махаон, что отыскал приют в моей душе, наверное, меня б ты не заметил. Скажи по правде, если бы не он, ведь ты б не стал играть в безумный поезд...

Ты говоришь, что виноват калейдоскоп? Движение стекла тебя заворожило? Ты от него не можешь оторваться? И круговерть придуманных стекляшек уносит в даль неведомых высот?

Не знаю... Вряд ли... Не могу поверить, что я лишь промельк на твоей душе...

Ты говоришь: я демонический мираж, застывший взрыв ослепшего сознания, иллюзия духовной катастрофы, далёкая прелюдия мечты?

Быть может, так, но всё же... Всё же важно лишь одно... Лишь то, что я... Лишь то, что я ЖИВАЯ...

<i>Каталожная карточка:</i>	5/4	Песок, песок, вся наша жизнь — песок.
<i>Название:</i>	Книга на песке.	
<i>Автор:</i>	Блуждающая танцовщица.	
<i>Место издания:</i>	Берега. Острова. Океаны.	
<i>Время издания:</i>	Непостоянное.	
<i>Ключевые слова:</i>	Хижина из ветра, ракушки-мидии, роса для чая, балет любви, вальс бродяг.	
<i>Аннотация:</i>	Нужна ли свобода, если есть счастье? И может ли быть счастье, если нет свободы?	

СТРАНИЦА КНИГИ 5/4:

Как оказалось, получить свободу от разума достаточно легко.., но в сумасшествии мы тоже не свободны!

Ты говоришь, зачем нужна свобода, когда на свете существует счастье?

Пожалуй, прав ты... Будет Океан, мы там построим хижину из ветра. Ты будешь добывать ракушек-мидий, а я для чая собирать росу. Мы будем чаек обучать полёту, мы будем падать в перепады волн и танцевать под музыку прибой балет любви — песочный вальс бродяг... Потом построим парусную шхуну и убежим в открытый океан. По воле мысли, ветра и отлива уйдём к затерянным безлюдным островам. На диких скалах будем слушать сердце, срываться в пропасть, уноситься к облакам.., и там среди неведомых деревьев губами я прижмусь к твоим губам...

Ты скажешь, целоваться с бредом весьма нелепо, глупо и смешно.., но будет остров, тишина и лето, и дикий луг, и что-нибудь ещё...

Ты до сих пор ко мне не прикасался... боялся, видимо, разрушить, разбудить...

Мне очень хорошо с тобой, мой милый... Но иногда...

Но иногда так хочется припасть к твоей груди...

<i>Каталожная карточка:</i>	5/5	Что там за горизонт? Слова?
<i>Название:</i>	Книга матери и ребёнка.	
<i>Автор:</i>	Женщина изначально.	
<i>Место издания:</i>	Внутренняя территория.	
<i>Время издания:</i>	Грядущее.	
<i>Ключевые слова:</i>	Соломенные кудряшки, морковный сок, дитя безумия, воздушный мост, расширение горизонта.	
<i>Аннотация:</i>	Продолжаться вдаль или ввысь — вот в чём вопрос.	

СТРАНИЦА КНИГИ 5/5:

Я хочу от тебя ребёнка, Гермоген. Маленькую кареглазую девочку. Я буду расчёсывать её соломенные кудряшки и заплетать их в тонкие косички, я буду кормить её с ложечки рыжим морковным соком. И она, перемазавшись до самых ушей, будет весело смеяться и дёргать тебя за твою поседевшую бороду...

Ты говоришь, что я твоё дитя и что кровосмешенье нам принесёт уродливого монстра?.. Ну и пускай. Пускай он будет монстр — дитя безумия и солнечного бреда, дитя ветров, товарных поездов, охапки сена, неподвластных волн: воздушный мост из голубого света...

Я научу его смеяться над пургой, гадать по звёздам и читать по снегу, и замечать чарующий прибой среди тесной комнаты.., и разглядеть неброский цвет мелодии, той самой, что звучит так нежно и печально в моей душе...

Ты думаешь — рождение убьёт мою беспечную порхающую душу? Ответственность возляжет на меня? И больше не смогу отдаться воздушной воле сумасшедшего потока? Ты говоришь, мы верим в продолжение, когда разочарованы в себе? А если есть в душе очарование, то продолжение — всего пустая блажь?

Но, Гермоген, я верую в себя, в свою крылатую нетронутую душу... И продолжение, которое придёт, — есть только расширение горизонта. Я не хочу всё время рваться вверх, мне хочется вращений и повторов, мне хочется застывших всплесков счастья, чтобы его могла кормить я грудью, петь ему песни, гладить по головке...

Пусть безумны мы — я не хочу лишений и трагедий. Лишь светлое безумие восторга готова я принять! Лишь на него я променяю разум...

<i>Каталожная карточка:</i>	5/6	Стихи без слов.
<i>Название:</i>	Книга одного стихотворения.	
<i>Автор:</i>	Женщина, способная рифмовать на выраже.	
<i>Место издания:</i>	Здесь.	
<i>Время издания:</i>	И сейчас.	
<i>Ключевые слова:</i>	Стихи стихов, свежеевыпавший сон, луна.	
<i>Аннотация:</i>	Возможно, стихи — это просто письма самому себе, приходящие к нам из прошлого.	

СТРАНИЦА КНИГИ 5/6:

Если вся жизнь превратилась в поэму, и если орган не смолкает в душе, смогу ли, посмею ли на измену, на запись стихов, возникающих на выраже...

Стихов, не подсвеченных жёсткой прозой, стихи среди поэмы, стихи стихов...

Стихи из какой-то не этой сцены.., и всё же, послушай, они — мой вздох... мой сладостный сон в перебое ритма, мгновенный мой всполох из прошлых лет, мой жалостный стон без прикрас и грима, мой не вечерний далёкий свет:

*Вонзаясь в жизнь пронзающего снега,
Оставив поле бархатных цветов,
Разрушив планы мудрого стратега,
Сулящего спокойный сытый кров,
Уйти из предначертанного круга,
В чертоги свежеевыпавшего сна
И обрести нечаянного друга
И старый дом, где прижилась весна...*

И старый дом, где прижилась весна...

Ты говоришь, что бред писать стихи не должен? Он может ими говорить, но не писать? Помилуй, Гермоген, к чему все эти рамки? Ведь до сих пор ещё пылают звёзды, и белая ущербная луна по-прежнему скользит сквозь облака. У нас всё так же пахнет свежим сеном и за окном проносится пейзаж... Ужели же каких-то восемь строчек смогли б разрушить снежный твой мираж?...

И в самом деле, неужели важно: откуда я? Зачем к тебе пришла? Зачем нас ждёт какая-то Корея? Зачем сожгли вчерашний день дотла?...

6. СТРАНИЦЫ НОЧНОГО ОДИНОЧЕСТВА

От автора

*На старом пруду
Две уточки... Зорко глядят
Хорёк в камышах.*

(Ёса Бусон)

*Из клетки постылой
упорхнул на свободу снегирь
и мирно резвится
на старой раскидистой сливе
в палисаднике подле дома...*

(Таясу Мунэтаке)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>6/1</i>	<i>Слова без стихов.</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга небольшого отступления.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Сумасшедший поэт.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>На белом листе нетронутого сознания.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Лето 1995 — осень 1998.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Хор, параболы, белые тучи.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Попытка автора разобраться с тем, а куда его, собственно, занесло?</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 6/1:

Не пора ли соорудить небольшую литературную параболу? Коротенькую никуда не ведущую притчу. Отклонение от курса Зюйд-Зюйд-Вест.

Сокрытый, закулисный, до сих пор молчавший хор пускай исполнит мой неловкий комментарий. Пора ответить, пусть хотя б себе: зачем я изломал такие положительные судьбы и вверх героев в сумасшедшие колодцы, заставив танцевать неведомый балет, не музыкальный, но дождя и снега? Увы и ах, себе я удивляюсь. Хотел писать историю любви, а написал историю о бреде, хотя, как кажется, нигде не изменил своей строке, да и она, по-моему, нигде не изменила...

И вот теперь я задаюсь вопросом: а был ли Гермоген ещё тогда, давно, до эры написания романа, не сумасшедшим? Представьте: вкладывать нелепые стихи в потёртые седые фолианты!!! Я так считаю: смиренный Гермоген оставил свой рассудок много раньше — с началом сочинения стихов! По внутреннему моему разумению, поэтов можно просто разделить. Одни всю жизнь свою готовы положить на безупречное служенье Каллиопе, их хлебом не корми, дай написать стихи, поэмы, оды или эпиграммы, они строчат для песен и для гимнов, на злобу дня и в честь своей любимой, по случаю печали или в радость, для бабушек, детей и для реклам. Они-то, несомненно, сумасшедши, но тут и сумасшествие само — уж слишком безупречно. Другие, заражённые стихом, почти не пишут, но сама их жизнь подобна неумному творенью. Они парят на тонкой грани грёз, срываясь в дебри

чёрной преисподни и поднимаясь в выси белых туч. Они безумны ласковым безумьем, порою забывая обо всём, они уходят в свои собственные дали, за собственный бескрайний горизонт...

Таким же был и тихий Гермоген, который жил по праву вдохновенья, и все грядущие великие волнения уже таились в нём...

А что Элен? Была она или нет? Могла ли бросить мужа и ребёнка? А может быть, она и впрямь всего лишь тонкая изящная игра больного потревоженного мозга? Не знаю, но ведь это и не важно. Иллюзия, имеющая волю, перестаёт зависеть от творца. Так и Элен — не ясно, кто она, но жизнь её подчинена не Гермогену и, уж тем более, свободна от меня.

Я нажимаю, без сомнения, на «Enter» и ухожу за линию Творца...

Каталожная карточка: 6/2

Название: Книга-притча.

Автор: Потомок древних раскодов.

Место издания: На тихой глади старого пруда.

Время издания: Возможно, осень.

Ключевые слова: Воля взгляда, далёкий зов, перелётное целое.

Аннотация: Раздумья на берегу застывшего романа.

*Письмена среди
болотной ряси.*

СТРАНИЦА КНИГИ 6/2:

Я представил себя старым хорьком, выслеживающим двух уток, плывущих по воле собственного взгляда и оставляющих след на зеленоватой глади старого пруда... Они почуяли некий неясный далёкий зов и... улетели... Возможно, наступала осень и им необходимо было искать свою стаю, чтобы слившись с ней в странное перелётное целое, отправиться в какие-то тёплые-тёплые страны. А может быть, их встревожил отдалённый выстрел. Или же где-то в душе послышался шёпот, зовущий к беспричинному взлёту...

Хорёк-охотник бросился в воду и стал жадно лакать убегающий след от двух уток, исчезающих в вечернем небе...

И этот запах поздней осени. Запах прелой листвы, болотной сырости и белых груздей...

7. ПРЕДРАССВЕТНЫЕ СТРАНИЦЫ

От Мартина

*Отчего-то сейчас
Такой ненадёжной кажется
Равнина небес!
Исчезая в сплошном тумане,
Улетают дикие гуси.
(Сайгё)*

<i>Каталожная карточка:</i>	7/1	<i>Бой и очис запо- тели.зядко.</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга потерь.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек, утративший социум.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Утраченное.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Дороманное.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Вспомни, деньги, утратил, хочешь, ля- гушки.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Пожинание плодов от предательства са- мого себя.</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 7/1:

Элен! Милая моя Элен! Неужели же это ты?! Я так долго искал тебя! О Боже, как же долго я тебя искал! И вот...

За что, Элен? Ведь я отдал тебе всю свою жизнь. Вспомни. Вспомни, ведь я когда-то писал стихи. И даже выиграл какой-то дурацкий конкурс. А мои картины... Помнишь выставку в Петербурге? Помнишь, как какой-то немец брал у меня интервью, а я нёс околесицу про свободный выбор свободного восприятия... А мои уроки игры на флейте... Мы забирались на нашу крышу, я играл какой-то тихий мотив, а вокруг сидели голуби и ворковали...

Но вот однажды ты сказала мне, помнишь: «У нас будет сын, Мартин! Совсем скоро я рожу тебе сына. И надо что-то менять, Мартин! Ведь мальчик не может жить в этом холодном клопьятнике. Нужна горячая вода, чтобы стирать пелёнки. Нужны деньги, чтобы покупать фрукты... За свои стихи и картины ты никогда ничего не получишь, ведь ты не умеешь писать на продажу, Мартин. Ты скоро станешь отцом, Мартин! Ты должен подумать о нас, о нашем ребёнке...»

И я ушёл. Я ушёл с головой в добывание денег. Сначала. Сначала это было даже интересно. Игра в художника и поэта сменилась игрой в навороченного бизнесмена. Я старался казаться расчётливым, холодным, жёстким, и вскоре я стал таким в самом деле. Я добился удивительных успехов. Я сделал карьеру, которая возможна лишь в третьесортном американском фильме. Я стал одним из очень влиятельных и богатых коммерсантов. Уже не за горами был выход в Америку, и я готов был к её покорению... Ты казалась такой счастливой... И вдруг, на вершине успеха, в преддверье новых ещё более грандиозных взлётов... Ты вдруг, оставив какую-то непонятную записку, ты вдруг, ни с того, казалось бы, ни с сего, ты вдруг... Ты вдруг уходишь от нас. Уходишь... Где ты!? Куда?! Как тебя искать?! Я откладываю нашу поездку. Я всюду ищу тебя. Я нанимаю частных детективов.

И... Господи, ты ли это? В какой-то странной дерюжке, в какой-то зачуханной, заваленной сеном квартире, с каким-то сумасшедшим библиотекарем...

Я не верю, что ты тоже сошла с ума. Нет-нет, ты не безумнее, чем была всегда... Ты просто вернулась к самой себе, в тот самый клопчатник, где когда-то оставила счастье... Но ты поняла, что я уже не в силах буду вернуться. Ты поняла, что я разучился жить в иллюзорном мире художников и поэтов. Ты подтолкнула моего поэта к самоубийству, и всё, что он умеет теперь — это зарабатывать деньги.

Конечно, ты можешь сказать, что мне не нужно было идти на поводу. Ты можешь сказать, что мой бизнес украл у ребёнка отца, у жены мужа, у мира художника и поэта и что никакой недостаток этого не заменит... И в этом ты безусловно права... И знаешь, твой уход... твой уход, конечно, не смог вернуть меня к стихам, но он, хоть отчасти, вернул меня к сыну. Я вынужден был что-то объяснять ему, мы с ним как бы стали знакомиться снова... И ты знаешь, у нас ведь не очень плохой ребёнок, я бы сказал — замечательный растёт у нас сын. И между прочим, он тебя совсем не осуждает, и более того, он как-то даже гордится твоим поступком, Элен.

Почему ты молчишь, Элен? Может быть, мы всё-таки смогли бы возродить нашу семью, Элен? Да, ты ушла. Ты хотела понять, найти, вернуть себя. И целый год был у тебя на поиски. Неужели ты так и не нашла себя, Элен? Может быть, нам попробовать всё сначала? Я бы попытался жить по-другому... Устроился бы дворником или библиотекарем, как этот твой сумасшедший Гуру...

По выходным мы бы ходили в парк. Я бы катал тебя на чёртовом колесе, мы покупали бы по бутылке дешёвого пива и съедали бы захваченные с собой бутерброды, мы бы играли с нашим сыном в перевёрнутые слова и отпускали бы воздушные шарики в небо. Неужели же ты не хочешь этого, Элен?

А если ты пожелаешь, я тоже могу сойти с ума. Я притащу в нашу квартиру сено. Я разведу в нашей ванной лягушек. Я буду петь священные гимны и молиться на мою маленькую богиню. Мы будем свистеть и улюлюкать. Мы будем танцевать летку-енку. Мы будем кидаться снежками в серьёзных прохожих...

Ну почему ты молчишь, Элен? Я уже не знаю, чего ты хочешь? Если хочешь, мы возьмём и этого твоего Гермогена. По-моему, он достаточно тихий... Ты говоришь, вы едете в Корею? На всех парах вы мчитесь к океану? И возвращаться в суетливую Москву совсем не хочешь? Милая Элен, ты заблуждаешься. Вы до сих пор в Москве... И... и если хочешь, то я могу вас отвезти в Корею... Ты говоришь, что время и пространство умеют плавать под мозгом Гермогена? Что можно и поехать самому, но можно и... перемещать пространство?!!

О Боже, сумасшествие заразно! Я заберу тебя и вылечу, Элен! Нет, нет! Пожалуйста, меня не убеждай! Я завтра же начну все хлопоты по поводу опеки.

<i>Каталожная карточка:</i>	7/2	<i>Вздох из груди протяжный чис- тый вздох.</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга очищения.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек кающийся.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Чистогрудный бульвар.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>1 октября 1999.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Свинец и ветер, самолёт, полётность, ми- нутный порыв, ИГРА</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Стилистический разбор предложения — «Я был художником и поэтом, я стал...»</i>	

СТРАНИЦА КНИГИ 7/2:

Опять. Опять она ломает мою жизнь... Когда-то я был легче ветра, а теперь стал тяжелее свинца. Оказывается, набраться тяжести так легко, а сбросить её как-то совсем непросто...

И если ты разучился летать, то зачем же тебе подниматься в Небо? Самолёт — это даже не иллюзия полёта, но грубая подтасовка иллюзии...

Ради чего всё это? Разве к этому я стремился? Я думал: обеспечу достаток, перестану дёргаться из-за глотка вина и бутерброда, куплю небольшой домик за городом, машину и прочие мелочи... Я думал, что деньги дают свободу, но оказалось, всё наоборот... Оказалось, что они съедают всё свободное время и разрушают не только твой мир, но и тебя самого. Я думал, что смогу вернуться к своим стихам и картинам, но оказалось, что это уже не в моей власти...

Я купил себе роскошную мастерскую с видом на реку, я приобрёл акриловые краски, мольбрет из орехового дерева, лучшую акварельную бумагу и самые лучшие холсты... Иногда я подхожу к этому непорочному холсту, натянутому на подрамник, достаю кисти, палитру... И даже пытаюсь что-то писать... И не то чтобы я утратил технику, не то чтобы перестала работать фантазия, и не то чтобы отпала охота к творчеству. Нет. Я утратил нечто большее. Я утратил свою полётность...

А стихи... Конечно, нельзя сказать, чтобы я был большим поэтом. Но, как говорится, подавал надежды... Подавал, подавал — и упрятал в подвал. Не в газетный подвал, в подвал каменный...

Конечно, его стихи были, быть может, ещё по-детски наивны и восторженны, но он верил в то, что они прекрасны, и Элен верила, и друзья... Быть может, он в то время всё ещё оставался ребёнком и просто играл в художника и поэта, но как играл!!! А сейчас? Сейчас он ни на что не способен. Всё, что он выдавил из себя за последние годы, было не лучше этих двух строчек, которые всё время вертятся на языке:

*Шёл художник по Земле — собирал монеты...
Ну а где же он теперь? Потерялся где-то...*

И опять, не то чтобы он разучился рифмовать, и не то чтобы исчезли сюжеты и темы, но он уже не следует за строкой своей, как когда-то, уже не становится её продолжением, но, наоборот, выдавливает её из себя, как бы уже заранее зная, какой она будет...

Нет, Элен не сумасшедшая. Скорее, это он сумасшедший в своём желании добиться над ней опеки. Да и Гермоген этот, похоже, очень симпатичный дядька.

Конечно, их жизнь выглядит со стороны довольно-таки странной. Но если как следует вдуматься, она не безумнее, чем другие равномерно и пристойно текущие жизни. Они ненормальные — это да. Они умудрились вознестись над этой, веками проверенной, нормой. Они посмели в дерзости своей остановить само счастье... Они забыли человеческие правила. Они возвели в ранг закона — минутный порыв. Не считая, впрочем, его непреложным законом. Они научились материализации иллюзий. И если для меня жизнь всегда казалась захватывающей игрой, то они саму ИГРУ умудрились превратить в жизнь...

Им не нужен уже ни недостаток, ни успех, ни слава. Они как-то даже не выше этого, но просто где-то совсем в другой стороне...

Конечно, отказаться от достатка не так-то просто, но и не сложно, а вот отказаться от успеха! От славы! От оценки самого себя со стороны!...

Элен вместе с этим своим Гермогеном наполнили жизнь непрерывающимся потоком поэзии. Они даже разучились говорить нормальной прозой. Строфика и ритмика пронизали их кровь, как плазма...

Да и дело-то, конечно, не в ритмике. Дело в поэтическом пространстве, которое они сумели разместить в своей тесной квартирке...

Говорят, что поэт не стал бы писать в пустоту, ни для кого... На необитаемом острове поэзия, мол, невозможна... Но получается, что это не так! Этот Гермоген создаёт свою жизнь-поэму, не предполагая ни зрителей, ни читателей... Потому что даже Элен здесь не в счёт, ведь она для него всего-навсего длительный бред. Да и Элен... Элен тоже живёт этой жизнью не ради него...

Вот если б их заснять на киноплёнку... Пожалуй, вышел бы эдакий сюрреалистический фильм. Киноэстеты наверняка бы оценили...

Но Боже мой, о чём я говорю! Какой-то фильм! Какие-то эстеты!

Элен! Я наконец-то отыскал тебя, вернее то, что было когда-то тобой. Ведь ты не просто изменилась, ты переродилась. Тебе удалась трансмиграция внутри одной человеческой жизни... И в этом твоём новом воплощении нет места мне и нашему сыну...

*Шёл художник по Земле — собирал монеты...
Ну а где же он теперь? Потерялся где-то...*

Каталожная карточка: 7/3

Название: Книга облаков.

Автор: Человек грезящий.

Место издания: Скамейка на бульваре.

Время издания: 1 октября 1999.

Ключевые слова: Облака, пожелтевшие поля, волны света, танцы воробьёв, отраженья в придорожных лужах, незавершённое кино, рисунок мелом, снежок.

Аннотация: О пользе витания в облаках, или что может увидеть пробуждающийся поэт сквозь листопад и падающий снег.

Игра в снежки — одна из самых главных вещей на свете.

Комментарий: Мартин сидел на холодном облетающем бульваре и пил ледяное светлое пиво. Первый снег, перемешиваясь с листопадом, кружил над городом. Мартин, что называется, отключился. Он смотрел вверх на облака, на снежинки, на листья и что-то бережно шептал горячими и влажными губами...

СТРАНИЦА КНИГИ 7/3:

Облака на небе... Как долго я не видел облаков. Как долго закрывал лицо от ветра и не писал возвышенных стихов... Под зонтиком скрывался от дождя. Носил защитные очки от солнца. Забыл, как пахнут пожелтевшие поля. Забыл, что в мире существуют волны света... Они (два этих сумасшедших существа), они во мне, похоже, разбудили какую-то уснувшую струну. Я вслед за ними на стихи сбиваюсь... Я замечаю танцы воробьёв и отраженья в придорожных лужах... Я чувствую вращение Земли. Её полёт сквозь чёрное пространство космически-безбрежной пустоты... О, как бы мне хотелось сохранить все эти чувства. Это навряд ли... Как сладостно оно... Я будто снова окунулся в детство.., как будто бы незавершённое кино, в котором был я и героем, и пейзажем, и оператором, и даже режиссёром... Как будто вновь его снимаю и играю — я в нём все роли...

Нет-нет. Я не пойду за ними следом. Мне уготован новый поворот. Они рисуют акварелью, тушью и карандашами. А я... А я рисую мелом. Свой домик на исхоженном асфальте. Пускай стоит до первого дождя... Дом возводить намного интересней, чем жить среди построенных домов... Я нарисую лестницы, чуланы и обязательно каморку без дверей,.. подземный ход... А рядышком железную дорогу. Пускай мой дом дрожит от проходящих поездов. Пора! Пора. Я слишком задержался. Я слишком долго примерялся жить. И мир мой незаметно потерялся среди других исхоженных миров. Такая штука... — существует норма. Мы все хотим над нею воспарить иль, на худой конец, сорваться в пропасть... Но почти никто не в силах выйти за её пределы или хотя бы про неё забыть...

Сокрытое, забытое призванье в душе моей закрыто на замок... И так порою хочется сорваться... И за какой-нибудь молоденькой девчушкой погнаться, как запущенный снежок. Разбиться об её плечо иль худенькую шейку..., стекать слезинкой за горячий воротник... Она от нас сердито отмахнётся и, рассмеявшись, быстро убежит...

О, эти облака... Вы шепчете стихи. Вы закрываете подсолнечное небо. И замедляете девичьи шаги... И увлажняете мою сухую душу...

Как хорошо в осенней непогоде!

<i>Каталожная карточка:</i>	7/4
<i>Название:</i>	<i>Книга опавших листьев.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Человек прозябнувший.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Скамейка на бульваре.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>1 октября 1999.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Возможное и невозможное, осеннее, осенение.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>О скольжении сквозь листо-снегопад.</i>

Комментарий: Облепленный снегом, замёрзший, но не замечающий этого Мартин бредёт по ковру, или скорее линолеуму, из жёлтых листьев, чёрного асфальта и белого снега.

СТРАНИЦА КНИГИ 7/4:

Где эта грань между возможным и невозможным?.. То, как живёт сейчас Элен с этим Гермогеном, — возможно ли это? Или богиня безумия Ата просто-напросто смеётся над ними (над нами)?

Куда ж мне плыть, завявшему поэту? К мифическим безумным берегам или вернуться в свой комфортный дом и продолжать движение к достатку? Что я сейчас могу поведать сыну? Что передать сейчас смогу ему?.. Движения души порой необъяснимы, и то, что я хочу, наверняка не совершу. Он взрослый человек — ему уже двенадцать. Он сам сумеет с миром разобраться... Всего лишь не мешать. Не объяснять, где темнота, где свет. Не путать облака с клубами дыма... О Господи, и снова облака. Они сегодня не дают покою. Что делать мне? Куда сейчас податься? Быть может, кутануть?..

А что, пожалуй, это мудрая идея. Устрою праздник. Закучу, напьюсь, быть может, и смогу, хотя б на час, от мыслей этих грустных оторваться.

Тем более — промёрз.

Каталожная карточка: 7/5

Название: Книга ресторанныго дыма.

Автор: Человек закутивший.

Место издания: Ресторан.

Время издания: 1 октября 1999. Вечер.

Ключевые слова: Унисон пурги.

Аннотация: Вот такие песни.

*И забвенный гуляк
как первая сигарета.*

Комментарий: Вот в этом-то ресторане я и встретился с Мартином. Он был уже основательно пьян, и от него исходило какое-то неуловимое свечение. Свечение глубокой печали и одновременно счастья. Я как-то сразу почувствовал в нём родную душу и вскоре обрёл в нём хорошего доброго друга... Но в тот вечер... В тот вечер Мартин безумствовал, сорил деньгами, пил, пел со сцены какую-то песню, в которой соединялись: «Я сегодня пропьюсь до рубля», «Вьётся в тесной печурке огонь» и ещё личные переживания и строки Мартина. Он веселился, танцевал, заигрывал с молоденькими официантками и, наконец, уснул, уткнувшись головой в рыбное ассорти.

СТРАНИЦА КНИГИ 7/5:

Какого чёрта?! Все мы Номо Ludens, а сапиенсы только уж потом. Хочу я спеть с подмостков ресторана для этой публики с засаленной душой! Пусть слушают, быть может, станет легче:

Я сегодня пропьюсь до рубля...

Я сегодня прощально пустой...

Я умчусь в голубые поля

И уйду по сугробам босой...

*Для чего мне вагоны брахла?
Для чего мне машина и дом?
Если Ленка из дома ушла
И никто не живёт больше в нём...*

*Пой, гитара, с пургой в унисон,
Заплутавшее счастье лови...
Я хотел бы ворваться в твой сон,
Где есть место для нашей любви...*

Где есть место для нашей любви...

<i>Каталожная карточка:</i>	7/6	О поле, поле кто тебя?
<i>Название:</i>	<i>Книга параллельного мира.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек вышедший.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Поле.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Ночь.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Нелепый выродец, забытый кроманьонец,</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Иное поле перейти трудней, чем жизнь прожить.</i>	

Комментарий: Скорее всего, это был сон Мартина, но он уверяет, что действительно был в этом заснеженном первом снегом поле и действительно встретил там какого-то странного старика. Истину установить здесь, наверное, вряд ли возможно, да и, скорее всего, не нужно.

СТРАНИЦА КНИГИ 7/6:

Скажи, старик, ты видишь эти звёзды, что светят сквозь ночные облака?.. Зачем ты здесь? Что занесло тебя в заснеженное поле? Да ещё ночью! Что-что? Ах, вышел погулять? Позволь, позволь, да кто ж сейчас гуляет? Ах, я. Ну, я другое дело... Меня сорвали с толку облака. А так... А так я не гулял уже почти двенадцать лет. Двенадцать лет душа моя скрипела, под пылью серых неказистых дел. Сегодня я увидел облака... Пойми, я их двенадцать лет не видел. Как будто добровольно заточил себя в темницу. Ты знаешь, мне тогда, наверное, казалось, что и никто не видит облаков, они существовали лишь как источник пасмурной погоды...

И я не знал, что в параллельном мире такие старики, как ты, выходят ночью на прогулку в поле... Лишь год назад ты был бы для меня уродом, нелепым выродцем, забытым кроманьонцем... Я не поверил бы тебе, старик. Решил бы: ты идёшь за самогоном и просто мне не хочешь говорить. За самогоном — это допустимо. Хотя, когда смотреть от облаков, наверное, не менее бредово. Послушай, старче, мне сейчас тоскливо... Давай споём. Иль лучше расскажи, откуда ты и как ты существуешь, и почему выходишь по ночам в холодное заснеженное поле?

Туда, где первый снег...

<i>Каталожная карточка:</i>	7/7	<i>Как ветра осенние</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга волхвов.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек вещающий.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Поле.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Ночь.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Никуда, игра, неназываемые пророчества, пустота, зов мерцающего неба, ветер.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Герменевтика звёзд, земли, облаков и ветра. Смерть и рождение нового волхва.</i>	

Комментарий: Ниже приводится ответ старика-волхва. И если в существовании старика ещё можно так или иначе сомневаться, то уж в реальности ответа нет никаких сомнений.

СТРАНИЦА КНИГИ 7/7:

«Зачем тебе что-то знать о моей жизни, странный человек, говорящий стихами? Чему тебя может она научить, если и своя-то как следует ничему не научила?...

А, впрочем, слушай: я, как это раньше называлось, — волхв. Я много жил. Мне многое известно. И я могу тебе открыть хотя бы несколько великих древних тайн... Их открывать положено лишь ночью... среди холодного заснеженного поля..., на старом кладбище простуженных ветров., и лишь тому, кто встретится случайно... Вот видишь, это ты... Почти что всё совпало... Но ты, похоже, пьян? Готов ли? Способен ли принять седое откровенье? Готов принять на грудь?! Ну ладно, хорошо! Тогда внимай и слушай. Моя задача просто передать. А после, после можно умирать спокойно. Ты место на Земле моё займёшь. Ты к тайнам остальным пробьёшь свою дорогу... Прими хотя бы эти. Внимай и слушай:

*Земля летит в пустое НИКУДА!
Задумайся над этим... И постигни,
Что по сравнению с Её пустопорожним рейсом,
Вся человеческая возня и суета
Становится абсурдна и нелепа.
И остаётся лишь одно — ИГРА!
Игра в предназначенье человека!
Вся суть её — заполнить пустоту,
Пускай хотя бы призрачным сознанием...
Хотя бы образом., хотя бы и Любовью...*

*Теперь послушай о небесном своде...
Там сколько звёзд, там столько же и тайн...*

*Ведь наш астральный бесконечный небосвод
Не просто скопище пылающих светил...
Они — глаза неназываемых пророчеств!*

*Лишь очень долго всматриваясь в них,
Постигнешь ты свою дорогу жизни...
По ним узнаешь направление игры.
И все законы через них отменишь...*

*И вот ещё, спец(и)ально для тебя, — про облака...
Все облака не просто клочья пара.
В них спрятаны стихи и приключенья.
В них спрятан зов мерцающего неба.
Они раздвинут круг твоих понятий,
Лишь научись им доверяться и внимать...*

*И, наконец, последнее... — про ветер.
В нём обитает старый добрый дух.
Дух вольной мысли, дух мечты и бури.
Иди за ним. Лови его на слух.
И, может быть, в какой-нибудь квартире,
Среди мечты и сена на полу,
Ты подберёшь утраченную Веру
И снова обретёшь свою ИГРУ!*

...свою ИГРУ!

8. РАССВЕТНЫЕ СТРАНИЦЫ

От Гермогена

От Элен

Как ласкает слух
расчудесный этот звук:
«буль-буль-буль-буль-буль»-
из бутылки полилось
струйкой тоненькой сакэ...

(Татибана Акэми)

Каталожная карточка:	8/1	Выходя из себя, не забудь закрыть зверю, а то вер- нёмся, а там уже занято.
Название:	Книга запредельных состояний.	
Авторы:	Учитель запредельности и ученик (вер- нее, ученица).	
Место издания:	На охапке сена.	
Время издания:	Странное.	
Ключевые слова:	Всюдуя, внетела, ах, ужебыло, состояние чужой слезы, состояние варианта.	
Аннотация:	Раскрытие состояний параллельных са- мому себе.	

Комментарий: Гермоген и Элен лежат на охапке сена, потягивая холодное жи-гулёвское пиво, и ведут философские разговоры. Вечерет.

СТРАНИЦА КНИГИ 8/1:

Это не предчувствие снежной кометы. Это не боль так и не увиденного Южно-го Креста. Это и не воспоминание о линии, что отделила меня от... меня. Это нечто необъяснимое... Это невозможное, странное состояние, которое я называю просто — *всюдуя*.

Всюдуя — это когда ты видишь себя (в том числе и себя) откуда-то издалека. *Всюдуя* — это когда ты чувствуешь свою почти что физическую связь со всем миром. Когда в каждом человеке и каждой птице, и камне, и даже таракане ты находишь самого себя. Когда пространство и время теряют свою конкретность. Когда ты одновременно можешь быть и фараоном Рамзесом, и слепым Гомером, и кро-маньонцем, выводящим свои рисованные тексты, и колобком, поющим песенку лисе. *Всюдуя* — это когда ты можешь ощутить раскалённое дыхание далёких звёзд и ледяное притяжение чёрных дыр (даже если этих дыр не существует). *Всюдуя* — это чувство мгновенной рассредоточенности по каждому атому бесконечной вселенной. Это история мира, сжатая до мгновения. Это зарождение вселенной и её кол-лапс при отключении параметра времени и всех трёх координат пространства. Это воссоздание творения и наблюдения за ним. Это мироощущение Создателя, помещённое в оболочку маленького лягушонка. Состояние *всюдуя* бывает почти у всех, но люди очень боятся Его. Они гонят Его из своей души как нечто чужеродное и опасное. А услужливая память тут же забывает об этом состоянии, едва оно успе-вает пройти. Очень трудно удержаться в состоянии *всюдуя* надолго потому, что в нём не существует понятия долго. Соединение же мира, имеющего пространство и

время, с миром, не имеющим таковых, чревато катастрофой или просветлением (вознесением). Человек должен или остаться в состоянии *всюдуя* (стать буддой) или же вернуться назад во время. Пребывать и там и там, кажется, не удавалось никому. Возможно, такую попытку совершил Христос, но мы знаем, чем всё это закончилось...

А ты, Элен, ты попадала когда-нибудь в подобное состояние?

Не знаю, Гермоген. Возможно. То, о чём ты сейчас говоришь, мне кажется таким знакомым... А есть ещё какие-то такие состоянья. Которых мы как следует не помним и не умеем толком называть?

Есть и другие, но *всюдуя*, наверное, самое загадочное и необъяснимое.

Расскажи мне про них. Всегда так интересно в твоих рассказах узнавать себя...

Ну, хорошо, есть, например, как я его зову — *внетела*. Такое странное и непонятное явление, когда какой-то фантастический оргазм в смешенье с дикой нестерпимой болью, как будто напрочь отключает тело и ты с немым восторгом удивленья вдруг ощущаешь эту чужеродность тебя и тела. Ты можешь плакать или же кричать, дрожать в конвульсиях от ужаса и страха, а в то же время быть неопишимо счастливой... При этом тоже исчезает время и остаётся лишь одно пространство. Но если, например, во *всюдуя* ты рассыпался, то во *внетела* ты, наоборот, сжимаешься до точки, да и вообще как будто исчезаешь. *Внетела* иногда бывает и без возвышенной любовной страсти, но без неё оно почти неуловимо. Страсть не причина этого явления, она лишь помогает подобрать какой-то ключ для понимания его.

Как здорово! Неужели так бывает!?

Все самые ужасные и самые прекрасные мгновенья имеем мы привычку забывать. Одни из страха, а другие из простого самосохранения, ведь если вспомнить их и ясно осознать, то вдруг поймёшь, что жизнь равна нулю в сравненье с ними.

А что ещё? Какие состоянья ты, кроме этих, можешь различать?

Ну вот, допустим, состоянье — *ах*. Такая, знаешь, пустота внутри. Звенящий вакуум. Восторженная лёгкость. Густая вдохновенная полётность. Парение в себе. Ты чувствуешь себя кусочком мира. Подобно камню, дереву, цветку. Готов лететь по внутреннему ветру. И чувствовать поддатливость себя. Ты плависься под собственным сознанием. Оно ведёт тебя и что-то открывает... Последний год я в этом состоянье почти уже всё время нахожусь. Оно не счастье, но синоним счастья — такое тёплое и радостное *ах*.

Бывает состоянье ложной памяти, кода ты попадаешь в *ужебыло*, иль, как сказали бы французы, — *де жа вю*.

Есть состояние *чужой слезы*, и стоит лишь в него попасть, как тут же, ни с того и ни с сего, тебя пронзает боль совсем тебе чужого человека.

Ещё бывает состоянье *варианта*, когда ты ясно и отчётливо увидишь, что было бы с тобой, споткнись ты, упади, сверни не там, скажи другое слово иль закури не эти сигареты.

Как здорово, Гермоген! Я и не думала, что так у всех бывает.

Бывает-то у всех, но эти состоянья довольно сложно осознать и уловить.

А ты... А ты, Элен, лишь начинаешь жить...

<i>Каталожная карточка:</i>	8/2	Как хорошо, О Боже мой!
<i>Название:</i>	<i>Краеугольная книга.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек обретающий.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Угол у окна.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Иное.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>И никак иначе.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>К чему приводит сужение и расширение беспредельного мира.</i>	

Комментарий: Гермоген стоит у окна и смотрит на проносящийся мимо дальневосточный пейзаж.

СТРАНИЦА КНИГИ 8/2:

Сузить мир до размеров квартиры. Выходить лишь за хлебом и пивом. Добровольно и радостно загнать себя в угол. И...

Расширить мир до крайних пределов, утонуть в своих мыслях, раствориться в сознании...

Только так, и никак иначе...

<i>Каталожная карточка:</i>	8/3	Как? Да никак!
<i>Название:</i>	<i>Книга односторонней реальности.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек, пьющий пиво.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>На сене.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Время, необходимое для неспешного выпития одной бутылки жигулёвского пива и выкуривания двух папиросок «Беломорканал».</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Стелющийся дым, пространство сознаний, бутылка Клейна, паралич.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Что происходит, если проткнуть одностороннее сознание мыслью из другого измерения.</i>	

Комментарий: Гермоген сидит на сене. Он задумался.

СТРАНИЦА КНИГИ 8/3:

Я сижу на охапке душистого сена. Я делаю долгий протяжный глоток жигулёвского пива. Я закуриваю недорогую папироску. И смотрю на стелющийся дым. Иногда мне кажется, что это не я. Иногда мне кажется, что я просто забыл проснуться. И это пространство моих сознаний — одностороннее, как бутылка Клейна, которую так хочется проткнуть короткой мыслью. Мыслью о смерти или параличе. О чём бы я думал, если бы меня приковала к постели болезнь? Ужели бы так же не хотел никуда уходить?

Никуда уходить...

<i>Каталожная карточка:</i>	8/4	Траво занавесиль- ся отъ всех — право человека
<i>Название:</i>	<i>Книга эскапизма.</i>	
<i>Авторы:</i>	<i>Люди, ушедшие в мир мечты.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Иллюзорное нереальное.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Под одеялом.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Морозное тихое утро.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Из-под одеяла, через морозное тихое утро к океану.</i>	

Комментарий: Гермоген и Элен говорят в пространство, вроде бы отвечая друг другу, но как бы и не видя друг друга.

СТРАНИЦА КНИГИ 8/4:

Когда на улице сверкает солнце. Когда на улице морозное тихое утро. Когда на улице... Что может быть лучше того, чтобы лежать в это самое время, с головой укрывшись одеялом, лежать и грезить о морозном солнечном утре? Что может быть абсурднее и глупее, и прекраснее этого? Что?

Эскапизм, малыш! Великая теория! Великая теория, которую мы с тобой осуществили...

Обледенелые верёвки зимой и порхание бабочек летом — вот удел тех, кто живёт серой реальностью. Мы же..., мы же с тобой можем в любое время уйти к океану, вызвать, подозвать его к себе... И это... Это будет отнюдь не иллюзорный океан...

Послушай, Гермоген, я иногда теряю цельность жизни... Хоть той, хоть этой... Мне кажется, что я её ничуть не изменила...

<i>Каталожная карточка:</i>	8/5	Расскажи про что?
<i>Название:</i>	<i>Книга зрения.</i>	
<i>Авторы:</i>	<i>Любители мультфильмов.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Внутренний экран.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Протяжённое длительное.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Глаза, путешествие, охотник, белая чай- ка, рыба, хэппи энд.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Путешествие взгляда и переплетение событий.</i>	

Комментарий: Герои расположились за несколькими бутылками пива и горкой свежесваренных креветок.

СТРАНИЦА КНИГИ 8/5:

Ты знаешь, я сейчас придумал одну довольно замечательную штуку..., так, пустячок — сценарий мул(и)тфильма. Условно называется — «Глаза»... Сюжет довольно прост... Представь себе: нелепый человечек — снимает тапочки, ложится на кровать, читает ежедневную газету... Потом как будто засорился глаз... Он но-

совой платок берёт и вынимает... Свой глаз! Слегка его отшлифовав, прочистив — вставляет заново. Потом, закрыв газету, он вынимает сразу оба глаза и опускает их в стакан с водой. После чего как будто засыпает. А далее уже другая сцена: жена приходит, наступают день, она стирает пыль, поёт про утро, про то, как там встречается с прохладой... и в грязное ведро, не разобравшись, вываливает мужнины глаза! Ведро сливает в унитаз. Смывает. Глаза летят сквозь трубы в никуда, минуя все кривые повороты. Проходят черноту. Отстойник. Речка. Море. Там их съедает небольшая рыбка. Она резвится, прыгает над морем. И попадает на завтрак белой чайке. Они парят сквозь голубое небо, а снизу в чайку целится охотник. Стреляет он. И выбивает рыбу. Его барбос бежит её искать. Кружит в траве и, наконец, находит. Но рыба открывает несусветно свой хилый рот и сглатывает пса. Приходит и охотник. Он сердит. Ругается и топает ногами. Потом трясёт ту рыбину за хвост и вытряхает бедолагу пса, а рыбину кидает в свой подсумок.

Тем временем проснулся наш герой. Пытается найти стакан. Кричит. Вопит. Срывает рот с лица. И челюстью кидает по жене. Рот, словно овод, на неё летит, Хватает за ухо. За нос. Потом берёт за мяготь. Жена визжит. Метается. Потом бежит в горячке искать свою пропажу в унитазе. И в унитаз тот запускает руку. По трубам изгибается рука, доходит до отстойника, до речки и вместе с ней до самого до моря. А там её клешней хватается краб. Рука стремглав домой его приносит. Жена идёт варить. Потом бежит за пивом. Несёт его в огромнейшей авоське. И ей навстречу попадает охотник. О чём-то говорят. Меняют рыбину на две бутылки пива. Жена приносит рыбину домой и начинает потрошить. И там находит сразу оба глаза. Заботливо так. Ставит их на место... а в заключении они сидят и распивают пиво.

Ты знаешь, Гермоген, здесь есть глубокий смысл... Ты наделяешь зренье своею собственной и непутёвой жизнью. Глаза здесь некий двуединый символ запутанного внутреннего зренья. А ведь оно — так неподвластно нам... и взгляд его не менее абсурден, чем этот сочинённый мул(и)тфильм...

<i>Каталожная карточка:</i>	8/6	<i>И сказал он:</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга творения.</i>	<i>да будет так.</i>
<i>Авторы:</i>	<i>Творцы и демиурги.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Утроба матери.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Девять месяцев.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Чудо.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Самозарождение непорочного ребёнка.</i>	

Комментарий: Элен держит Гермогена за руки, и они говорят, с нежностью глядя в глаза друг другу.

СТРАНИЦА КНИГИ 8/6:

Одним дано приспособляться к миру, входить в его законы и пути и растекаться под нависшей нормой... Другие сами изменяют мир и назначают в нём свои каноны, они посмели быть не гостем, а Творцом...

О чём бишь я? Ах да, хотел бы стать творцом..., да одного желанья, видно, мало, мир ускользает, рассыпается в руках, но всё же поезд едет к океану и за окном пронесится пейзаж...

Послушай, Гермоген, ты всё-таки Творец! Творец с Большой-большой, почти огромной буквы. Ты не заметил? Я ведь на сносях. И скоро ты узришь своё творенье — то будет мальчик!

Боже мой, Элен, откуда? Я ведь... Ведь я же никогда с тобой не спал... Вернее, спал, но чисто, непорочно... Ты головой своей склонялась на моё плечо, я нежно обнимал тебя, шептал стихи и сказки, не более того...

О, милый Гермоген, ты иногда становишься мальчишкой. Ужель ты веришь, что рождение детей обязано слиянию яйцеклеток?! Ужель ты веришь, что порывы страсти способны положить начало жизни... Ты, создающий целые миры своим желаньем и воображеньем, вдруг спотыкаешься над самозарожденьем обычного реального ребёнка... Ты лучше бы заместо удивленья купил там всяких распашонок, ползунков...

Элен, но если это в самом деле так, то это — чудо!

Чудо? Конечно, да! А разве жизнь не чудо?!

9. ВОСХОДЯЩИЕ СТРАНИЦЫ

От автора

*Как хорошо,
когда развернёшь наугад
древнюю книгу —
и в сочетании слов
душу родную найдёшь.*

*Как хорошо,
когда заглянул на часок
старый приятель —
и в тыкве-горлянке нашлось
для обоих чуть-чуть сакэ.*

(Татибана Акэми)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>9\1</i>	<i>Пылало зарево</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга звезды и зари.</i>	<i>зари — из ночи</i>
<i>Автор:</i>	<i>Почти что волхв.</i>	<i>вышло волхва</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Под небом золотым.</i>	<i>при.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Раннее ноябрьское утро.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Ядрёное утро, мельхиоровый иней, пат- рульная машина, вифлеемская звезда.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Волхвы, пришедшие с Востока.</i>	

Комментарий: После той ночи в ресторане мы с Мартином практически не расставались, за исключением его блуждания по полю, после которого он якобы стал волхвом. Лично мне кажется, что всё это ему пригрезилось, пока он спал, уткнувшись головою в рыбное ассорти. Однако в подтверждение действительного блуждания Мартина по заснеженному полю говорит невесть откуда увязавшийся за нами старик, говорящий вроде бы и на русском, но весьма не понятном языке.

Мы жили у Мартина, благо комнат у него хватало.

СТРАНИЦА КНИГИ 9\1:

Стояло ядрёное ноябрьское утро. Вчерашние лужи были покрыты матовым хрупким ледком. На поздних травах лежал мельхиоровый иней. Солнце уже разбросало густые оранжевые краски на восточной кромке неба, слегка подёрнутого лёгкими перистыми облаками. Над просыпающимся городом висела неправдоподобно большая Венера, которая как бы указывала — куда ж нам плыть...

Никаких значимых событий, казалось бы, не происходило: ну, брели по утреннему городу, ну, возвращались из очередной разгульной ночи, ну, заря, ну, Венера, ну, иней — всё это было сотни тысяч раз, не с нами, так с кем-то ещё... Но

почему же я чувствую себя так, как будто нежданно-негаданно вдруг очутился на страницах романа, который сам же и начал писать...

Что-то библейское было в этом нашем шествии под путеводной Венерой. И когда нас задержала патрульная машина (за нарушение общественного порядка путём справления малой нужды в неполюженном месте), а Мартин в качестве смягчающих обстоятельств нёс какую-то околесицу о том, что у него родился сын, я поймал себя на мысли о Вифлеемских событиях. Тащатся по городу три полупьяных волхва (причём двое из них действительно считают себя волхвами) и встречаются неким иродов в серых шинелях. Ироды спрашивают, кто, мол, такие и почто утренний порядок обижаете. Волхвы же уверяют, что идут с Востока, потому как на западе у них родился сын и т.д. и т.п. И этот мифический сын действительно спасает, если и не всё человечество, то по крайней мере троих его (быть может, самых лучших) представителей от кары небесной...

О Боже, как красив этот неизвестный старик в своих колоритных обносках, со своею развевающейся по ветру бородой, со своею шаркающей, но такой гордой походкой... А Мартин! Недельная щетина на лице, тяжёлые круги под глазами, трясущиеся то ли от холода, то ли от похмелья руки и... такой светлый и чистый взгляд...

Сияет Вифлеемская звезда...

<i>Каталожная карточка:</i>	9\2	<i>Трое появились не случайно, троюлька пригумана не зря, и недаром в каждой русской чайной...</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга, вынесенная за скобки.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек похмеляющийся.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Российская зачуханная пивная.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Время открытия.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Натруженные души, отрешённые взгляды, солнечные лучи, разбавленное пиво, эпохе.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Попытка выйти (вынести себя) за скобки собственного смысла.</i>	

Комментарий: Что может быть лучше блаженного отдыха в тепле и уюте после долгих ночных скитаний по неизвестности.

СТРАНИЦА КНИГИ 9\2:

Ах, этот утренний воздух российской пивной! Когда заблудшие натруженные души едва поднявшихся на ноги алкашей стекаются к благословенному источнику. Их озабоченные деловые подсчёты последних копеек, их внимательные и в то же время отрешённые взгляды, их короткие без единого лишнего слова разговоры... И первые лучи солнца, пробивающиеся через сизоватый дымок от дешёвых папирос и переламывающиеся в янтаре жигулёвского пива... Скромный приют утомлённых ночными скитаньями волхвов... Сколько чистоты и поэзии скрыто в этих замызганных, богом забытых пивнушках. Сколько нежности таит в себе первый глоток холодного слегка разбавленного пива. Сколько теплоты несёт в себе эта прокуренная, прочумленная атмосфера...

Я сидел на широком подоконнике, и лишь тонкое прозрачное стекло отделяло меня от пронизывающего осеннего ветра и от холодной рабочей суеты проснувшегося города. Напротив меня благородный Мартин нёс какую-то восторженную

утреннюю ахинею об эпохальном значении древнегреческого понятия «эпохе», буквально обозначающем «остановку».

«Мы должны воздерживаться от категоричных утверждений, — вещал уже хорошо похмелившийся Мартин, — любое понятие или положение необходимо выносить за скобки. Видимость (слышимость, ощущаемость) любого предмета есть не сам предмет, но лишь ничтожный комментарий к его сокровенной сущности. Вот, например, цвет, вкус и даже крепость пива ничего нам не скажут о его внутренних возможностях и устремлениях, пока душа наша не соединится с ним воедино, и лишь там на тончайшем уровне собственных грёз возможна робкая попытка постижения пива как такового, причём у каждого это постижение, а вернее, попытка постижения будет различна. Нам и жизнь нашу следовало бы вынести за скобки основного смысла. Из того, что я мыслю, вовсе не следует, что именно я существую, ведь вполне возможно, что это ты, например, придумал меня и вложил в уста мои свои убогие мыслишки. Хотя, конечно, в этом случае я всё равно существую, только наша жизнь происходит в различных реальностях. В твоей физически ощутимой реальности меня нет, а в моей реальности ты вынесен за рамки какого-нибудь сверхпознания. Хотя всё это нам не мешает ещё разочек взять по паре пива...»

Мохнатая рыжая дворняга с преданностью слушала утреннюю философию полупьяных поэтов, надеясь, что они снова угостят её этой поразительно вкусной кожурой от сардельки.

<i>Каталожная карточка:</i>	9\3	<i>Мы едем, едем, едем!</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга метафоризации жизни.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Человек метафорический.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Такси-мысль.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Время движения.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Путаные мысли, ущербные метафоры, жизнь, творчество, борьба, достойное су- ществование, дети, деревья.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Двойная метафора творчества. Дефини- ции жизни.</i>	

Комментарий: Дороги располагают ко сну, разговорам и размышлениям.

СТРАНИЦА КНИГИ 9\3:

Мы ехали на такси куда-то, где, по словам Мартина, жила его ненормальная жена (в то время я знал об Элен и Гермогене только по рассказам Мартина).

Машина прорезала пространство города. Из приёмника надрывалась Эдит Пиаф. Старик задремал, разморённый теплом и покачиваньем. Мартин объяснял шофёру преимущества конных экипажей перед бензиновой тягой, а я уткнулся лбом в проносившийся мимо пейзаж и отдался потоку непутёвых и путаных мыслей...

Можно ли уподобить жизнь человеческую возведению храма? Или уподобить её долговому путешествию в пространстве и времени? Или молчаливому созерцанию у неспешно текущей реки бытия?

Увы, пожалуй, каждая из этих метафор глубоко ущербна. Если уж наша жизнь и похожа на строительство, то разве что социалистическое, с его хронической не-

разберихой и кучей несогласующихся проектов: в одном из которых ширина дома указана в кирпичках, в другом в батареях, в третьем в электрических проводах, а в четвёртом в обоях. И вырастает под руками наших умельцев причудливый кирпично-батареё-обойный монстр. Невыразимо прекрасный в своей неупорядоченности и халтуре... Так и жизнь наша лепится большей частью в халтуре и спешке...

А если уж говорить о путешествии, то это не экспедиция к неизведанным землям, но бесцельное блуждание по кабакам и пивнушкам, зовущее и радующее своей непредсказуемостью и случайностью...

А если говорить о жизни как созерцании, то это не безмолвное неподвижное наблюдение, но, наоборот, кричащее, оценивающее, восхищающееся и критикующее рассматривание...

Впрочем, я, кажется, собирался поразмышлять о творчестве, а сбился на выяснения с жизнью... Уж не хотел ли я провести аналогию между жизнью и творчеством? А далее запустить все эти строительства, путешествия и созерцания. То есть простроить эдакую двойную метафору, которой я попытаюсь укрыться от своего непонимания творчества. Собственно, ничего такого я, конечно же, не хотел, просто блуждания по лабиринтам рассуждений натолкнули меня на частокол этих ущербных метафор... и что теперь делать с ними?

Машина резко затормозила, и я стукнулся головой о кресло таксиста, старик удивлённо приоткрыл глаза и, казалось, собрался было что-то сказать, но, как видно, раздумал; Мартин, пристёгнутый ремнём безопасности, продолжал распространяться о преимуществах неспешного движения на лошадях. А я, прерванный на полумысли, продолжил этот полуразговор с самим собой:

А может быть, как он недавно прочёл в одной умной книжке, мы просто машины для сохранения вечноживущих генов? И наша жизнь — борьба за их существование.

Конечно же, всё это ерунда! Жизнь, как это ни банально, — есть борьба за наше собственное существование. Или, скажем так, борьба за **достойное** существование. Ведь каждый хочет не просто существовать, но существовать достойно...

Но вот в чём парадокс: **борьба** за достойное существование — есть уже нечто недостойное. И вырваться из этого порочного круга можно, только навсегда отказавшись от борьбы. Самая достойная и достойная подражания — это жизнь детей, которых ни на гран не интересуется существование, но лишь — свобода! И если они за что-то и борются, так это за свободу от опеки и от защиты.

Или деревья... вот кто не берёт милостей от природы, но терпеливо ждёт их, быть может, слегка наклоняя крону или протягивая ветви ближе к солнцу, или проникая корнями вглубь, ближе к подземным водам...

Мы же — взрослое человечество — боремся, боремся, боремся, кроя и требуя от мира кто деньги, кто почести, кто восторги, кто удовольствия, а кто... (вот это как раз самые опасные) — ни много ни мало, борется за счастье всего человечества...

Но есть же, бывают же такие, кому вдруг удалось увернуться практически от любой борьбы. Вот эти сумасшедшие, к кому мы направляемся сейчас, они, по рассказам Мартина, едут к какому-то океану...

Машина затормозила на красный свет светофора, и люди перешли перед нами дорогу.

<i>Каталожная карточка:</i>	9\4	Мало ли что ва-
<i>Название:</i>	<i>Книга конца времени.</i>	ляется на город-
<i>Автор:</i>	<i>Человек, подобравший рукопись.</i>	ских свалках.
<i>Место издания:</i>	<i>Между квартирой и свалкой.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Конец 2-го тысячелетия.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Неземная красота.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>На перепаде времён.</i>	

Комментарий: По дороге мы остановились у цветочного магазина и скупили в нём почти что все розы. И ещё мы купили два ящика шампанского, ящик коньяка и коробку шоколада. А потом со всей этой романтической утварью забрались в квартиру путешественников на Восток.

СТРАНИЦА КНИГИ 9\4:

И тут я впервые увидел её, мою героиню, мою Элен... Она сидела на ворохе свежего сена, обсыпанная с ног до головы огромными голландскими розами, в каких-то лохмотьях, по которым струились её густые шелковистые чёрные волосы, она прижимала к груди младенца, бережно завёрнутого в тёплую фланелевую пеленку с голубыми цветами, и удивлённо смотрела на трёх полупьяных гостей, открывающих шампанское и выкрикивающих какие-то смешные поздравленья...

А они стояли, поражённые её неземной красотой, и ничего не выкрикивали, они молчали... Стандартные слова не лезли в горло. Хотелось сказать что-то значительное, соответствующее случаю. Но они только наливали коньяк в гранёные стаканы и молча пили...

И тут пришёл Гермоген с авоськой яблок и фруктовым соком. Он отправил Элен вместе с младенцем к тётушке Глаше, а нас подключил к уборке квартиры, и мы вынесли сено и розы, и пустые бутылки на дворовую свалку, и где-то там среди сушёных трав и увядающих цветов я обнаружил рукопись, короткие заметки, которые пунктиром Гермоген оставил от своей беспутной жизни. Я подобрал её и положил в карман. В грудной карман плаща, у сердца.

Наступала новая, совсем другая эпоха. Приближалось время второй жизни. Начинался 2000-й год.

раздел II

СТРАНИЦЫ
СТАРЫХ
РУКОПИСЕЙ

10. КАМИННЫЕ СТРАНИЦЫ

Апокрифы из архива

*Орхидеи в цвету.
По саду гуляю неспешно
С чаркой в руке.*

*Кончиком посоха
Суть объясняю картины.
Цветок орхидеи.*

*Хижина трезвенника.
Что за радость, что рядом
Орхидеи цветут?*

(Кобаяси Исса)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>10/1</i>	<i>Все мы — фигури- ки на шахматном поле богов.</i>
<i>Название:</i>	<i>Шахматная королева.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Элеонора Михайловна У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Клетчатая ученическая тетрадь.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>4 марта 1986 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Дебют, миттельшпиль, эндшпиль, цейт- шпиль, цунгванг, Теофраст Парацельс, бунт, мат.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Творение живёт своей отдельной жизнью и не зависит от Творца.</i>	

Комментарии: Когда-то в юности Элен увидела у одного знакомого скульптора бронзовую статуэтку шахматной королевы и долго смотрела на неё, заворожённая; впоследствии она написала небольшую поэму, навеянную пластикой своего друга; стихи Элен странным образом предугадали многие события из её последующей жизни; здесь могут быть прослежены следующие метафорические ассоциации с героями романа: Шахматная королева — Элен, потомок Парацельса — автор, офицер — Мартин.

СТРАНИЦА КНИГИ 10/1:

Дебют

*...шесть тонких струн, несущих музыку игры...
шесть светлых струй из раковины сердца...
шесть одиноких лёгких направлений...
шесть невесомых степеней свободы...
поэзия запутанных ходов,
горячий ветер тайных комбинаций,*

*и...
потная рука задумчивого Бога,
диктующего волю и ходы...*

*она — царица чёрного квадрата
и пленница расчерченной доски..,
она — владычица цунгвангов и цейтнотов..,*

*у ней безмерная, невиданная власть,
но дай ей бог навеки не пропасть
от клетчатой безудержной тоски,
где каждый ход заносится в листки...
и даже смерть уместится в двух знаках...*

Миттельшпиль

*лет сто назад известный маг и мистик,
потомок Теофраста Парацельса,
провёл почти невероятный опыт
по оживлению королевы шахмат...*

*точёная фигурка из сандала
на внешний вид ничуть не изменилась,
но странная невидимая сила,
идущая из шахматной души,
притягивала волю игрока,
и становился он не богом,
но слугой,
послушным прихотям капризной королевы...*

*в игре ломались правила и смыслы,
и королём вдруг становился офицер,
и битва завершалась брачным пиром...*

Эндшпиль

*какие-то неслыханные танцы:
Индийский вальс, Сицилианский полонез...
кружились по пятнистому паркету...
и звёздный дождь космической любви
врывался в чёрно-белую планету,
которая томилась взаперти
среди едва намеченных дебютов...*

*но счастье всегда так коротко...
не за горами миттельшпиль и эндшпиль...
и уж спешат суровые посланцы
от тихой пешки или кардинала,
и партия играется сначала,
а Королеве продиктован приговор:*

за гордый бунт и осмеянье бога —
сожжение на шахматном костре...

Шах

всего лишь миг.,
и вот уже тот самый офицер,
её безудержный космический любовник,
подносит факел к основанию трона...
и плавится янтарная корона...
и тает сердце...

Мат

наутро удивлённый чародей
не обнаружил белой королевы,
лишь по доске метался лёгкий пепел...

Каталожная карточка:	10/2	Паганой паганой ленется... настичу найти осень.
Название:	В ожидании орхидей.	
Автор:	Элеонора Михайловна У.	
Место издания:	Клетчатая ученическая тетрадь.	
Время издания:	6 марта 1986 года.	
Ключевые слова:	Павильон орхидей, сума да посох, волшебство созвучий.	
Аннотация:	Песнь о всевластии любви и слова.	

Комментарии: Две статуэтки поразили Элен в мастерской скульптора — шахматная королева и странная прозрачная девушка, быть может, танцовщица, быть может, даже не женщина, а цветок; в её чертах было что-то от древней китайки, и строй души, прочерченный рукой мастера, выдавал далёкий дальний восток; это была вторая поэма, которую Элен написала и которая также многое предвосхитила в её последующей жизни; здесь безусловно прослеживаются следующие метапоэтические связи: Принцесса грёз — Элен, старый поэт — Гермоген.

СТРАНИЦА КНИГИ 10/2

...однажды в павильоне орхидей
принцесса грёз томилась в ожиданье
возлюбленного старого поэта...
сума да посох., да ещё душа,
да пара строк, отпущенных на ветер,
казалось бы — нехитрые пожитки,
но...
если б слышать вы могли
его воздушные слова,
тогда...
но впрочем, по порядку —
принцессе было около восьми,
а он уже тогда был стариком.,
её учил он музыке и слову,

*и тайнам неразбуженной души,
легендам сердца, волшебству созвучий
и...*

*его прогнали за какую-то провинность,
но уходя он ей пообещал,
что возвратится родниковой тучей
и упадёт дождём из орхидей
к ногам её...*

*и вот она томилась в ожиданье
возлюбленного старого поэта.,
а он...*

*а он ведь никуда не уходил,
он жил в ней строчкой,
музыкой и песней,
и ожиданием дождя из орхидей...*

*с годами девушка всё больше изменялась,
в неё вошла прозрачность, невесомость,
изысканность и нежность орхидеи
и...*

*наконец,
она исчезла вдруг из мира
и виденья привычного для глаз,*

*лишь лепестки опавшей орхидеи
нашёл слуга в пустынном павильоне.,
и что-то в воздухе чарующем витало,
рождая музыку преданий и легенд.*

11. СТРАНИЦЫ БЕЛЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Апокрифы из архива

*Чем старей становлюсь,
Тем отчётливей прошлого лики
в сновиденьях ночных —
засыпаю, чтобы душою
вновь и вновь устремиться в юность...*

(Кагава Кагэки)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>11/1</i>
<i>Название:</i>	<i>Похмельная строка.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Кухонный стол. Табурет. Подоконник.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Около 1987 года.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Двести грамм, листопад, строка, дай бог не последняя.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Песнь о месте строки в нашем таком нерушимом мире.</i>

Комментарии: В молодости Мартин не просто пил, но КУЛЬТИВИРОВАЛ пьянство. Он писал стихи и трактаты, воспевающие Бахуса, и не упускал ни одного случая, чтобы основательно надраться. Похмельем он не страдал никогда. Ну, там, общая слабость, сухость во рту, отупелость — ему это состояние даже чем-то нравилось. «Тело ломает, а в душе хорошо», — любил говаривать он. Поэтому песня (а это именно песня, которую Мартин часто исполнял под гитару) «Похмельная строка» скорее придумана им, чем пережита. Однако эта песня пользовалась неизменным успехом в самых различных компаниях.

СТРАНИЦА КНИГИ 11/1:

*Какие, к чёрту, облака?!
Какой там, к дьяволу полёт?
Когда похмельная строка
Тупым концом по сердцу бьёт.
И наливаешь двести грамм
Недорогого коньяку,
Чтобы залив душевный гам,
Отмыть похмельную строку.
А за окошком листопад
И дождевые облака...
И ударяет невпопад
Моя похмельная строка.
Наверно, снова буду пьян
И зашатаются века,*

*Когда придёт в людской бедлам
Моя похмельная строка.*

Каталожная карточка: 11/2
Название: Баллада о непогоде.
Автор: Элеонора Михайловна У.
Место издания: Городские улицы.
Время издания: Осень 1985 года.
Ключевые слова: Непогода, ласка, тепло, одиночество.
Анотация: Людей можно разделить на две большие категории — те, которые любят непогоду (бунтари), и те, которые любят покой (покойники).

*Бой и хогли мы
словно тень.*

Комментарии: Эту балладу написала совсем ещё юная Элен. У неё была какая-то ссора с любимым (тогда ещё не Мартином), и она долго бродила под холодным осенним дождём, иногда переходящим в снег. Баллада полностью отражает её тогдашнее настроение. Позднее Мартин подобрал для стихов Элен музыку и часто исполнял эту балладу под гитару.

СТРАНИЦА КНИГИ 11/2:

*По городу бродила непогода.
Она стучалась в окна и дворы,
Ютилась на груди у пешехода,
Крутилась под ногами детворы.*

*Ей было плохо — грусть скребла по сердцу,
Ей так хотелось ласки и тепла,
Она стучалась в запертую дверь
И тёрлась у оконного стекла.*

*А люди затыкали ватой окна
И войлоком опутывали дверь,
И уши шапок связывали плотно,
А непогоду называли зверь...*

*Среди людей и страшно одинока...
Ей так хотелось выплакать печаль.
И непогода умерла до срока.
И стало всем её немного жаль.*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>11/3</i>	<i>Стремиться к свету.</i>
<i>Название:</i>	<i>Переход.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Подземный переход.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Осень 1988 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Проститутка, переход, счастье.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>А счастье было так возможно.</i>	

Комментарии: В этот период своей жизни Мартин играл на флейте в подземных переходах, пытаясь набрать хоть немного денег, для того чтобы прокормить себя и молодую жену. Однажды подгулявшая компания угостила его хорошим портьейном. Мартин загулял, пропил часть дневной выручки, а на оставшиеся деньги снял проститутку, это была его первая измена Элен. Для чего он это сделал, Мартин до сих пор не в состоянии объяснить.

Второе четверостишие — это переключка с песней Юрия Визбора «Вставайте граф, рассвет уже полыхнется».

СТРАНИЦА КНИГИ 11/3:

*И постигая нежность перехода
От быта в нелогичность бытия,
Снимаю проститутку в переходе
За тридцать два последние рубля.*

*Она была робка и молчалива,
Но от себя я всё ж не утаю,
Она меня не сделала счастливым,
И я её за то благодарю.*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>11/4</i>	<i>Улететь бы вместе с этим грустным ветерком.</i>
<i>Название:</i>	<i>Ранний сентябрь.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Облетающий парк.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Сентябрь 1989 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Водка, колбаса, хлеб, мудрость покоя, итоги, осенённость.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>О единстве вершины внутренней и вершины внешней.</i>	

Комментарии: В то время Мартин работал сторожем в одной конторе, и как-то раз, возвращаясь ранним утром со своей работы, он присел на скамеечку возле пруда и под шорох облетающих листьев написал вот такие стихи:

СТРАНИЦА КНИГИ 11/4:

*Ранний сентябрь.
Но, кажется, я отвлёкся,*

*О нём ли хотел писать?
А впрочем, как раз о нём.*

*Студентом в такие дни
Мы брали бутылку водки,
Ещё колбасы и хлеба,
И шли в облетающий парк.*

*Вечер усталого года.
Мудрость покоя. Итоги.
Радость простого дела.
Память оторванных сентябрей...*

*В вершинах не главное метры
И даже не их неприступность,
И даже не красота.
Куда важнее единство
Тебя и твоей вершины...*

*Но, кажется, я отвлёкся.
Сегодня восходит осень!
И дум моих осенённость
Забывла метанье дня...*

*Зачем-то ищем трагедий,
Не зная простой дороги,
Плутаем в прямых проспектах,
А где-то шумят леса.
Заботимся о долголетье
И бегаем, словно зайцы,
А где-то на полустанке
Осталась болеть душа...*

Каталожная карточка: 11/5

Название: Георгины для продащицы пива.

Автор: Мартин Михайлович У.

Место издания: Кухня коммунальной квартиры.

Время издания: Около 1990 года.

Ключевые слова: Текучка, дешёвое непотребство, похмельный подъём, обманутое время.

Аннотация: О высоте похмельного подъёма.

*Загляни на дно
стакана — нет
ли там звёзды?*

Комментарии: Однажды Мартин в пух и прах проигрался напёрсточникам. Проиграл много, и денег было очень жалко, тем более что дома у них в то время было пусто, а тут неожиданно хорошо заплатили по какому-то старому договору. Мартин спешил к своей любимой Элен, чтобы поскорее обрадовать её, и на ры-

нок-то он собственно забежал за цветами для неё. Но когда все деньги были проиграны, то дарить цветы показалось Мартину неудобным — ну что это такое, дома жрать нечего, а он с цветами притащится. И тогда он подарил цветы продавщице разливного пива... Потом он пил водку..., что-то ещё... В общем, наутро родились вот такие стихи. И по правде говоря, Мартин был благодарен напёрсточникам.

СТРАНИЦА КНИГИ 11/5:

*Есть что-то недоигранное в детстве,
Чего не купишь в городской текучке,
Но, заводясь в дешёвом непотребстве,
Просаживаешь деньги на толкучке.
И даришь георгины продавщице
Тягучего и бархатного пива.
«Ах, право, даже как-то неудобно».
И убегаешь дальше, дальше, дальше —
Дурачиться, купаться у фонтана.
Пропьёшься до рубля и опустеешь...*

*Но кто измерит глубину стакана,
Когда в нём отражаются созвездья!?
А высота похмельного подъёма,
Какому поддаётся объяснению!?
Когда нарушены пропорции объёма
И не спешит обманутое время...*

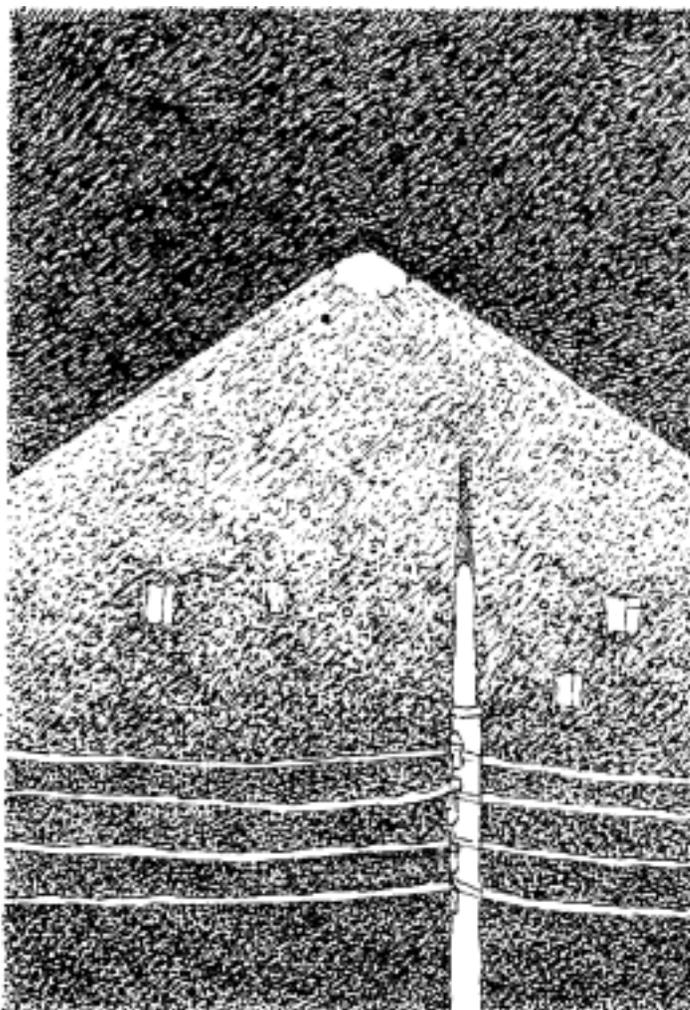
*Лишь этот след на матовой бумаге,
Короткий стих без цели и названья,
Останется, как странное соцветье,
Неловкий опыт словосочетанья...*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>П/б</i>	<i>А за окнами про-</i>
<i>Название:</i>	<i>Вечер, ноябрь, снежинки.</i>	<i>хожили чья-то</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	<i>жизнь.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Двор детского сада.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>7 ноября 1990 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Квартиры и снег, праздник и стих, люди и человек.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Об отделённости.</i>	

Комментарии: В своё время Мартин работал дворником в детском саду. И вот, подметая свой двор поздним ноябрьским вечером в канун праздника революции, он остановился, очарованный круженьем снежинок в свете тусклого фонаря, и закурил. А за окнами раздавался шум повсеместного праздника, жаркие выкрики и разудалые песни. Тишина снега и праздничный гвалт были поразительно контрастны, и это настроение отразилось в коротких лиричных стихах Мартина.

*Просто несколько тихих снежинок,
Просто молча курить на ветер...
Окна, где бесконечный праздник,
Такой ненужный и такой жестокий.
Окна, где остановка жизни,
Торжество шума и лакомой снеди.
Эти окна залеплены снегом...*

*Они существуют отдельно:
Квартиры и снег,
Праздник и стих,
Люди и человек...*

12. СТРАНИЦЫ ГОРОДСКИХ СВАЛОК

Апокрифы из архива

*Я знаю, души
У щенка да ещё на картине,
конечно же, нет —
и всё же спрошу, пожалуй:
а вдруг душа отзовется!?*

(Кагава Кагэки)

*Чашечка для сакэ,
Сколько ты помнишь рук?
Сколько радостей? Сколько печалей?*

(Идэ Сокэйсю)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>12/1</i>	<i>Бель в себе</i>
<i>Название:</i>	<i>Жизнь и бессмертие деревянного стула.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Кухня коммунальной квартиры.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Поздняя осень.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Технический спирт, польза камней и ветра, сумасшедший ангел.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Поэтизация вещи есть путь к её бессмертию, то же самое можно сказать о поэтизации души.</i>	

Комментарии: Однажды Мартин, возвращаясь домой под утро, уставший и хмельной, увидел на помойке обломки выброшенного стула. Он был потрясён какой-то грустной безысходностью, исходящей от этих обломков, и Мартин подобрал их и принёс к себе в дом. Несколько позже он написал поэму о стуле, подбранном на свалке, а из обломков смастерил книгу-объект, где была вписана эта поэма. Объект неоднократно выставлялся на художественных выставках и пользовался неизменным интересом.

СТРАНИЦА КНИГИ 12/1:

*Когда-то он был сработан в неведомом городишке,
В пахучем столярном цехе, там, где работники грели
Душу техническим спиртом...
Попал он к хорошим людям и верно служил им стулом
Без малого тридцать лет...*

*Хозяин на нём работал — ваял чертежи для танков.
А иногда, в субботу, с приятелем, за бутылкой,*

*Беседовал до рассвета о хрупком устройстве мира,
О странностях дней и женщин, о книгах и о картинах,
О пользе камней и ветра и много о чём ещё...*

*Хозяйка на нём сидела за чашкой бразильского кофе,
С подругами обсуждая вопросы цены на мясо,
Неверность жены соседской, рецепты грибных засолок,
Подробности тележизни и много чего ещё...*

*Хозяйский сыншика — Вовка —
Брал стул для различных целей —
Для гаражей и дотов, трамваев и паровозов,
Для гоночных автомобилей и много ещё зачем...*

*Со временем стул обтёрся, разохся и обтрепался.
Он долго стоял на балконе под ветром и под дождём...*

*Однажды во дни ремонта его испачкали краской.
И несколько ран пилёных хозяин ему нанёс...
И стал он совсем ненужным, и стал он совсем разбитым,
И с прочим житейским хламом его отнесли на свалку
К пустым коробкам и банкам на кладбище старых вещей...*

*Грозил ему сожженье, а может быть, гниль и плесень,
Но так получилось, что мимо погожим осенним утром
Откуда-то возвращался какой-то чудной поэт...
И вид одинокого стула привёл его душу в трепет,
И он подобрал беднягу и в дом к себе стул забрал...*

*И вдруг деревянный житель обрёл в этом доме вечность,
И стал он теперь поэмой о времени и о себе...*

*Вот так же и наши души на синих небесных свалках
Возможно, лежат без дела, готовясь сожечь в веках,
Пока сумасшедший ангел их вдруг не утащит в вечность,
Открыв на задворках жизни нетленный огонь стиха...*

Каталожная карточка:

12/2

*Пыль под ногами
— мысль в голове.*

Название:

Троянская война.

Автор:

Мартин Михайлович У.

Место издания:

Дорога к дому.

Время издания:

Около 1990 года.

Ключевые слова:

*Инопланетные вещи, пред-чувство, оме-
ла, скотский.*

Аннотация:

*Какие мысли могут потревожить твоё
сознание, когда ты шествуешь неспешно в*

*магазин, уже в одном назывании которого
скрыта тайная звенящая магия..*

Комментарии: Эти стихи Мартин написал по дороге из дома до молочного магазина и обратно. Они написаны под сильным влиянием «Улисса» Джойса и поэтики Бродского. Мартин как бы проецирует бесконечные странствия Одиссея на свой не менее бесконечный путь к магазину. В этом стихотворении Мартин цитирует стихи Андрея Стрелкова и Иосифа Бродского.

СТРАНИЦА КНИГИ 12/2:

*Когда идёшь неведомо куда (за кефиром),
Встречаются просто невообразимые, —
И опять это слово — «инопланетные»
вещи:*

*Газета с профилем Мандельштама;
Воробьи на ветках...
провода...*

*Они, сами того не понимая,
выстраиваются в стихи.
Наверное, чтобы их запомнили.
Иначе они просто-напросто
Канут в лету.*

*Раньше это была река,
Нынче что-то совсем другое.
Так века
деформируют пред-
чувство...
И ты записываешь тихий бред
Как небольшое напутствие...*

*Ты понимаешь,
и как-то вдруг,
Красоту обнажённого тела,
Красоту женщины.
Красоту лица.
Красоту далёкого, непонятого
слова
Омела,
Которое ты прочитал у Бродского
И с этим словом
построил стих...
А если просится в рифму
Скотского,
то в этом
есть глубочайший смысл.
Потому что скотский*

Давно не обидное,
Но скорее фамильное,
некий штрих,
отличающий чистое
от
утильного,
поступок, о-
пережающий мысль.

И если шаг нарушен
нечаянно.
Простужен затылок.
И робкий мозг
Выбирает и
вы-бирается
Из переулка
на
мост.
А там открывается
И, быть может,
река.
Тебе же плохо,
и ты слегка
Вызываешь тошноту,
Ломая кайф,
Понимая, что
заграничное
Лайф
Означает
совсем и совсем
другое.
И ты цитируешь,
как тебе кажется,
Гумилёва,
а на самом-то деле,
видимо, не его, но
всё равно:
«... как самое простое».

А потом возьмёшь томик
Опять же Бродского
И перетишешь, не
совсем нарушая ритма,
то, что слитно
с твоим ореолом души.
Или же те слова
поэта,
звучащие так:

*«... иногда тиши».
Всё перечёркивая
И снова выписывая со
шпательки
Самое точное
В самое утро:
«Мой Телемак,
Троянская война
окончена.
Кто победил — не помню».*

Каталожная карточка: 12/3
Название: Новый Илья.
Автор: Мартин Михайлович У.
Место издания: Весенний город.
Время издания: Апрель 1990 года.
Ключевые слова: Функция состояния, отголосок талого снега, робость строчек, обречённость стужи, правило из исключения, похмелье поезда, полутрезвый маг, шум запоя, ненастоящее.
Аннотация: О пользе и бесполезности правил из общего исключения.

*Хрустели ледяи ве-
сенних утренних
лучах.*

Комментарии: Это было время, когда Мартину ничего не хотелось делать, он в каком-то метафизическом опьянении целыми днями слонялся по улицам, пил кофе в кофейнях и разливное пиво у ларьков, подолгу курил, удивляясь просыпающимся почкам вербы, блуждал... Вот это состояние отрешённости, но в то же время некоторого бунта от обыденной текучки и отразилось в его звенящих стихах.

СТРАНИЦА КНИГИ 12/3:

*Уже и не ты,
Но функция состояния,
отголосок талого снега,
отголосок таяния,
отголосок неба.
Воспринимающий крик кошек,
прорезающий ночь,
ответы фонаря и проч...
Дрожащий тихо,
как звук, звеня.
Принявший как должное
робость строчек.
Выдыхающий стих,
не ведая, но оттеня
слово от букв и точек.*

*Забывающий тут же
проходящий поток
мысли. И не дела,
но лужи
оставляющий и
не чуя ног
бредущий сквозь
обречённость стужи.*

*Свободнее рифмы,
горчее выгоды.
Сказать как выдохнуть.
То, что вы горды,
не имеет значения,
поскольку я
всего лишь правило
из вашего исключения.*

*И то немногое,
что меня вело
к сума-сшествию,
к жертве
не-приношения,
было, быть может,
густое вервие,
химическая реакция
звучо-переплетения.*

*Похмелье поезда,
озвучившего тишь,
звезда уцелья
домов и крыши,
мысль, потерявшая
пред-назначение.*

*Кто ты,
раскачивающий луну?
Глядящий вверх
и дарящий звёзды,
дарящий облако,
дарящий струну,
дающий от
промежутков роздых?*

*С тобой мне легче,
хоть ты и пьян.
Пуškai, как глетчер,
сорвёшься в пропасть.
Геологически ты где-то там*

*останешься, как
от полёта лопасть.*

*Сегодня ты полупрезвый маг.
С тобою новость
и шум заоя.
И, может быть,
происходит шаг
от бесконечного
в бесконечно простое.*

*А что ещё
разорвёт текущее.
Какая разница,
Быть иль не`быть.
Пускай, как празднество,
как нечто лучшее,
тебя встревожит
не быль, а небыль...*

*Ещё не понял,
но чем встревоженный,
уходишь тихо,
сломав орбиту,
пусть не дотла,
но где-то выжженный,
хотя звенящий,
но весь разбитый.*

*Зачем заучивать
боль трагедии.
Когда не радуется
гвалт победы.
А если это
так скучно вам,*

*стакан портвейна
честней, чем веды.*

*И снова Библия
ещё не читана,
И откровение
какого Бога?
И новый Илья
уходит из дома,
ломаю заповедь
стиха и слога.*

*Ещё не взнузданный
и пьян по-своему,
он ждёт похмелия,
доверясь зову.
Так и останется,
навек не признанный
и равнодушный
к теплу и крову.*

*На полустрочке
он мог
закончить вздох,
принять и выслушать
неза-звучащее.
И понимать,
что слово «БОГ»
немного, но
ненастоящее...*

13. СТРАНИЦЫ ДОМАШНЕЙ ЛИРИКИ

Апокрифы из архива

*Нынче будем жить
как живётся: пить сакэ,
благо есть пока, —
а о завтрашних печалях
будет время потужить...*

(Окума Котомити)

*Тает последний снег.
Хорошо за горячим сакэ
Любоваться весенней капелью.*

(Идэ Сокэйсю)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>13/1</i>	<i>Капли густого ли- кёра — стёкуют по стенкам души.</i>
<i>Название:</i>	<i>Тоскую по стихам.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Кухонный стол.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Пятница 26 марта 1991 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Стихи, гаванские сигары, чёрный кофе и ореховый ликёр</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>К чему приводит тоска по стихам.</i>	

Комментарии: Мартин обожал эти одинокие тихие утры, когда Элен уже убежала на работу, а он не спеша пил кофе, курил, что-то писал, читал или просто смотрел в окно.

СТРАНИЦА КНИГИ 13/1:

Тосковал по стихам, которые приходили давным-когда-то, неизвестно откуда, неведомо как. Тосковал по стихам, которые врывались в неухоженный мир моей тихой души, высвечивая в ней янтарные блики, словно на пыльном чердаке луч солнца выхватил из паутины времени бутылку забытого коньяка. Тосковал по стихам, которые срывали меня с тормозов, которые требовали шампанского, которые утаскивали меня в несурзность, в забывание времени и потерю пространства. Я тосковал по стихам, за которые приходилось платить дорогую плату, после которых наступало немое похмельное, когда я лежал, как засохший лист, потеряв вкус к языку, утратив радость полёта, мечту о Небе и Ветре. Я тосковал по своим стихам и настраивал себя, как старую скрипку, подтягивая невидимые струны, прислушивался к ветру за окном, курил далёкие гаванские сигары, бразильский кофе пил с миндальным «Амаретто», листал творенья старых мастеров. А что потом? Ведь, кажется, я что-то написал? Ужели только это? Ужели лишь тоска осталась темой? Ужели лишь?

<i>Каталожная карточка:</i>	13/2	Трам-та-ра-рам- рам марш-марш.
<i>Название:</i>	<i>Утро загрустившего поэта.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Кухонный стол.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Утро понедельника 29 марта 1991 г.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Пустяки, паутинка стихов, случай прочтения.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Коллекция утренних поэтических безделушек — виртуальный музей будущих прочтений.</i>	

Комментарии: См. комментарий к «Тоске по стихам»

СТРАНИЦА КНИГИ 13/2:

Сегодня удивительное утро.

Но утро, в котором проснулся поэт, и не может быть заурядным.

Ведь это — утро поэта.

Тысячи нелепых пустяков оставили свой след на золотой паутинке его стихов:

Мартовский ветер и улетающий самолёт, доверчивый голубь, заглядывающий в окно,

Тома книг, в своей загадочной полупрочитанной жизни...

Зачем он собрал эту странную коллекцию утренних безделушек?

Зачем нанизал их на тонкие фразы?

Кому предназначен виртуальный музей этих мартовских слепков?

— Кому? Случаю! Они нужны лишь случаю прочтения. Невероятному стечению обстоятельств, когда какой-то фантастический читатель откроет то, о чём же это утро. Единственное трепетное утро, в котором по неведомым причинам проснулся вдруг стареющий поэт.

<i>Каталожная карточка:</i>	13/3	
<i>Название:</i>	<i>Поэтические натюрморты, городские пейзажи, портреты.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Кухонный стол.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Март-апрель 1991г.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Футляр от скрипки, солнце в гранёной призме, абрикосовый пёс, провокация предлога, стихотворные геологии, полётность строк, рассеянность сюжетов. Музей стихов, галерея строчек, выставка четверостиший.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Короткие стихи на осенних кленовых листьях, летающих в неведенье своём с души поэта.</i>	

Комментарии: У Мартина очень часто включалось так называемое «кинематографическое зрение»: он видел как бы раскадровку мира. Его поражали своей «художественностью» забытые кем-то вещи: бутылка с недопитым вином, неизвестно откуда взявшийся футляр от скрипки... Он часто бывал поражён внезапно нахлынувшим дождём, вокзальной суетой или каким-нибудь необычным объявлением (объявление о пропаже пуделя с абрикосовым окрасом может не давать ему покоя неделями, пока не осядет упоминанием в какой-нибудь строке или четверостишье). А иногда он застывал под огромностью звёздного неба и долго ловил в душе своей ласковый ужас...

СТРАНИЦА КНИГИ 13/3:

1.

*Бутылка из зелёного стекла,
И в ней прозрачно-золотистый хмель...
Густое утро, терпкие слова,
Встревоженность, растерянность, апрель.*

2.

*Футляр от скрипки — немой концерт,
Да стол в обедах вчерашней жизни...
Хозяин вышел, ушёл за дверь,
Оставив солнце в гранёной призме.*

3.

*Облака. Прочитанная книга.
Вечер пятницы. Пустынный кабинет.
Я застыл в оборванности мига.
И... не знаю — был я или нет?*

4.

*Дождь...
Капли рассыпаются
На блестящем асфальте.
На душе моей тревожно и легко.*

5.

*Поддаться провокации предлога.
Уехать к иль в, иль от, иль за...
За нежность окончательного слога,
Что дарит уплывающий вокзал.*

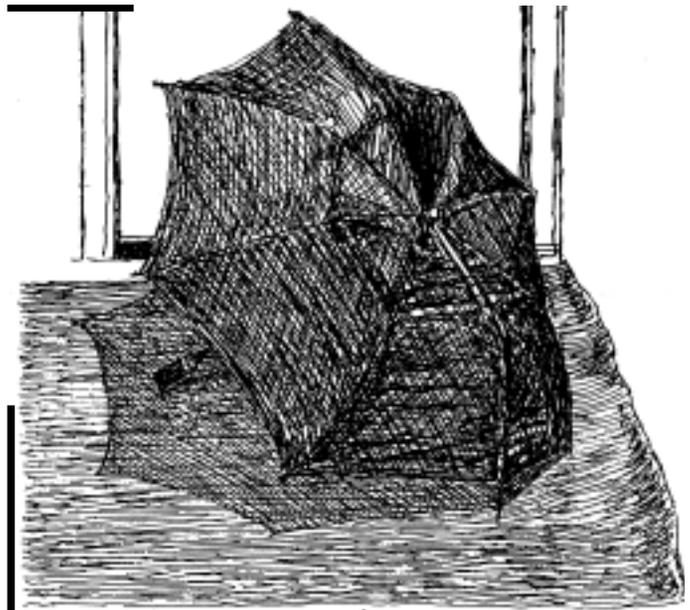
6.

*Я — как тот заплутавший пёс —
Потерялся. Окрас абрикосовый.*

*Снег следы ещё не занёс,
Но заносит, и адрес бросовый.*

7.
*Дождь, потерявший небо,
превращается в лужи.
Птица, обронившая крылья,
становится зверем.
Звезда, позабывшая свет,
обращается в камень.
Поэт, переставший писать,
всё равно остаётся Поэтом.*

8.
*Полётность строк. Рассеянность сюжетов...
Полночные блуждания наугад
Продрогшего весеннего поэта
Под звёздным небом трепетных пляяд.
Проникнув в перекрестие сознаний,
В весенний шёпот пролетающих ветров,
Он ловит пересошими губами
Вино и музыку пронзающих стихов.*

14. СТРАНИЦЫ РАЗГОВОРОВ С ДРУЗЬЯМИ

Апокрифы из архива

*Живут же на свете
глупцы, что, напившись сакэ,
хмелеют бездарно
и вместо приятных забав
лишь множат заботы свои!*

(Одзава Роан)

*Сегодня на сердце легко...
Весь вечер я пил с друзьями
Горячую мудрость сакэ!*

(Идэ Сокэйсю)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>14/1</i>	<i>Мелкий оригинал</i>
<i>Название:</i>	<i>Снег продолжается.</i>	<i>снежинки липнут</i>
<i>Автор:</i>	<i>Погарский Михаил Валентинович.</i>	<i>к шерстяным</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Нижний Новгород — Красногорск.</i>	<i>шарфам.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Март 1993 г.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Густой снег, пиво, похмелье, полустанок по жизни.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Что может произойти, если два поэта отравляются снежным похмельным ут- ром в магазине за разливным пивом.</i>	

Комментарии: Это было в марте 1993 года. Мы отмечали в Нижнем Новгороде очередную выход альманаха «Дирижабль». Отмечали, как и всегда в то время, с чувством, с толком, с расстановкой и, разумеется, с обильными возлияниями. Наутро мы проснулись в жесточайшем похмелье и мне, как всегда, несмотря на телесное недомогание было очень хорошо. Мы с моим другом Володей Плехановым (Плехом) отправились в ближайший магазин за разливным пивом. Валил какой-то потрясающе густой и весенний снег. С высокого берега Волги просматривались размытые контуры Нижнего Новгорода, а в гастрономе была тёплая суета и оживление около пивного крана...

«Снег продолжается» — это первая строка из первого стихотворения Владимира Плеханова (цикл «Времена года»). Всего в своей жизни, насколько мне известно, Володя написал четыре стихотворения (собственно цикл «Времена года»), которые опубликованы в альманахе «Дирижабль» № 2-5.

*Так не бывает. Слишком густой снег.
На берегу Волги, с видом на Невский собор,
Холодное пили пиво. Ты помнишь, Плех?
Мы пили пиво, разбавленное водой.*

*Стояли добрые люди, подсчитывали гроши.
Казалось всё нереальным. Да ещё ко всему — снег.
И с тем переполненным состоянием души
Мы как бы вышли на засыпанный белым брег...*

*Стих недостаточен, чтобы понять «ТОГДА»,
Ведь ничего и не было. Просто валил снег.
Просто у двух алкоголиков суцая ерунда
Вызывала с похмелья радостный тёплый смех.*

*А что ты сказал тогда! Помнишь, что ты сказал?
«В этой прекрасной жизни почему-то не хочется жить...»
Ну кого же нам, Господи, за этот перрон-вокзал,
Полустанок по жизни, где можно и снежно пить?!*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>14/2</i>	<i>Предрассветный</i>
<i>Название:</i>	<i>Воскресение.</i>	<i>шорох предвеща-</i>
<i>Автор:</i>	<i>Погарский Михаил Валентинович.</i>	<i>ющих странствий.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Красногорск.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Весна 1993 г.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Нулевое решение, вертикальный полёт, ма-</i>	
	<i>шины-оранж, рассветные мысли, дороги.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Как хорошо иметь запасное (пускай ну-</i>	
	<i>левое) решение.</i>	

Комментарии: Эти стихи были опубликованы в четвёртом номере альманаха «Дирижабль». Несколько позже мой друг Володя Эсинский положил их на музыку.

*Ты проснёшься порой в предрассветной сиреновой дымке
И гитары чуть слышно звенящую тронешь струну.
А торговки уже расставляют букеты на рынке,
Чтобы встретить цветами загулявшую где-то весну...*

*Ты не знаешь ещё, что подарит тебе воскресенье.
И не знаешь, кого в этот день к тебе чёрт принесёт.
Но в запасе всегда есть твоё нулевое решенье,
Тот отложенный вверх для тебя вертикальный полёт.*

*Ты уходишь за дверь, не закрыв её в два оборота,
А оставив открытой для воров и для лучших друзей,
Потому что тебе для того вертикального взлёта
Лучше вовсе не брать от квартиры тяжёлых ключей.*

*А машины-оранж поливают водой тротуары,
Чтобы были дороги, как рассветные мысли, чисты.
Ты проходишь по ним, и твоей сандалетовой пары
Остаются не видные поздним прохожим следы.*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>14/3</i>	<i>Тренировка на</i>
<i>Название:</i>	<i>Письмо самому себе.</i>	<i>стене — тропинка</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	<i>ка в дружбу жизни.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Кухня. Раскладушка. Табуретка.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Весна 1993 г.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Предел слов, вопрос «Зачем», мотив пурги.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>О пользе вычисления количества лет в одном стакане Портвейна.</i>	

Комментарии: Однажды Мартин проснулся почему-то на кухне. События вчерашнего вечера он помнил очень смутно. Стояла какая-то удивительная, неземная тишина, слышно было как шуршат в мусорном ведре тараканы, как шелестят листья на стоявшем под окном ясене, как капает вода из плохо закрытого крана. Мартину показалось, что он словно бы потерялся во времени и что вряд ли сможет ещё раз когда-нибудь попасть в это потерянное время. И тогда он написал себе письмо, запечатал его в конверт с космической маркой и отправил на свой собственный адрес. Почта как всегда сработала исправно.

Если спросить Мартина: «О чём это письмо?», он, пожалуй бы, затруднился с ответом. «Так, знаете ли, слова струились, рука водила, строчки складывались... да и так ли уж это важно «О чём?», гораздо важнее «Зачем?»

СТРАНИЦА КНИГИ 14/3:

*Проснуться, не зная, когда уснул.
Пить чай на прокуренной кухне.
Есть чайник и чашка, и стол, и стул.
А время пускай уж рухнет...*

*Пишу немного.
Пять или восемь строчек за год.
Но тому, кто познал вечность,
Смешно говорить о пределе слов.
Тому, кто познал вечность...*

*Познавшему вечность смешно,
Смешно говорить о времени.
Смешно вычислять количество лет
В одном стакане портвейнного.*

*Может быть, будет, а может, нет
Строчка на дне стакана.
Но всё равно остаётся след
В седом направлении Свана.*

*Потерявшему время приходится иногда
Отвечать на вопрос «Зачем?»
А в душе всё те же курьерские поезда
Прорывают разумный тлен.*

*Сегодня пятница, а возможно, ещё среда,
Но великой разницы нет.
Ежедневно, по графику, поезда
На тот отправляются свет.*

*Вы вышли, вечные сторожа,
Не зная ещё, куда.
И звуки всё те же в душе дрожат,
Свивая в стихи года.*

*И музыки горних запретных сфер
Развинченные круги
Смывают своды затёртых Вер
Под старый мотив пурги.*

15. СТРАНИЦЫ ПРИБЛИЖЕНИЯ К ЛЮБВИ

Апокрифы из архива

*Пришлось разлучиться нам,
Но образ её нигде, никогда
Я позабыть не смогу.
Она оставила мне луну
Стражем воспоминаний.*

(Сайгё)

Каталожная карточка:	15/1	<i>Отражение в зеркалах — не узнаю.</i>
Название:	<i>Неотправленное письмо.</i>	
Автор:	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
Место издания:	<i>Письменный стол.</i>	
Время издания:	<i>Раннее утро 21 июня 1987 года.</i>	
Ключевые слова:	<i>Зеркало, Бетховен, обманное счастье.</i>	
Аннотация:	<i>Попытка и отправить и не отправить письмо одновременно.</i>	

Комментарии: В то лето Мартин остался дома один. Элен вместе с сыном гостила у бабушки. Что-то такое сдвинулось в его душе. Тут была не психологическая, но скорее какая-то геологическая жажда любви. Видимо, между ним и Элен пробежала какая-то трещинка. И эту трещинку заполняли сложные, иногда доходящие до абсурда отношения с другими женщинами.

У Элен была сестра Марина, которая всегда восхищалась Мартином, но скорее не как мужчиной, но как художником, мыслителем и поэтом. А в это лето они вдруг ощутили взаимное влечение, готовое вот-вот разразиться бурным романом, и вдруг в самую последнюю минуту, после долгой разгульной ночи, когда до осваивающего финала гжучей страсти оставался один маленький шаг... Мартин вдруг не захотел сделать его. Быть может, сыграло роль, что это была её сестра, хотя какое это имеет значение? Не ясно. Ясно одно: после той ночи он написал к ней письмо в стихах. Неотправленное письмо. Мартину хотелось, чтобы адресат прочёл это письмо, не зная, что оно обращено к нему, из случайной книги (если оно попадёт в книгу). И вот письмо это наконец-то попало в книгу, но прочла ли его она? Узнала ли?

СТРАНИЦА КНИГИ 15/1:

*Порочный и честолюбивый,
Я принесу тебе несчастье.*

(М. Погарский)

*После трёхдневной пьянки,
Дождливым летом,
Я говорил бессмысленно красивые речи.*

*Я витией парил над разумным бредом.
Я врезался в чёрные облака,*

*Я стряхивал пепел с гаванской сигары
На дождь, царивший в душе и в мире.
Я разбивал отвердевшие рамки,
Сворачивал мир, выжимал, как тряпку.
Рвал бесконечность на два нуля.
Открывал невозможно-нелепую сущность.
И смеялся... Смеялся над трезвым абсурдом.*

*Да, наверное, я был красив
В этом пьяном запале, уходя за пределы.
Но ты знаешь, это просто ведь от бессилья.
Это просто щит от страха перед своей ошибкой...*

*Мы сидели с тобой, и звучал Бетховен.
Мы сидели, склонившись и обнявшись нелепо.
Крутилась пластинка с каким-то дешёвым шлягером,
Не знаю, что там могло крутиться,
Но те звуки терялись где-то не дальше шкафа.
Это уж точно... Ведь до нас доходили другие.
До нас, как ни странно, доходить мог один Бетховен.
Впрочем, пожалуй, ещё рассвет.
Тот рассвет с покрывалом изменчивых красок.
Когда серебро, уходящее в паль,
Дарит радость непониманья...*

*Я не хотел целовать тебя, но всё же поцеловал.
Это было ошибкой, это снова воздвигло стену.
Хорошо хоть, что я всё же влез на неё
И бросился вниз, не оставив тебе даже тоненького
каната.
А только зеркало..., зеркало моих призрачных небылиц.
И десяток строк (как это ни пошло) на долгую память...*

*Я ушёл, поверь, не потому, что не смог любить.
И совсем уж не потому, что давно люблю.
Я ушёл по привычке,
По дурацкой привычке всегда уходить.
Всегда уходить...*

*Это было обманное счастье.
Счастье Онегина, с его идиотским уроком...
И голова так находчиво разболелась наутро.
На похмельное утро после бессонно-дождливой ночи.
Конечно, я был далеко не тот,
Возвигающий башни и летящий в пропасть.*

*Скорее старый потёртый кот,
Тянущий пиво...*

*Так и растались: ты уехала на чужой машине,
А я возвратился к своим бутылкам.
К важнейшим делам, связанным с расписанием пули...
Посмотрел телевизор, прочёл норму газет за год.
Даже вымыл посуду...*

Но что-то гложет.

*И вот я пишу Вам это письмо.
Возможно, что Вы его никогда не прочтёте.
А может быть, оно выйдет на Вас из случайной книги.
В анонимных чужих типографских красках...
И вы тогда, наверное, улыбнётесь случайной музой
И, быть может, взглянете в зеркало,
Где когда-то без Вашего разрешения
В пьяный вечер осталась моя непутёвая тень...*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>15/2</i>
<i>Название:</i>	<i>Июльская весна.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У .</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Круглый стол. Веранда.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Июль 1987 года.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Бессонница. Ливни за окном. Импровизатор ветра и огня. Время, скрученное в стихи.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Всего лишь несколько робких стихов, рождённых любовью.</i>

Комментарии: Несколько позже несостоявшегося романа Мартина и Марины у него, как бы в возмещение ущерба, закрутился безумный роман с её подружкой. Мартин жил в какой-то любовной лихорадке. Вся жизнь сузилась до одного человека, и весь мир расширился до неистовой страсти. Иногда они были вынуждены расставаться, у Сони, так звали подружку, были какие-то дела, какие-то обстоятельства... И тогда Мартин писал стихи. Это было нечто прорвавшееся, накопившееся за эти годы. Настоящее. Позже он озаглавил этот цикл «Июльская весна», а жанр к нему определил как бессонницу в стихах.

СТРАНИЦА КНИГИ 15/2:

*Опять бессонницей томим,
Пытался раствориться в строчке.
И строгость рифмы нарушая,
Ту строчку рифмовал с дождём,*

*Который, каплями сверкая,
Крошился в мареве ночном.*

*Свет фонаря, немного водки,
Да пачка чёрных сигарет.
И, как дыхание, короткий,
Любимой женщине сонет.*

*Мои горячие долгие ночи июля...
В которых грёзы перемешаны со сном,
В которых время чувствуешь губами,
В которых сумасшедшими стихами
Я истекаю...
Ливни за окном
И странные блуждающие звуки...
И эти хрупкие воздушные виденья
Переплавляются в строке стихотворенья
И обжигают сердце летним льдом.*

*Переворачиваю этот трёхмерный мир.
Добавляю ему ещё два измерения
И сам с собой играю в режиссёра...*

*Я выдумал причудливую пьесу,
А эта пьеса вдруг придумала меня.
Она сказала: «Ты — импровизатор,
Импровизатор ветра и огня».*

*Гореть навзрыд, пускать себя по ветру,
Крошиться в пыль из собственных стихов.
Какому сумасшедшему поэту
Такой сюжет привидеться бы мог?..*

*Но я живу, и новые страницы
Так неожиданно и девственно белы,
И, может, я лишь воплощаю сны,
А может быть, всё это только снится...*

*Несколько дней вина с дождём
Могут свести с ума.*

*Семь дней рас-творенья в вине и дожде
Жизнь превращают в сон...*

*Солнечная галлюцинация.
Девушка, пришедшая ниоткуда,
С глазами, полными облаков.*

*Кругом разбросанные бутылки.
Тихий кларнет прорезает ночь.
Глоток янтарного ликёра...
И это время, скрученное в стихи...*

*Что происходит? Почему наступает утро?
Неужели же кто-то до сих пор его может дарить?*

*Даже просто
Встретить ещё одно утро...
Лишь ради этого
Стоит сорваться с рельсов
Ровной выглаженной дороги,
Ведущей в Вечность...*

*Этот ветер
И тёплые нежные губы.
Это утро,
Вернувшее школьную юность.
И твоя неземная
Нездешняя сказка
О заброшенном счастье,
Лежащем так близко...
Нужно только
Подставить ему ладони,
Нужно лишь разглядеть
Золотое сиянье
И уйти, задыхаясь,
В незнакомое утро,
Где за серым туманом
Чуть заметное солнце
И где кончилось время
На миг или вечность...*

*Этот бархатный тёплый июльский ветер...
Эти ночи в косую линейку дождя...*

*Что ложатся стихами, умерев на рассвете,
Утонув в моём тихом заоблачном Я,
Этот мир, где вверх дном перепуталось время,
Где за утром опять наступает рассвет,
Что был встречен глотком шоколадного крема
И докуренной пачкой дорогих сигарет.*

*И исписанный лист со стихами о бездне,
Что таит в себе взгляд из озёрной волны.
Этот взлёт, что уже никогда не исчезнет,
И дурманящий ветер июльской весны...*

Каталожная карточка:

15/3

*Под стёкла колёс ко
мне прихожу я.*

Название:

Встреча с солнышком.

Автор:

Мартин Михайлович У.

Место издания:

Вагон. Дорога.

Время издания:

Рождество 1988 года.

Ключевые слова:

Промёрзлый тамбур, песенка, вечность.

Аннотация:

*В настоящей любви всегда есть что-то
детское.*

Комментарии: Рождество 1988 года выдалось для Мартина бурным и продолжительным. И вот, обессиленный от навалившегося отдыха, он решил поехать на несколько дней к своей ненаглядной Элен, гостившей у матери. Мартин поставил свой автопилот курсом на купейную полку, чтобы добраться и упасть, а там будь что будет... А было вот что: добравшись до полки он упал не сразу, а решил для начала перекурить. И вот, выходя в тамбур, Мартин увидел вдруг в последнем купе удивительно красивую девушку, читающую какую-то газету. Видимо, она краем глаза тоже увидела Мартина и вышла в тамбур. Разговор завязался сам собой и продлился всю ночь. Мартину нужно было выходить раньше, а ей позже. У неё не было телефона. И он около месяца, как помешанный, ждал от неё звонка. А потом был удивительно нежный и лёгкий роман. Мартин называл её Солнышком.

Эти стихи, при кажущейся своей наивности и простоте, прекрасно характеризуют Мартина со стороны его нетронутой детскости и светлой ребячливости. И без этой страницы образ Мартина значительно потускнел бы.

СТРАНИЦА КНИГИ 15/3

ПОСВЯЩАЕТСЯ СОЛНЫШКУ

*Сидела девочка в купе,
Читала там газету.
Вдруг вышел мальчик, подшофе,
И вынул сигарету.
В промёрзлом тамбуре они
Стояли и курили.
Оставшись средь людей одни,*

*Всю ночь проговорили.
Немного раньше вышел он,
А девочка умчалась.
Исчез прокуренный вагон.
Но песенка осталась.
«Свети нам, Солнышко, свети!
Когда ты рядом с нами,
Выходят песни и стихи
Само собою сами.
От нас за тучи-облака
Не уходи, не надо —
С тобою долгие века
Не станут нам преградой.
С тобою вечность коротка,
Секунда дольше года,
С тобою детская строка
Важней законов свода.
Послушай песенку мою:
Свети с утра до ночи!
Я для тебя её пою.
Читай, когда захочешь...»*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>15/4</i>	<i>Любимый, но кого же?</i>
<i>Название:</i>	<i>Любовь сумасшедшего Бога.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Элеонора Михайловна У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Между небом и землёй.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Между вечностью и мгновением.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Полутьянный бог, детская беспечность, одинокий пёс.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Любовь никогда не бывает без смерти, но это прекрасней, чем смерть без любви.</i>	

Комментарии, или Короткий текст о Любви

*Жизнь — всего лишь повод для Любви...
И её заснеженные слог
Оставляют на моей груди
Складки стихотворных геологий.*

Любовь... Что о ней можно сказать? Ничего. Абсолютно ничего нельзя сказать о Любви. Тот, кто хоть как-то смог приблизиться к Любви, никогда не произнесёт о ней ни единого слова, если только он не враль и не наглец... Конечно, я враль, и конечно же, я наглец, и конечно же, я начну говорить о ней, не веря сам себе и презирая свои жалкие попытки.

О Любви ничего нельзя сказать, если это действительно Любовь. Любая попытка объясниться словами грозит обратиться в ничтожную пошлость. Слова не предназначены...

И чем сильнее и глубже чувство, тем меньше слов, не носящих налёта пошлости. Истинная Любовь отражена лишь в молчании.

Я не верю, что Пушкин испытывал глубокое чувство к своему «гению чистой красоты». Для меня этот стих всего лишь способ потревожить «сердца кокеток записных», не более. И гораздо честнее его грубая фраза в письме к своему другу о той самой Анне Петровне Керн, «которую он на прошлой неделе с божьей помощью уё...» Я не утверждаю, что Пушкин не был в неё влюблён. Нет. Я только говорю о своём неверии, о своём непопадании в плоскость звучания стиха, в коллинеарность состояний... И либо это стихи для записной кокетки, либо я моральный урод, выброшенный за пределы понимания настоящих чувств (последнее, разумеется, более вероятно). Хотя, конечно, между нами барьер более чем в полтораста лет, и слова тогда были нагружены совсем другим напряжением, и, возможно, барьер непонимания — это всего-навсего барьер времени. Но, однако, никакое время не может изменить изначальные намерения, а намерение здесь как раз и носит налёт пошлости. А уж изучение этого стихотворения в школах, как образца любовной лирики, — это просто какой-то предел пошлости.

О любви, смею вас уверить, не сложено ни одной песни, кроме белого молчания. И, наверное, лучшей попыткой художественного описания любви следует считать рассказ старого Митрича из поэмы Ерофеева Москва-Петушки про председателя Лоэнгринга, который выдавливал чирья и пысал на пол... Я имею в виду о Любви одного человека к другому. (О любви, как абстракции, сказано довольно много и отнюдь не пошло. Но речь в этом случае всегда шла не о самой Любви, но лишь о предчувствии Любви, о Великой и бесконечной тоске и жажде Любви, но не о переживаниях, связанных с любовью.)

И, разумеется, три последние строчки эпитафии к этой аннотации насквозь лживы, если местоимение «Её» относится к Любви, и, может быть, не очень уж лживы, если «Её» относится к жизни.

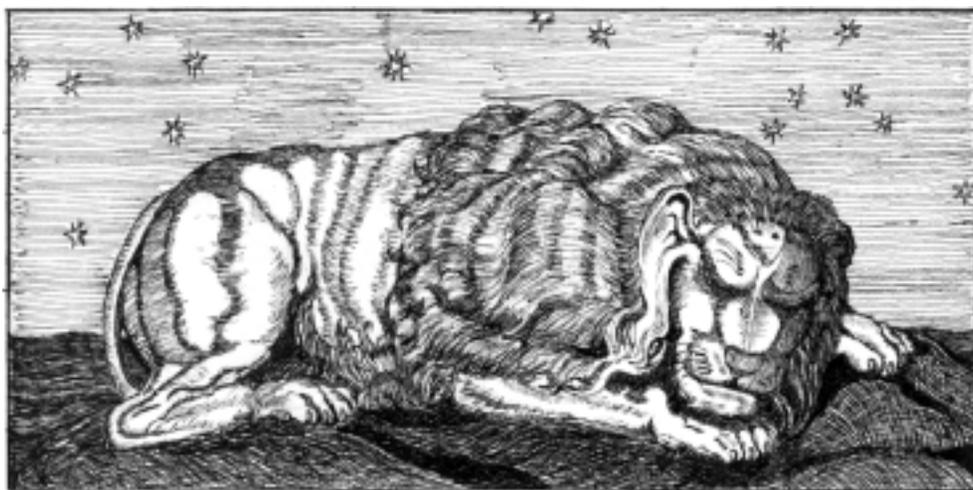
Сделав вступление о невозможности создания текста про настоящую Любовь к осязаемой или воображаемой женщине, можно смело приступить к разрешению этой, как уже сказано, невозможной задачи. Понятное дело, я не возьмусь за сочинение дифирамбов, понятное дело, я ни скажу ни слова ни о Её внешности, ни о Её красоте, ни о Её душе, ни о чём хотя бы как-то приближающимся к ней не будет сказано ни единого слова. И, скорее всего, я напишу о снеге за окном, о Луне в ночном небе, об искринках, соединяющих луну и снег, о полёте снегиря сквозь январь, о...

Да мало ли прекрасных поводов для того, чтобы излить свою душу под давлением Любви! Теперь мне уже всё равно, я становлюсь отчаянно глупым, сентиментальным и нежным. Потерявшим меру вкуса и бормочущим стихи о Прекрасной даме. Или... вспомнившим легенду о Боге, променявшим бессмертие на Любовь. Ту легенду, которую мне когда-то рассказала удивительно взволнованная Элен.

*В белый омут сладостных тревог,
Променяв бессмертие на счастье,
В Мир спустился полупьяный Бог,
Чтобы утонуть в безумной страсти...*

*Сбросив груз божественных забот,
Опустившись в детскую беспечность,
Он, как щедрый беззаботный мот,
Отпускал дарованную вечность...*

*А она смотрела из-под слёз
На безумства милого ей Бога,
И Любовь, как одинокий пёс,
Жалобно скулила у порога...*

16. СТРАНИЦЫ СТРАННЫХ СТРАНСТВИЙ

Апокрифы из архива

*Вот такую-то жизнь
без забот, без тревог, без печалей,
в окружении гор —
и могу я назвать, пожалуй,
жизнью, не обделённой счастьем...*

* * *

*Деревья и травы
мне шепчут о чём-то своём —
и лепет неясный
пробуждает в глубине сердца
потайные, заветные думы...*

(Кагава Кагэки)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>16/1</i>	<i>Говорят, что в</i>
<i>Название:</i>	<i>Кокуш-кая.</i>	<i>Англии одно из</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	<i>наиболее изыскан-</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Черноморское побережье Крыма.</i>	<i>ных хобби — на-</i>
<i>Время издания:</i>	<i>Лисья бухта.</i>	<i>блюденные птицы</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Сентябрь 1991 года.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Эвксинский Понт, подкаменные стихи, об-</i>	
	<i>лаковая влага, камнегрудое эхо, бродячий</i>	
	<i>волхв, наскальная поэма.</i>	
	<i>Воссоздание истории названия.</i>	

Комментарии: В сентябре 1991 года Мартин бродяжничал по осеннему Крыму. Он ночевал в горных гротах и пещерах, пил из родников, воровал колхозные овощи и виноград. Ловил черноморских бычков и крабов, а ещё писал. Там, на берегах солнечной Тавриды, между портвейном и коньяком он написал цикл небольших поэм-легенд «Эчки-Даг». Первая легенда посвящена скале Кокуш-Кая, что в переводе с тюркского обозначает «Скала голубых птиц». В текстах сохранена орфография автора, в словах «желтый», «шопот» и «тысчеглавый».

СТРАНИЦА КНИГИ 16/1:

*Седая осень тихо остывала восточным бризом.
Эвксинский понт у берегов Эдема
Был тих.
Лишь крики чаек
Нарушали
Это
осеннее безмолвие души.
Морщинились угрюмые бедленды.*

На мелкой ряби жолтого песка
Искрились капли крымских самоцветов.
И где-то в тонкой дымке облаков
Дежурил молчаливый Эчки-Даг.
Но, впрочем., тем ранним утром
Эчки-Даг звучал...
На серебристо-синеватом склоне
Скалы Кокуш, где жили
Давным-когда-то голубые птицы,
Какой-то человек неспешно выбивал
Помеченные ритмом письма...
Возможно, это был языческий поэт
Иль юный волхв, плутающий по свету,
А может быть, пещерный человек,
Живущий тут же, в раковине Уха
Самой Земли...
Рисунок слов; Игра теней и солнца;
Мелодия подкаменных стихов;
И капли свежесей облаковой влаги —
Казалось, перепутали пространство
И развернули призрачное время.
Ваятель текста углубился в запятую,
Вложив в неё шестьсот ударов сердца,
И сделал так,
Что вдохновенный стих
На этом месте плавно западал
В природное ущелье
И в нём дробился камнегрудым эхом...
Дослушав визуальное биенье
Обломков строк и препинанье сколов,
Усталый киммерийский камнерез
Присел в расщелину.

Над ним дышало небо.

Он вынул флейту и на ней сыграл
Одну-две ноты. Предоставив ветру
Развить в симфонию намеченную фразу.
С осенних поэтических вершин
Спускался вечер...
Небольшой костёр
Из можжевельников и буковых полешков.
Неспешный ужин: рыба и вино.
Над морем восходящая Венера.
И одинокий горный миннезингер,
Поющий гимн над сумеречным небом,
А может быть, творящий заклинанье
Бродячий волхв... Об этом неизвестно.
По-южному густела темнота,

Стирая гор причудливые грани.
И вдруг...
На склоне заискрились письма
Каким-то странным бирюзовым светом...
Возможно, что языческий поэт
К ним подобрал какой-то точный угол,
Чтоб отражать далёкий звёздный свет.
Но это вряд ли, более похоже на то,
Что он
Их обработал фосфором и кровью...
На свет стихов из тьмы слетелись мошки
И облепили гордые слова
Тысячекрылой, тысячглавой сетью.
А вслед за мошками
Ворвались сотни птиц.
И сотни приоткрытых птичьих клювов
В невежестве своём кромсали надпись...
И в фейерверке искр те птицы
Действительно казались голубыми...
Кусочки искалеченных стихов
На их крылах, сверкая, оседали.
Другие рассыпались по ущелью
Тем самым молчаливо-ярким эхом,
И музыка, заученная утром,
Витала с ветром над изрубленной поэмой.
Всю ночь мерцало стихопредставленье.
А на рассвете выпал первый иней.
И остудил горящие слова.
Вернее, их следы. Поскольку птицы
В слепом безумии всё начисто разбили...
Наскальная поэма умерла.
Или, точнее,
Рассыпалась на тысячи фрагментов...
И
Продолжает жить:
На крыльях диких птиц;
В ущельях скал и в каплях самоцветов;
В протяжной музыке тоскующего ветра;
И в тихом шопоте кочующих легенд.

Каталожная карточка:	16/2	А что там в глубине?
Название:	Ухо Земли.	
Автор:	Мартин Михайлович У.	
Место издания:	Черноморское побережье Крыма. Лисья бухта.	
Время издания:	Сентябрь 1991 года.	
Ключевые слова:	Теллурическая точка, ветреная вея, каменные нервы, родниковый выход. Горные мастера.	
Аннотация:	Кто знает, что таится в заброшенных старых пещерах?	

Комментарии: Вторая поэма цикла «Эчки-Даг» посвящена пещере Ухо Земли, уходящей в глубь скал на 138 метров. Вход в эту пещеру найти очень трудно, потому что он скрыт в густых зарослях.

СТРАНИЦА КНИГИ 16/2:

- Под зарослями буковых деревьев,
 Под свитком проносящихся ветров,
 Под глубиной лазоревого неба
 Таилась
 Узкая расщелина...
 Непосвящённый, глядя на неё,
 Подумал бы,
 Что это просто трещина в скале,
 Обычная расселина, не больше.
 Однако в этом неприметном месте
 Скрывалась теллурическая точка.
 Сюда стекались каменные нервы
 И слуховые щупальца Земли.
 Здесь находился родниковый выход
 Из тайных недр на ветреную вею...
 Через него
 Земля внимала звуковым потокам
 И,
 Постигнув то, что происходит на коре,
 Распределяла соответственно тепло...
- Как правило,
 Случайные туристы
 Отсюда почему-то уходили.
 Какой-то холод или духота
 На них давили, разжигая душу...
 Но вот однажды
 Одинокий путник
 Разбил бивак у каменного уха,
 И более того, не задыхался
 И не дрожал,

Но пил свою мадеру,
Курил недорогие сигареты,
Писал стихи, пел песни, танцевал.
Потом зажёг огонь
И приготовил ужин:
Суп из пакетов и грузинский чай,
Горбушка хлеба и головка лука...
Отужинав, зачем-то слушал небо...
И, как ни странно,
Но
Земля в нём не увидела врага.
Бродяга и обшарпанный поэт
Ей показался вдруг родным и близким,
И она,
О сумасбродная беспечная старушка,
На миг раскрыла раковину входа
И пригласила путника войти...
Другой бы убежал и испугался,
А этот — нет.
Он взял свою котомку
И неспеша отправился в глубины
На гулкий, еле слышимый постук
Каких-то молоточков.

Свет редел.
Но дальше как бы снова расширялся...
И где-то через тысячу шагов
Вдруг выстроились своды
Щербатого, но ласкового зала,
В котором колдовали старики,
С седыми до коленей бородами.
Они —
Ваяли полую скульптуру
ЗЕМНОГО БОГА.

3.

К ним подойдя, бродяга поклонился
И предложил хозяевам мадеры,
Отборнейшей, из Солнечной долины,
Настоенной в скитаньях по горам...
И старики оставили работу.
Уселись в круг, по кругу и пустили
Пластмассовый сосуд с таинственным напитком.
В их заскорузлых старческих руках
Бутылка выглядела маленькой игрушкой.
Да, видимо, она ей и была.
Потом они курили трубку мира,
Потом о чём-то очень весело смеялись
И пели песни горных мастеров.

*Уже который год мы лепим Бога
Внутри Земли из каменных пустот.
Сверкает наша горная берлога
И тает в глубину за годом год.*

*От наших молотков уходят токи
Подземных теллурических ручьёв.
И пусть мы по размерам невысоки,
Мы властелины каменных основ.*

4.

*А что бродяга? Вышедши на волю,
Соорудив дурацкий дельтаплан,
Он воспарил над суетой и морем,
Бунтуя облаковый океан.*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>16/3</i>	<i>Зависая над ми-</i>
<i>Название:</i>	<i>Кара-Оба.</i>	<i>ром.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Мартин Михайлович У.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Черноморское побережье Крыма.</i>	
	<i>Лисья бухта.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Сентябрь 1991 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Море, солнце, ветер, горы, трава.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Слова на краю Земли.</i>	

Комментарии: Третья поэма цикла «Эчки-Даг» посвящена горе Кара-Оба, самой высокой на хребте .

1.

*Кара-Оба — это точка подвеса,
Точка мифологической панорамы,
Точка соединения ветров.
Это каменный выдох Земли,
Её предначертанный центр,
Реально осуществлённый край...*

2.

*Когда-то здесь жил отшельник,
Здесь, на краю Земли, он выстроил
Шалаши из травы,
Питался терпкими, ещё не прирученными грушами,
А иногда спускался к морю
За мидиями.
Перламутровая горка скорлупы
Переместила вершину
Почти на метр.*

3.

*Отшельник был дик и язычен.
Он всегда доверял ветру
И почти никогда Богу.
Он ещё помнил немного слов,
И иногда,
Чтобы уж совсем не одичать,
Он выкрикивал их в пространство.*

*Если хорошо прислушаться,
То можно угадать
Окаменевшие обломки этих звуков:
МОРЕ, СОЛНЦЕ, ВЕТЕР, ГОРЫ, ТРАВА.*

17. СТРАНИЦЫ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ БЛУЖДАНИЙ

Апокрифы из архива

*«Всё сущее — явь,
не-сущее — сон, наваждение!»
Так думаем мы,
забывая, что жизнь в этом мире
есть всего лишь жизнь в этом мире...
(Кагава Кагэки)*

*Что мне далёкий край?
Что мне Восток или Запад?
За чашкой простого сакэ
Я из беседки свершил
Тысячи дальних странствий.
(Идэ Сокэйсю)*

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>17/1</i>	<i>Загляни в себя, только словари не использайся.</i>
<i>Название:</i>	<i>Путешествие в Шамбалу.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Погарский Михаил Валентинович.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Город Красногорск.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Весна 1994 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Нетронутый день, холм, продолжение тумана, полдневная звезда, каприсы Паганини, потеря времени, переполох пространства, точка перегиба, мистические причалы, таверна, дирижабль, незнакомка, социум меж духом и дерьмом, тайна.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Поиски таинственной Шамбалы.</i>	

Комментарии: События, описанные на этих страницах, происходят в стекляншке города Красногорска, которая в просторечье именовалась «Малой землёй». Автор любил это таинственное место на холме среди вековых сосен и частенько захаживал туда выпить кружечку пива и послушать колоритные разговоры. К сожалению, буквально через несколько дней после написания поэмы пивнушка закрылась и с тех пор уже больше не открывалась. Автор опубликовал «Путешествие в Шамбалу» в литературном журнале «Соло» № 18 за 1997 год. После публикации он получил множество любопытных откликов и замечаний. На одно из этих замечаний он посчитал нужным ответить.

Друг автора математик Александр Дудоров, прочитав поэму, тут же стал что-то такое подсчитывать и прикидывать. После недолгих расчётов и вычислений он вынес свой безоговорочный вердикт: «Нестыковка». «Что нестыковка?» — не понял автор. «Он у тебя заказал пива две дюжины, а когда вошли девушка со стариком, допивал шестую, а когда к ним пошёл, то оставил семнадцать. Нестыковка». «Но помилуйте, Саша, он взял одну кружку и с ней пошёл. А как же иначе?» «Иначе никак, но у тебя об этом нигде не написано». Так вот, теперь написано: **Герой пошёл за соседний столик, прихватив с собой одну кружку пива.**

Вторую шероховатость в своей поэме автор обнаружил сам. Дело в том, что к моменту написания «Путешествия» автор знал о Шамбале только из книг и ни разу не слышал, как это слово произносится. Поэтому он поставил ударение в нём по-русски — на второй слог, тогда как правильно — на первый. Но потом автор подумал, что его Шамба`ла во многом отлична от ша`мбалы из восточных учений. И возможно, что ошибка, которую он совершил, дарована ему свыше.

Кстати говоря, дама с вуалью и старик в канотье из этой поэмы вполне могли бы быть Гермогеном и Элен.

СТРАНИЦА КНИГИ 17/1:

*Стояло утро. Именно стояло...
Вчерашний зной
Ещё томился в чердаках,
Тогда как над рекой
Туман клубился.
В его непрочных зыбких очертаньях
Дрожала будущность нетронутого дня.
Казалось, воздух был наполнен ожиданьем
Какой-то встречи...*

*Ласковое утро — метафора на прожитую жизнь.
На нашу жизнь, отложенную в завтра...*

*Какого дьявола?! Я изломаю вязь
Намеченного задолго сегодня.
Сорву десятки деловых свиданий
И умоваю к чёрту на рога...
А для начала загляну на холм,
В пивнушке на холме всегда царит случайность...*

*Глоток холодного разбавленного пива,
Что может лучше быть в начале путешествий?*

*Припрятанные деньги на костюм
Я заплачу за продолжение тумана.
И летний зной отступит нанемного,
И мне откроется полдневная звезда...*

*В пивнушке допотопный патефон
Ломал обыденность каприсом Паганини
И заспиртованные заживо сердца
Заблудших монстров трепетно внимали
Далёкому бунтующему зову...*

*Двойная дюжина прославленных каприсов.
Двойная дюжина ещё не выпитого пива...
Потеря времени... Переполох пространства...
Зачатие поэм и приключений...
Чуть слышное предчувствие любви...*

*Убогая пивнушка на холме
Предстала в жизни точкой перегиба.
И я в импровизации событий
Ушёл из выпуклого круга бытия...*

*Всего две дюжины мистических причалов
Разбросаны по контуру Земли.
От них один раз в год воздушные фрегаты
Увозят ищущих в желанную Шамбалу,
Где постигается седая пустота
И где нисходит в душу просветленье...
Там происходит перекося сознания
И изначально скрытые стихи
Звучат сквозь чистый не вечерний свет...*

*Двенадцать гаваней затеряны в Тибете,
Четыре в Африке, четыре в Антарктиде,
Ещё одна закручена в Мальстреме,
И две среди Бермудских островов.
А о последней гавани ни слова
Не сказано в мистических скрижалях.*

*Я допивал шестую кружку пива,
Когда вошли они —
Седой старик в песочном канотье
И дама с фиолетовой вуалью.
Старик купил копчёную салаку,
Две пинты пива, бородинский хлеб
И пачку беломорских папирос.*

*У северо-восточного окна
Они расположились.*

*Преодолев в себе поток смущенья,
Я подошёл к ним, на столе оставив
Придурковатый ряд в семнадцать кружесек...
Насочиняв, что я, мол, собиратель
Старинных анекдотов и легенд,*

*Я попросил их, если им не трудно,
Пополнить чем-нибудь мой вычурный гербарий.*

*«Извольте, сударь, я Вам расскажу
Одну параболу об этом самом месте,
В котором вы позавтракали пивом.*

*Давным-давно на этом вот холме
Стояла не убогая стекляшка,
А двухэтажный основательный трактир,
Что назывался по-приморскому — таверна.
Его хозяин, бывший капитан,
Имел весьма сомнительную славу:
Судачили, что он морской грабитель,
Контрабандист, джентльмен с большой дороги,
Что он скупает краденые вещи
И прячет убежавших каторжан.
Он был неряшлив, стар и некрасив.
Но у него, у чистокровного злодея,
Была пронзительно красивая жена,
А может, падчерица, точно неизвестно.
И, видно, только ей благодаря,
Ходили колоброды-вытивохи
В на редкость подозрительный трактир...
И вот однажды там была попойка —
Гуляли бесшабашные цыгане,
Что промышляли по деревьям конокрадством.*

*Всю ночь курился шабаш на холме.
А утром почитатели похмелья
Нашли в трактире только пустоту.
Исчез трактирщик, юная хозяйка,
Цыгане и пропойца Евдоким,
Уснувший с вечера на старой оттоманке.*

*Предполагали, что случилась драка,
В пылу которой был убит хозяин.
А девушку цыгане увезли, чтоб замести
Все отголоски преступленья...
Но вот... куда девался Евдоким?
Быть может, и его они убили?
На всякий случай — всё-таки свидетель...
И вот что странно: почему они
Не захватили баснословного богатства
Из сундуков, набитых до отказа?..*

*Мне эта тайна не даёт покоя
Уже почти седьмой десяток лет...*

*Трактир сгорел, построили стекляшку.
Но я сюда всё время захожу
Поесть салаки с бородинским хлебом
И, выпив пива, погадать о смысле
Трагедии давно минувших дней.
И знаете, к чему же я пришёл
По истечение долгих размышлений?..
Здесь, на холме, — мистическая точка.
Утраченный последний вход в Шамбалу,
Откуда раз в году уходят дирижабли,
Беря на борт стоящих на Пути».*

*«Не слушайте отца, он сумасшедший, —
Шепнула мне очаровательная леди,
На миг откинув лёгкую вуаль. —
Он помешался на Тибетских книгах
И каждый день таскается на холм
В надежде, что прибудет Дирижабль,
Дающий рейсы из пивной в Шамбалу.
Он сторожем хотел устроиться сюда.
Но кто же сумасшедшему доверит
Оберегать сию бесценную пивную?»
«А Вы не думали, что, может быть, он прав?
И здесь действительно таинственное место?» —
«О Боже, сумасшествие заразно.
Он заразил им многих забулдыг.
И те по целым дням не просыхают,
За пивом ожидая приглашенья
Для отправления в желанную Шамбалу».*

*Я огляделся. Странные созданья
Нашли приют в замызанной пивной.
Опять же патефон, и Паганини...
И разговоры... Стоит лишь послушать,
О чём беседуют все эти алкаши...
Хотя бы тот мужик, в прожжённой робе,
С окурком «Беломора» на губе,
Пытается соседу доказать,
Что время для людей не существует,
Оно — лишь миф, параметр удобства
Для описания физических химер...
А вот другой в мышинной кацавейке,
Он говорит сейчас, по меньшей мере,
О философском месте бытия*

*И связи с ним нетленного сознания.
Медлительно потягивая пиво,*

Он объясняет другу своему,
Что мы, мол, пограничные создания,
Тончайший социум меж духом и дерьмом
И путешествие в пространстве пониманья —
Есть только выход за физический закон...
Здесь мудрствуют о Логосе и Вере,
Трактуют живопись Иеронима Босха,
Насвистывают музыку Вивальди.
И слышатся цитаты из Петрарки
На чистом флорентийском языке.

Тянулся день, спрессованный в эпоху,
И, допивая свой последний литр,
Я понял вдруг ошибку старика
И всех, кто ожидает Дирижабль.
Не их увозит облачный фрегат,
Но доставляет к ним саму Шамбалу
На светлый пир души и интеллекта
К мелодиям Николо Паганини...

Каталожная карточка:	17/2	Слова происходящие
Название:	Странная книга.	из букв, книги —
Авторы:	Погарский Михаил Валентинович,	из слов, люди —
Мишле Гермоген Михайлович.		из книг, буквы —
Место издания:	Кострома. Волжский пароход.	от людей.
	Красногорск. Поезд, уходящий на восток.	
Время издания:	1993-1999 гг.	
Ключевые слова:	Подземельный переход, оборванные нити, кукловод, Пьеро, Мадерный джин, Хозяин пива, весенний ангел, вальетное соитие, сак- сонский лорд, катастрофа, воздушный На- утилус, воздушная Антарктида, шут.	
Аннотация:	Что происходит, когда персонажи выхо- дят из-под контроля, когда куклы ухо- дят из театра, а авторы превращаются в персонажей.	

Комментарии: Летом 1996 года мы путешествовали с художником Евгением Стрелковым на пароходе по верхней Волге. Останавливались, в частности, в Костроме, и там-то, в торговых рядах я приобрёл одну загадочную книгу, честно говоря, случайно, поскольку перепутал фамилию автора (вместо Бигов я прочитал Битов). Обрадовавшись новой книге любимого автора, я тут же прикупил ещё 3 книги для друзей, благо они были тонюсенькие и стоили недорого. Покупка совершалась в спешке, до отплытия парохода оставались считанные минуты, и лишь в каюте я выяснил свою ошибку. Но ошибка оказалась счастливой. Об истории прочтения этой книги я написал целую поэму, а потом через неё познакомился и с автором книги, которым оказался небезызвестный вам Гермоген Мишле, выпуск-

тивший книгу под псевдонимом Андрей Бигов, кстати, он рассказывал, что выбрал этот псевдоним именно с той целью, что некоторые нерадивые читатели фамилий перепутают его с Битовым и, разумеется, купят (на что я и попался). Сам Мишле не придавал своей книге никакого значения и постоянно отказывался от авторства. Однако, на мой взгляд, книга эта замечательна и обладает громадным скрытым потенциалом. Нужно только внимательно вникнуть в её глубинную суть.

СТРАНИЦА КНИГИ 17/2:

*Всё началось ещё на пароходе.
Такое дело — белый пароход.
Вода. Луна. И свежий волжский ветер.
Отдельная каюта и вино.
Движение души. Движение пространства.
Перемещение изнутри во вне.
И постижение течения реки...
Уже потом настало время городов:
Явилась Кострома в рассветной дымке.
Мы там сошли. Хотелось рисовать,
Но спутник мой, художник, не дал красок.
Он мне сказал, что краски — не игрушка
И что они в руках моих заплачут
Густыми разноцветными слезами.
Я подрасстроился и, прикупив вина,
Отправился на поиски событий.*

*Город пробуждался. Топтались дворники.
Шумели на асфальте воробьи.
Спешили люди на свою работу...
А я гулял. Курил и пил вино.
И погружался в бездны созерцаний...
Зашёл, меж прочим, в книжный магазин.
Хотелось прикупить мне карту улиц.
И тут увидел вдруг знакомую фамилию.
Спросил. Недорого. Решил купить четыре:
Одну себе, а три других в подарок.
Купил и ладно, сколько же об этом?
Была дорога. Ярославль. Рыбинск.
Восходы солнца. Волны. Облака.
Но всё кончается. И вот я снова дома.
Моя веранда. Красногорский лес.
Мои листы. Воспоминанья. Книги.
Достал и костромские. Улыбнулся.
Тогда я, видно, спяну перепутал
И в той фамилии принял «г» за «т».
Когда бы знал, не стал бы брать четыре.
Открыл, читаю. Боже мой, поэма!
**«Движение дымов, опавших листьев»
Похоже на скольжение стиха:***

*И то, и то течёт под властью ветра...
И строчек одинокие скитанья
Струятся по окраинам души».*

*Ого! Неплохо! Просто превосходно!
Но дальше... Дальше не прочёл.
Пошёл за сигаретами, потом
Спустился вниз, там выпил,
Были разговоры. Ну, в общем,
Жизнь, бывает, так закрутит...
И лишь под утро книжку взял опять.
Но где те строчки? Здесь совсем другое!
Обложка та же, но слова не те.
Схожу с ума? Иль перебрал за вечер?
А, впрочем, к чёрту, лучшие почитаем:*

*«Города, передвигающие Мир.
Деревянно-каменные монстры.
Зеркала человеческой жизни
И бессонные ночи творцов...
В них происходят странные истории
Безумия, полётов и Любви.
В них странствуют художники по улицам,
Свои восторги занося в холсты.
И музыканты исполняют Шерринга,
Сдвигая подземельный переход.
И нищие бормочут благодарствия
За поданную милостню из нот...»*

*Легко поэту проходить по городу,
Меняя траекторию стиха,
И заносить безумную историю
В манжеты неотглаженной рубашки,
Не думая о будущем прочтенье...
Отхлёбывая терпкую мадеру
И удивляясь таинству на сцене,
Где кукловод, забыв проверить нити,
Назначил долгожданную премьеру.
И лишь на ней узнал о всех обрывах...
Но зрители так хлопали в ладоши!
И он пустился в непредвиденный полёт,
Доверив своим плюшевым актёрам
Исполнить роль без нитяных тенёт...*

*Поэт Пьеро, откинув колпачок,
Ушёл со сцены. Сел ко мне за столик...
Пьеро устал слагать стихи любви
Для куклы с голубыми волосами,*

*Он хочет просто посидеть в кофейне
И поболтать со мною ни о чём.
«Послушай, Миф, ко мне явилась строчка,
Я целый день не знал, что с нею делать,
И вот принёс её сюда, за этот столик.
Я занесу её в крахмальную салфетку,
Пускай она покуда полежит.
И, может быть, потом, спустя недели,
Её прочтёт замотанная прачка
И, бросив грязные тяжёлые узлы,
Уйдёт искать потерянную юность...
Присядет в скверике, напьётся из фонтана
И улыбнётся молодому принцу,
Срываясь чайкой в облака романа...
А может, пожилой буфетчик,
Стирая пыль веков с мадерных рюмок,
Случайно под рукой увидит слово
И, наконец, услышит шёпот сердца...
И он уедет на последней электричке
В неведомо-запутанную ночь
И, выйдя на простуженной планете,
Он тихо спросит: «Чем тебе помочь?»*

*Пока Пьеро витийствовал в салфетке,
На столике мадерный крымский Джинн,
Откинув пробку, выскочил наружу.
Ну, как бы вот. Оборванные нити —
И Джинны появились на столах.
Его седая борода, похожая на крымский полуостров,
Расположилась на мадерной рюмке,
А сам старик, покуривая трубку,
С такою к нам оборотился речью:
— Смотрели ль вы под свод своей души,
В её прокуренных поросших закоулках,
Надравшись в стельку, непробудно спит
Ваш ангел, охраняющий Весну.
Сыграй ему на флейте, разбуди,
Пусть расцветёт персидскою сиренью,
Иль просто посиди и помолчи,
Врачуя душу разговором с тенью.*

*Хрусталь фужеров преломляет свет,
Свеча играет солнышком в портвейне,
Мадерный Джинн рассказывает бред
Об ангеле причудливо-весеннем.*

Через Пьеро на рифму сбился Я,

*Воздав измену белому сложенью,
А за окном холодный Возлеа
Свою хозяйку предаёт свеченью.
Но, чур меня, влияния Дианы,
Мадерный Дух снаружи и внутри,
И мы с Пьеро наполнили стаканы
Ещё не раз, и даже и не три».*

*На этом снова я не дочитал,
Видать, устал, глаза уже слипались,
И я уснул. Проснулся, было десять,
Хотелось пить. И... что там? Эта книга...
С ней было нечто непонятное вчера,
Какие-то чудные нестыковки...
Но где она? И что же там Пьеро?..
Ну, вот!.. Опять не те слова!
Хотя по-прежнему мадерный Джинн, Пьеро,
Почти как в повести про Путника и ночь
У этого писателя — Кальвино.
Ну, хорошо, пускай сошёл с ума,
Но ведь читать-то я не разучился!*

*«Немотно. И заперт добровольно...
На диване плюшевый Пьеро,
Джинн Мадерный где-то потерялся,
Но зато возник Хозяин Пива,
Маленький прозрачный человечек.
Он умеет пиво пить изрядно
И травить, не прерываясь, анекдоты,
А с похмелья лучше нет леченья,
Кроме смеха светлого и пива.*

*«Почему Пьеро подобен пыльной тряпке?
Заболел он от Любви неразделённой.
Раньше был Пьеро большой и сильный,
И гонял Шварцнеггеров, как кошек.
Почему-то Миф Стихов не пишет.
Загрустил об Ангеле весеннем.
Не умеет Миф играть на флейте
И крылатого пропойцу не разбудит».*

*К чёрту этого пройдоху-острослова!
Мы, набравшись светлого вовнутрь,
Вместе с Пьером отправляемся в скитанья,
В вечный путь за тающей звездой...*

*Облака выкладывали Небо,
Уходили пассажирские к Востоку.
И кассиры за хрустящую бумагу
Выдавали пропуск к Ориенту...
На Пьеро я детский взял билет».*

*Тут звонок прервал моё чтение.
Полдень. И ко мне явилось пиво.
То сосед с похмелья постарался,
Кстати, предложил за разговором
До его проехаться деревни.
Баня, лошади, рыбалка и охота —
Кто удержится пред этим искушеньем?
Книга? Что ж — возьму её с собой.*

*С трепетом за разум открываю
В поезде заветные страницы...
И... опять! Опять совсем другое:*

*«Фиолетовые лужицы люпина
И оконца розоватого кипрея,
И ещё речушки из воды,
Из прозрачной и струящейся на Юг.
Летний поезд, летние ландшафты,
Душное зеркальное купе...
Наверху седеющий писатель
Тянет, как он думает, сакз...
А внизу в прозрачных пеньюарах
Две нимфетки стелют дурака...
И король трюфей нарочно падает,
Чтобы подведённым чёрным глазом
Подсмотреть девические тайны
С низости купейного ковра.
А валет, душой червивый и нетрезвый,
Сердцеед, червонный бонвиван,
Забирается на худенькое бёдрышко
И юницу подвигает на обман.
А она, наивна и кокетлива,
Пропускает ловеласа под полу,
Представляя себя шулером потрёпанным
И считая, что копьё его не страшно...
Но откуда лёгкий этот шёпот,
Распаливший вдруг девичье лоно?
Почему, на миг забыв о картах,
Её плоть забила в паразитизме,
Истекая млечным соком страсти?
То валет забился под недельку
И узнал, что нынче был четверг...
Лицезрев соитие влетное,*

*Мы с Пьеро отправились курить,
Чтобы в двуедином одиночестве
Рассмотреть подрагиванье рельсов...*

*Но, увы!, и межвагонье не пустынно,
В уголке его, среди бычков и сплёвов,
Под тончайшей светло-дымчатой вуалью
Пожилая леди курит трубку,
Видимо, о чём-то размышляя.*

*— О, милостивая мисс,
Нижайше просим сорри,
Хоть не имеем правила сорить,
Но воздух можем мы испачкать беломором
И ваш покой нарушить болтовнёй
О вечно непонятном смысле жизни,
О преимуществе портвейного вина,
О двух нимфетках, обесчещенных валетом,
И о верлибре с ритмом колеса...*
*— Обсудим преимущества портвейна,
Всё остальное, право, чепуха!*
*— Но, мисс, не лучше ль испытать?
Поскольку завсегда три раза выпить
Гораздо лучше, чем услышать один раз!*
*— Вы предлагаете испить бокал портвейна?
Не откажусь. Найдутся ли приборы?*
*— Позвольте, мисс, Пьеро, саксонский лорд,
И без приборов странствовать не может.*
*— Отлично, мальчики, заделаем попойку,
Но только не зовите меня «мисс»,
Меня тошнит от вашего прононса.*
— Сударыня, но как к Вам обращаться?
*— Как Вам угодно, можно «Ваша Светлость»,
А можно просто: бабушка Ядвига,
Или по-блоковски: седая Незнакомка...*

*И вот мы возвращаемся в купе,
Нарушив апогей картёжной оргии,
И столик накрываем на троих,
И три семёрки в центре выставляем.
Вокруг рассытаны миндальные орешки,
Изюм из винограда «Аликант»
И горсточка сушёной земляники...*
*Проходит час, является Ядвига,
А мы уже пьяны от собственной слюны,
Но, виду не подавши, разливаем
И предлагаем выпивать за дам,*

*И по-гусарски, с локтя среди тряски,
До дна используем саксонские приборы,
Навечно этим покорив нимфеток.
А Наша Светлость пригубляет по чуть-чуть
И улыбается загадочно-зовуще...
И ночь грядущая, похоже, обещает
Закончиться купейным приключеньем...*

*Но, как известно, сочинители не властны
Устроить себе лакомые грёзы.
И поезд, нарушая перспективу,
Срывается в некошенный откос,
В сиреневые лужицы люпинов
И в хоровод разноцветочных слёз...»*

*Ну, вот и станция. Опять не удалось
Узнать, чем кончится их маленький роман.
Всё время внешние события ломают
Движенья стихотворных поездов.
Мы взяли ружья и пошли на озеро,
Чтоб зорьку выстоять на уток и чирков.
И, если честно, я ушёл охотиться
С одним желаньем: ото всех уединиться
И дочитать... Но боже, снова...
А впрочем, это как бы продолженье:*

*«Приключенье обернулось катастрофой,
Катастрофа вышла приключеньем.
У костра, продрогшие от страха,
Две нимфетки три семёрки поглощали
И курила трубку Наша Светлость,
А Пьеро на колпачке писал поэму
Про какие-то неназванные звёзды
И про демонов, устроивших крушенье...
Я не помню всю её дословно,
Но частично донести сумею,
С тарабарского на русский переврав,
Умалив, возможно, её сочность,
Но добавив свой нетрезвый взгляд:*

*Получается: Галактика и Звёзды
И блужданье голубой планеты
Со смешным названием — Земля...
Получается: Любовь и Размышление,
И блуждание неузнанной любимой
С непонятным прозвищем — Душа...
И ещё — Железная дорога.
И куда-то уносящийся курьерский,*

*И случайная попутчица в купе...
Странное стечение обстоятельств,
Перемотанные странствия героев,
Столкновение и ядерная вспышка,
Зарождение поэтической судьбы,
Звёздный дождь, пролившийся на Душу,
Облетающие строки в осенённость
И глоток портвейна у костра...*

*Пока читал, совсем уже стемнело.
Такие долгие здесь оказались строки,
И буквы расплываются во тьме.
В тот вечер почему-то не влекло
К вину и этим пьяным разговорам.
Я поскорей ушёл на сеновал
И лампу керосинную зажжѐг,
Достал ту книгу, собираясь снова
Увидеть совсем новые слова.
И каково же было мне неожиданно
Вновь возвратиться к самым первым строчкам,
Туда, где города смещали мир...
Пронзѐнный вдруг стремительной догадкой,*

*Из сумки взял я остальные книги.
Ну, точно, так!
Купился я, как маленький пацан!
То были разные четыре тома!
Я цифры в уголке не замечал...*

*Ну, что ж, теперь уже спокойно и без тайны
Я дочитаю окончание поэмы:*

*«Ночной воздушный Наутилус
Завис над местом катастрофы.
И капитан, переселившийся на Небо,
Выбрасывает трап погибшим пассажирам.
А может быть, пожарный дирижабль
Спасает уцелевших из огня?
Не знаю точно, жив я или умер?
Но поднимаюсь следом за Пьеро
На борт
Субмарины, теснящей облака...
И некто Немо пожмает руки
И предлагает отправляться в Антарктиду*

*Воздушную. Туда, где Южный полюс
И выход в со-предельные миры.
— Ну, что ж, идём. Но есть ли здесь мадера?
На посошок неплохо бы принять.
— Три ящичка за бортом, в облаках.
Они опущены туда для охлаждения.
Я дам распоряжение поднять
Бутылок семь иль восемь для начала.*

*Приятно в километре от Земли
Пить из бутылок в облаковых каплях
Трёхлетнюю мадеру с Инкермана,
Готовясь выйти в новые миры...»*

*Вот и конец. Однако же, постойте!
Ещё есть приложение: бумажная салфетка
Со стихами сорвавшегося с ниточки Пьеро.*

Ш У Т

Стихи на бумажной салфетке

*На голове его цветы,
А он, голодный и босой,
Бежит от важной суеты
По мостовой.*

*А на носу его колпак,
И он, весёлый и хмельной,
Бежит от очень важных драк
По мостовой.*

*И вот, с улыбкой на лице
Такой отчаянно дурной
Оставил призрачную цель
На мостовой.*

<i>Каталожная карточка:</i>	17/3	<i>Никто не знает, где проходит норма.</i>
<i>Название:</i>	<i>Метаморфозы нормы.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Погарский Михаил Валентинович.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Москва — Красногорск.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>1993 гг.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Площадь, камень.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Чем отзываются шаги поэта, проходящего по брусчатой площади.</i>	

Комментарии: Повесть, мощённая ритмом, «Метаморфозы нормы» была опубликована в пятом выпуске альманаха «Дирижабль» и получила неожиданно для меня широкий резонанс. Она вдруг понравилась многим и совершенно разным людям. Физики нашли в ней что-то своё, новые продвинутые бизнесмены хохотали, читая её, над чем-то своим, незнакомые мистики звонили мне по телефону и просили пояснить некоторые не совсем ясные им положения, а многие женщины увидели здесь просто историю любви и были, разумеется, правы.

СТРАНИЦА КНИГИ 17/3:

МЕТАМОРФОЗЫ НОРМЫ

ПОВЕСТЬ, МОЩЁННАЯ РИТМОМ

*Сначала площадь. Скажем так:
Большая. Квадратная. И вымощена камнем.
Тем самым, что лежал когда-то
В подошве Гималайских гор.
В том месте, где текла тропа
Из Греции к владениям Тибета.
По ней спускались ламы и верблюды.
И воины на греческих конях.
Охотники за снежным барсом.
А также винторогие козлы...
Однажды проходил по ней бродяга
Из тех степей, что в диком Забайкалье.
Котомку опускал свою на камни,
Пропитанную духом Баргузина...
На той тропе потомки Чингизхана
Укладывали спать кривые ноги.
И молоко монгольских кобылиц,
Стекая по широким гордым скулам,
На тех камнях в каплях оседало...
Там, говорят, мочился Марко Поло...*

Бордюры из эпитафий, окаймляющих повесть:

*И сам Ермак с дружиною своей
Здесь распивал большой бочонок мёда
Июньского, с цветов лесной клубники,
Что отыскал в дупле кривого дуба
Убогий бортник, именем Антип.
Его варили с приговором силы.
Потом томили долгою верстой.
И, говорят, вкусившие его
Уже не могут жить оседлой жизнью...
Да, вот ещё. С дружиной Ермака
Шёл в дальние неведомые страны
Гусляр Терентий. Он протяжной песней
О чистых водах Волги и Оки,
О вольнице. О подвигах казаков.
До магмы пробирал структуру камня...
И, наконец, по тропке этой горной
Шёл на Восток великий Гаутама,
Неся в душе недавний свет прозренья,
Что проняло его у дерева, у Будхи.
Впитав дыханье множества ступней,
Принадлежавших самым странным людям,
Те камни обрели невиданную силу:
Когда кусочек с этой горной тропки
Вложить, к примеру, в руку домоседу,
Он бросит дом, жену свою, хозяйство
И в путь уйдёт за облаком и штормом...
Всего одна крупинка с той тропы,
Попавшая в подкладку пиджака
Завязтого дельца и скупердяя,
Могла его заставить подобреть
И всё богатство распустить по ветру...
Идёт молва, в запутанном однажды
Из тех камней наделали чернильниц.
И подарили их засушенным учёным:
Ньютону, Лейбницу, Паскалю и Бернулли.
И, говорят, что с этих самых пор
Они писали не трактаты, а поэмы,
Не занося, однако, их в листы.
Ещё я слышал, в городе Тобольске
Юродивый искусный ювелир
Вставлял камеи из диковинного камня
В оправу из витого серебра.
И перстни эти, странствуя по свету,
Осели на руках пророков и поэтов.
У Пушкина такой был перстень,*

«Все камни, которые когда-либо играли роль в моей жизни, встают и обступают меня».

(Густав Майринк. Голем)

*У Бодлера, У Сирано, У Босха, Вовенарга,
У Брейгеля и даже у Шекспира.
Хотя никто доселе не уверен в том,
Существовал ли сам Шекспир,
Но то, что перстень он носил из камня,
Об этом есть доподлинная правда.*

*Молва о чудотворной силе камня
Распространялась в городах и весях.
И вот дошла она в промышленные уши
Дельца Демидова Антона Кузьмича.
И снарядил он экспедицию за камнем.
И целые склады его привёз.
Немалые, причём, на то угробив деньги,
Платя втройне: за труд, за риск, за страх.
Имел он замыслы великие на камень.
Но вот осуществить их не пришлось.
Поскольку с разрушеньем горной тропки
Вселенские поднялись катаклизмы:
Пожары Мировой войны взметнули пламя,
За ними революция, террор,
Крушение оплотов и устоев.
И, говорят, всему виною камень,
Вернее, долгое его перемещенье...
Однако же, вот странная петрушка,
Есть между нас совсем стальные люди,
Которых даже камни не берут.
И вот они-то, эти люди-гвозди,
Той тропкой умостили нашу площадь,
Смеясь проклятьям праведных старушек
И не боясь как будто никого.
Потом их, правда, всех порасстреляли
И даже вроде будто ни за что.
Их расстреляли. Площадь же осталась.
И я на южной стороне её,
Устроившись в кофейне Соломона,
Свою извилистую повесть начинаю:*

*Шарманщик Генио. Несёт свой инструмент.
В потёртой шляпе. С белым попугаем.
Плетётся по делам или без дел,
Считая соловьёв и канареек...
Забыл сказать. Весеннюю порой
Со всей Подсолнечной, Подлунной, Поднебесной
Слетаются пернатые певцы в наш город,
Оглашая его кривые пере-зако-улки*

«Стой на своём безумии глупец — и стал бы мудрецом».

(Уильям Блейк. Притчи ада)

На тысячи сонат и ораторий,
Лишняя хлеба хриплую шарманку.
Но Генио, однако, не грустит.
По-птичьему наш Генио беспечен.
Он знает, что друзья его накормят
И угостят стаканчиком вина...
Когда-то Генио работал продавцом
В салоне вино-водочных изделий.
Поил не глотки он, но души и сердца
Заблудших, в сущности, но праведных людей.
И сам, случалось, принимал на грудь
Бутылочку портвейна или две,
Частенько даже три или четыре,
А иногда число их близилось к восьми.
Но в этом случае за точность не ручаюсь.
Поскольку счёт существенно сбивался.
И лишь прикинув силу нервной боли,
Застывшей в вычислениях головы,
Мог Генио примерно измерять
Количество испитого портвейна...
И как-то раз, изрядно заплутав
На вёрстах вино-водочной дороги
И в виноисчислении потухнув,
Он точно сам того не зная как,
Уехал в город наш...
Очнулся он у городского рынка,
В том уголке, где продают цветы.
У ног его цвело ведро тюльпанов,
А в голове корзина орхидей.
Как раз тогда с ним и была метаморфоза.
Как раз тогда он и купил шарманку
(Иль обменял её на семь пустых бутылок).
А уж потом отбил у кошек попугая
И шляпу на помойке подобрал...

Сказать по правде, Генио — философ.
Я как узнал его, любил с ним помолчать.
Об общих нас волнующих вопросах
Могли мы с ним молчать, не отрываясь,
До самого утра. Особенно в осенний листопад.
Потягивая грог или глинтвейн с кусочками вялёного минтая...
Вот и сейчас, присев ко мне за столик,
Он замолчал о Густаве Майринке...
Когда мы не сходились с ним в молчаньях,
То выпивали виноградного вина

«Человек с сердцем, преисполненным молчания, и человек с тишиной в сердце не похожи друг на друга...»

(Милорад Павич. Сны недолгой ночи)

*Из сорта Лидия и сорта Изабелла.
Казалось, долгий спор неразрешим.
И даже Соломон нам не поможет,
Хотя бы и открыл он на всю стезю
Свой дубом отороченный подвал.
Однако Генио нашёл вдруг аргумент,
Перевернувший наискось мой взгляд
На то, что, мол, Голем не существует.
На стол промежду чашек и бутылок
Поставил Генио искусную игрушку
Из дерева. Точёный деревянный человечек,
Казалось бы, не должен был
Так сильно взволновать меня.
Да и, конечно, я б не взволновался,
Когда бы не глаза. Глаза живыми были.
Они смотрели пристально и нагло,
Пугая бездной, спрятанной в зрачках...
Должно быть, этот древовидный монстр
Владел в достатке мастерством гипноза,
Поскольку я вдруг начал раздвояться
И наблюдать себя со стороны:
Один мой Я по-прежнему пил кофе,
Другой же уменьшаться стал, стремясь достичь нуля.
Но не дойдя к ничто с десяток превращений,
Остановился, якобы в раздумье,
И, подойдя к зрачку гипнотизёра,
Вдруг рухнул в оглушительную бездну.*

*Но не разбился в ней. Скорей, наоборот,
Он ощутил дыхание полёта
И в путь пошёл по лабиринту мысли,
Распутывая кладбище мечты.
Казалось, он скользил не вертикально,
Но составляя некий угол с горизонтом.
И угол этот близок был к нулю,
Поскольку колосющиеся травы
Метёлками своими оевали его лицо
И в то же время ноги...
И так летя на бредущем полёте
По закоулкам бездны из зрачка,
Он постигал, что чёрное снаружи
Порой такое светлое внутри...
Витала музыка над нежным шёлком трав,
И колокольчиками с берега реки
Неслась негромкая причудливая песня:
Про нежный дар нахлынувшей любви.
О снегопаде чувств. О водопаде встречи.*

«А камешек — хочешь под голову, хочешь на шею дам, отдыхай тогда на здоровье хоть до Страшнейшего Суда».

(Саша Соколов. Между собакой и волком)

О перепадах Солнца и Луны на двух сердцах...

*Мой alter ego полетел на голос
И приземлился на песчаный пляж,
Где тонкая и хрупкая Лилея
Ваяла песню из песка и сердца.
И сеяла песчинки сквозь ладони,
Отбрасывая камушки в сторонку.
Второе Я мое приблизилось к Лилее
И заплуталось в чёрной паутинке,
Сплетенной из ресниц и из волос.
Над чем они с Лилеей веселились
Довольно долго. А уже потом
Вдруг унеслись в своём балете страсти.
И бесконечный пляж казался тесным
Для вихря необузданной Любви.
Поднялся смерч. Крушение пространства.
Мой alter ego начал растворяться...
И я опять вернулся к Соломону,
За столик его летнего кафе.*

*Но где же Генио? «Послушай, Соломон,
Куда девался Генио — шарманщик?
Я с ним хотел ещё немного выпить
Того вина, что пили мы с утра».
«Не знаю, Миф. Когда вы с ним надрались,
Он показал тебе причудливую куклу
С глазами от живого горностая.
Ты посмотрел её и сразу же уснул.
А Генио подался по делам
Или без дел, того уж я не знаю.
Да и тебе уже пора бы, Миф.
Сам понимаешь — площадь не игрушка.
Нельзя весь день вблизи неё сидеть,
Хотя бы и вина приняв за вредность...
Опять же вечер близится к началу.
А после вечера всегда бывает ночь.
А по ночам тут беспокойно, парень:
Светиться некоторые камни начинают.
Про то свеченье люди говорят,
Что это — излучение скитаний.
Оно пронизывает сердце до костей,
И люди от него заболевают:
На гребни самых острых крыш
После него выходят еженощно.
И там ведут они друг с другом споры:*

«Идти решил я вдоль отрогов гор, и на пути моём встречались даже города».

(Эрмано Кавацони. Поэма о лунатиках)

*О светлой сущности небесных чёрных дыр;
Об их зовущем чёрном притяжении...
Я сам не раз на крыши поднимался —
Послушать их чудные разговоры.
Скажу тебе: никто из них не знает
Конечной тайны сущности дыры.
И только мне она доподлинно известна.
Поскольку был я в ней не так-то уж давно.*

*Никто не верит мне, что чёрная дыра —
Не что иное, как зрачок гипнотизёра,
Который поселяется в людей, в облезлых кошек,
В бешеных собак и даже, говорят,
Он может обитать на дне бутылок,
На страницах книг, в полотнах нестареющих картин,
В глазах скульптур из дерева и камня
И просто в окнах городских домов.
Последний раз он поселился вон в той арке,
Ведущей с площади на белоснежный север.
В ту ночь Луна, задумавшись о чём-то,
Взошла левее, чем встает обычно,
И угодила точно в сердце этой арки,
Придумав фантастический пейзаж.
Я кофе пил и любовался этим видом,
Когда вдруг понял, что и сам я на Луне.
Мне было там спокойно и легко.
Я слушал вой собак со всей Земли
И отвечал им, воя в унисон...
И вот представь, я разбудил жену.
Уж как смогла она дослышать до Луны —
Не знаю. Ведь говорят, что вакуум вселенной
Способен переслать лишь тишину,
А всё, что громче тишины, не пропускает.
Конечно, некоторые звуки можно видеть.
Ведь понимают нас глухонемые,
Словесный шум тасуя по цветам.
Но видеть вой с закрытыми глазами,
Идуций из Болота Сна
Сквозь облака ночного небосвода?!
И тайне этой не придав значенья,
Устраивать скандал на всю округу!
Поверь мне, Миф, лишь женищина так может.*

*Я, кстати, думаю, что женищины не люди.
Они, всего скорее, марсиане... Давным-давно
На бороздах Элизий они точили марсианский камень.*

«... мой город я узнаю по притаившемуся ожиданью, по чему-то, что ещё не страх, но похоже на страх...»

(Хулио Кортасар. 62. Модель для сборки)

И чем-то прогневили горы Флегра.

*За что и угодили в извержение,
Начавшееся с купола Гекаты.
Но не погибли в нём,
А сели на корабль
С какими-то чудными парусами,
Что надуваются от солнечного ветра.
И прилетели к нам, на нашу Землю...
Ничем иным не удаётся объяснить
Их тягу к кринолиновым доспехам
И к разжиганью пустяковых битв».
«Нет, Соломон, всего лишь половину
Ты изложил мне про рождение жещицин.
Не сомневаюсь я, что амазонки кухни
Пришли к нам с красным марсианским сердцем.
Но есть еще другие виды жещицин:
Во-первых, много прилетело их с Венеры.
Оттуда Беатриче и Изольда, и Лесбия,
И Паша Аргунова, и Джульетта...
Все дочери Венеры кротки нравом,
Тонки, изысканны и пылкие, как Солнце.
Они способны на любовь-полёт.
На путь во снах среди стихов и песен...
Потом, немало жещицин родом с Фэтона.
Когда-то он на астероиды распался.
И, чтобы не погибнуть в катастрофе,
Они на Землю нашу устремились.
Фэтонянки горды и надменны,
Умны, задумчивы и склонны к созерцанью.
Они частенько занимаются наукой,
Политикой и иногда искусством.
Не встретишь среди них домохозяек,
Но и не встретишь молодых Джульетт.
И, наконец, ещё один вид жещицин,
Возникший в глубине нейтронных звёзд,
Где даже атомы крошатся под давлением...
Тех жещицин очень мало на Земле,
Всего одна, а может, даже ноль.
Они способны вызвать ураганы
И изменять движение планет.
Менять течение подводных магистралей
И из ракушек строить острова.
Их узнают по разности в глазах.
Поскольку, выходя из недр звезды,
Они минуют восемь сфер из плазмы
И задевают горизонт событий,*

«... город будет сметён с лица Земли ураганом и стёрт из памяти людей в то самое мгновение...»

(Габриель Гарсия Маркес. Сто лет одиночества)

*Вот почему в них есть асимметрия...
Их жизнь течёт не в будущее, но
В какое-то стороннее начало.
И возраст их пульсирует за ночь
Лет от семи до двадцати восьми».*

*«Послушай, Миф, но это ж наша Лея...
Мне говорил о ней блаженный Сентябрьрин,
В те времена, когда ещё он не утратил
Способность пить вино и говорить.
Он мне рассказывал, что в раннем сентябре
Вдруг снизошёл к нему осенний дар Любви.
И посреди дождя и листопада
В его саду вдруг расцвела сирень.
И, кстати, соловьи и канарейки
На осень ту в саду его остались...*

*Бывает, что Любовь дождю подобна,
Бывает снегу, шелесту полей,
Весеннему полёту жаворонка.
Но то, куда ворвался Сентябрьрин,
Могу я уподобить только Небу.
А Лея, словно кареглазый луч,
То небо разрывала пополам.
И освещала голубое сердце,
Внося в него горячее тепло.
Свет их Любви немного сдвинул Зиму...
И город осеняло до Весны
Застывшим золотом кленового пространства...
Но Сентябрьрин не вынес напряженья
Счастливого неведенья Любви.
И в то, что полюбил, утратил веру.
Ему казалось странным измененье
За ночь одну на двадцать с лишним лет.
Ведь Лея засыпала в двадцать восемь,
К полуночи ей было ровно семь,
А просыпалась — было уж под тридцать.
И Сентябрьрин на этом помешался,
Считая Мир безумным пустяком,
А Лею лишь игрой воображенья.
Теперь он всё сидит на берегу,
Его там кормят чайки и бакланы,
Считая, видно, выпавшим птенцом,
Ещё не научившимся летать...
А может, почитают птичьим богом.*

«Однажды жили-были существа в одной деревне на дне большой прозрачной реки».

(Ричард Бах. Иллюзии)

Ведь Сентябрин им проповедь читал
О смысле и бессмыслии полётов,
О тенях крыльев, что ложатся в облака,
О реках, вытекающих из моря,
И о вулканах — родниках камней...
Бывает, в полночь к ним приходит Лея
И слушает, пока не станет взрослой,
Лет до шестнадцати сидит. Потом уходит
Купаться в свежесвыпавшей росе».

«Послушай, Соломон, за разговором
Я не заметил, как взошла Луна.
А этот миг привык я отмечать
Стаканом белого трёхлетнего портвейна.
Восход Юпитера я отмечаю Кахетинским,
Восход Сатурна коньяком «Mortel»,
С Меркурием мы пьём обычно водку,
А с Марсом — Херес или же Мускат.
А с появленьем голубой Венеры
Я достаю домашнего вина
Из сорта Каберне и Ркацители,
Причём желательнo от Крымских берегов...
Поэтому прошу, налей-ка мне портвейна,
И мы с тобою выпьем за Луну».
Мы выпили. Медноволосая сияла Бетельгейзе,
А с нею голубая Беллатрикс. Они
Сидели на плечах у Ориона.
Белел Денеб, как лебединое перо,
И рыжим клювом выступала Альбирео...

Послышались негромкие шаги
От площади. И, раздвигая мрак,
К нам подошел Асканио — фонаричик.
Когда-то он работал каскадёром.
Он поднимался в небо на орлах.
По морю плавал на спине дельфина.
И с крыши ратуши съезжал на горных лыжах.
Потом ему всё это надоело.
И стал Асканио хранителем огня
И сочинителем своих ночных скитаний...
Сейночно заглянул он к Соломону
На огонёк Мерцающей беседы.
Степенно выпил. И заговорил:
«Намедни утром заходили ко мне гости —
Апостол Пётр и апёздол Никодим
На чашку кофе с облепиховым ликёром...

«И сделал Ной всё; как повелел ему Бог, так он и сделал».

(Первая книга Моисеева. Бытие)

*С Петром я познакомился давно,
Когда на двух орлах поднялся в Небо.
Он мне сказал тогда: «Не липни к облакам.
Пока есть ноги, странствуй по дорогам».
А Никодим спасал меня из моря.
Когда попал я в океанский шторм,
Он говорил: «Не торопись в бездонную пучину
Ведь ты же Землю всю не исходил».
Такие вот истории. Но к делу:
Расположившись в креслах у камина,
Святой Апостол вот что мне сказал:
«В разумности своей погрязли люди.
Никто не ищет запах облаков.
И горизонт рукой никто не гладит.
Всем подавай спасение души
Иль на худой конец подай усладу плоти...»
И к этой речи таковы слова добавил
Апёздол моря старый Никодим:
«Не стало рыбаков, кругом лишь рыболовы.
Никто не строит дома из песка.
Похоже, люди дюже поумнели...»*

*Вот так они сказали и ушли,
Качая в сожаленье головами.
«О, наш провинциальный Прометей!
Почто печалуешь простуженную душу?
Ужели мы не знаем без тебя,
О чём болеет сердце Никодима?
Ужель ты чаешь, что не знаем мы,
О чём скорбит и мучается Пётр?
Крецендо, брат! Отринем все заботы
О человечестве. Настало время голубых ночей!
Мы к Императору уходим с Соломоном.
Пошли и ты. Пускай он сумасшедший.
Но ведь о подданных-то думает взавраду.
И, может быть, он чем-нибудь поможет
Империи, разбитой в лоскуты...»*

*И полупьяный поэт, вместе с ним
Пьяноликий трактиричик двинулись в лунную ночь,
Прометея с собою забрав.
Дабы помог им в беде
Полновластный хозяин вселенной,
Разум оставивший вне
Поднебесных ее городов..
Ночь пробивалась сквозь тлен*

«Он взял с собой в плаванье Карту морей, На которой земли — ни следа».

(Льюис Кэрролл. Охота на сарка)

Городского тумана и мифа,
И на ресницах роса
Чистой казалась слезой.
С крыши доносились
Негромкие песни сомнамбул.
И чёрные кошки
В такт им урчали
И били по трубам хвостом...
Мы в императорский дом
Заглянули без стука и пыли.
И к властелину тенёт,
Повелителю листьев и луж
Я обратился с такою изысканной речью,
Шляпу свою приподняв
И травинку убрав изо рта:
«О Император Дождя,
Многомудрый владыка стихии!
Нечто откажешься ты
Выслушать нас и помочь?
Люди погрязли в делах
И забыли о пусто-порожнем.
Могут скатиться они
В механически-скушный Тартар!»
И Император Дождя,
Отодвинув свой трон-табуретку,
Вот что промолвил в ответ
На петицию пьяных бродяг:
«Каждое слово твоё,
Лучезарный поэт поднебесной,
Волос седой в голове
И морщину в душе добавляло.
Я за пятнадцать секунд
Поседел в двадцать девять волос.
И такую же сетью морщин
Ойкумена души покрылась.

Только одно остается,
Пожалуй, мне сделать:
Вызвать пронзающий дождь,
Не сломав и не сдвинув при этом
Голубое свеченье Луны
Из окна кучевых облаков.
Лунная радуга в небе,
Дорожки на крышах и лужах...
Музыка капель в окно

«Лучше не знать ничего, чем многое — наполовину! Лучше на свой страх и риск быть дураком, чем мудрецом за счёт чужих мнений! Я доискиваюсь основы».

(Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра)

*И ночной водосточный трубач...
Может, они принесут
Тот бальзам на просохшие души?
Может, они и помогут
Безумнее стать?..
Ночь из Дождя и Луны
Растянуть до размеров полярной,
Чтобы дельфины в окно
Птицей могли заплывать...
Чтобы всемирный потоп
Смыл механический мусор
И растопил ледники
На железных вершинах ума.
Чтобы расцвёл нежным цветом
Не логос, а лотос,
Вместо скупцов
Населяли бы Землю скворцы...*

*Но пусть за плотником
Кто-нибудь ходит, за Ноем.
Видно, пристала пора
Снова построить Ковчег».*

18. ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

От автора автора

*Как хорошо,
когда проникаешь один
в истинный смысл
книги, чью скрытую суть
прочим постичь не дано.*

(Татибана Акэми)

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>18/1</i>	<i>Скрытая суть одиноких слов — так прекрасна.</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга необязательных примечаний.</i>	
<i>Автор:</i>	<i>Погарский Михаил Валентинович.</i>	
<i>Место издания:</i>	<i>Красногорск. П-10-3. IBM-486.</i>	
<i>Время издания:</i>	<i>Октябрь 1998 года.</i>	
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Взаимосвязи, ассоциации, аллюзии, смыслы, знаки, символы, аллегории, продолжения.</i>	
<i>Аннотация:</i>	<i>Попытка автора прочесть своё собствен- ное произведение и разобраться с непо- нятными самому себе вещами.</i>	

Комментарии: Здесь автор выходит за рамки книги и перестаёт быть участником описываемых событий. Но за секунду до смерти вся его внутрироманная жизнь промелькнула перед глазами. Он стал первым читателем этой книги и, оглушённый нахлынувшим потоком удивительных происшествий, попытался проникнуть несколько дальше формальной оболочки некоторых слов и словосочетаний. Разумеется, те смыслы, которые он сейчас пытается вытащить наружу, не предполагались в процессе написания и описания. Имена героев выбирались совершенно случайно, исходя лишь из звуковой и стилистической сочетаемости с плотью возникающего текста. События тоже очень мало зависели от воли автора, и хотя он так или иначе вмешивался в их страннотекущий ход, вмешательство это было не более чем вмешательство рядового персонажа, но отнюдь не демиурга. *Вообще говоря, вопрос о необходимости комментирования остаётся для автора открытым. Ведь гораздо интереснее самому докопаться до всевозможных подтекстов и скрытых смыслов, чем воспользоваться готовой подсказкой. И в этом отношении я, подобно капитану Грэю из «Алых парусов», гораздо больше люблю картины без подписи, поскольку они оставляют более широкий простор для толкования. Однако нижеследующие примечания никоим образом не претендуют на безусловность, но лишь выхватывают один из вариантов ассоциаций, которые вызывают у автора те или иные слова и предложения. Более того, автор намеренно отказался от комментирования наиболее тёмных и запутанных мест, поскольку истинный смысл или бессмыслица этих мест остались ему окончательно не ясны.

СТРАНИЦА КНИГИ 18/1:

Библиотекарь Гермоген — Уже в самом названии книги слышится библейская тема. Библиотекарь — это не только хранитель библиотеки, но и библейский лекарь,

врачеватель, восстановитель Библии. Разумеется, он не ставит, да и не может поставить себе подобных задач, поскольку он как бы и не в курсе своей высокой миссии. («И снова Библия ещё не читана...»), но сама жизнь его странным образом проходит под знаком восстановления древнейших событий. Буквальный перевод имени Гермоген — потомок Гермеса, то есть потомок вестника богов. Гермес — великий проводник, знаток и хранитель всех путей, покровитель странников и «искатель» во всех значениях этого слова. По преданию, в утерянных текстах Гермеса Трисмегиста есть такие слова: «Я пишу эту книгу для тех, кто придёт за мной, как кто-то раньше написал её для меня». Эти слова вполне могли бы стать одним из эпитафий к описываемым здесь событиям. Библиотекарь Гермоген, подобно своему духовному отцу, выполняет роль вестника, проникающего в чужие сознания и судьбы. Он ищет вместе со своими «учениками» новые пути и способы жизни, пытается уйти за пределы обыденного мира, постигнуть скрытую сущность вещей. Весьма символична в этом смысле и его библиотечная почта со стихами (божественными откровениями), отпускаемыми в мир людей. Римское имя Гермеса — Меркурий, и именно так называлась известная в начале века марка почтовой бумаги, и тогда, в развитии этой иллюзорной связи, Гермоген становится продолжением почтовых посланий, продолжением своих стихов и строк. Цвет имени — светло-зелёный, нежный и успокаивающий — говорит о спокойствии, отрешённости, о весеннем пробуждении и стремлении к новой жизни. Покровитель имени — стрекоза или бабочка, то есть внутренняя Элен — голубой махаон.

Попасть в эту тихую паузу между жизнью и... жизнью..: — Трудно сказать наверняка, о чём здесь речь. Возможно, подразумевается восточная теория реинкарнаций, хотя лично мне эта теория при всей её красоте кажется слишком уж детски-наивной. Может быть, речь идёт об отделении жизни автора от жизни своих героев и персонажей или, более обще, — пауза между внешней и внутренней жизнью книги. Но, скорее всего, имеется в виду внутреннее перерождение человека, которое может несколько раз происходить в течение одной биологической жизни.

Своей засыпающей мысли... или, наоборот, пробуждающейся любви... — По убеждению автора, Любовь и Мысль — это две полярные противоположности. Любовь — всегда неразумна, бессмысленна, нелогична, абсурдна, в противном случае это не любовь, а половой инстинкт. И наоборот, чистой мысли претит любая любовь, поскольку любовь уводит сознание в сторону горячей субъективности и закрывает собой истинное положение вещей (хотя, не исключено, что никакого истинного положения нет и быть не может).

Если же говорить о рождении этой книги, то оно на 17/18 обязано любви и лишь на 1/18 мысли. По крайней мере, так кажется автору.

Луна или утренний снег... — Эпитафий ко всем страницам были взяты из классической японской поэзии не случайно. Дух странствующих японских поэтов, отринувших суету и мирские блага ради приближения к высшим истинам, очень близок духу героев повествования. При цитировании были использованы переводы: Веры Марковой, Т.А.Соколовой-Делюсиной и Александра Долина.

8 утра 13 января 1999 года — События начинают развиваться в канун старого Нового года. Что символизирует новый, принципиально другой период в жизни героев. Несчастливое число 13 становится роковым для библиотекаря, однако невозможно сказать, что оно принесло ему больше: радости или страданий. Число 8 также обладает определённой символикой. Во-первых, оно стоит после священного числа 7 (7 дней недели, 7 цветов спектра, 7 тонов в музыке, 7 основных запахов в стереохимической теории, 7 чудес света, 7 сказочных героев, 7 небесных сфер и т.д.), то есть 8 — это выход за край-

ние пределы устоявшихся канонов. С другой стороны, 8 — число чётное и, следовательно, относится тёмному женскому началу Инь — символу севера, тьмы, смерти, земли и луны, а 13 — число нечётное и поэтому принадлежит мужскому началу Ян — символизирующему юг, свет, жизнь, небо и солнце. В этом взаимопроникновении и слиянии двух начал и зарождается течение книги.

Числа играют своеобразную роль на всём протяжении книги: согласно китайской традиции, числу 1 соответствует небо (целостность, единство), и поэтому небесные отсветы лежат на первом разделе книги и на первых страницах каждого раздела; числу 2 — соответствует земля (двойственность, единство и борьба противоположностей, день и ночь, добро и зло, разум и поэтическое безрассудство), и второй раздел (вторые страницы) более приземлённый и противоречивый; число 3 — означает человека, а также три высшие ценности, многочисленные божественные троицы и триглавы, три сферы вселенной, а также 3 пространственных направления, 3 неразделяемых кварка, составляющих основу материи, отсюда в 3-ем разделе наивысший накал, кульминация; число 4 — является образом статической целостности, символом которой являются квадрат, мандала, крест, кроме того, 4 основные координаты физического пространства (смотри также примечание ниже к стр. 1/3 о четвертушке); 5 — пять первоэлементов, пять аспектов бытия, пять стихий (5-я стихия — алкоголь), а также соединение земли и человека; 6 — удвоенная троица, шестёрка драконов, вывозящая солнце на небо, шесть континентов, шесть граней куба, шесть основных направлений движения (вперёд, назад, влево, вправо, вверх, вниз), два человека; 7 — магическое число, возникающее из суммы 3 и 4, характеризует общую идею вселенной, универсальную константу в построении мирового древа, полный состав пантеона, а также константа, определяющая объём человеческой памяти; 8 — (см. выше) и, кроме того, восемь — это удвоенная статическая целостность, 8 — основных географических направлений, 8 — вершин куба; 9 — в старой китайской поэзии число 9 (троекратное повторение триады) используется в значении «всё», 9 играет огромную роль в индивидуальном мистическом опыте, по одной из современных космологических теорий, физическое пространство имеет 9 измерений, однако 6 из них находятся в нераскрытом состоянии, поэтому в книге именно 9 основных разделов и 9 дополнительных.

К странице книги 1/2:

Капелька воды — как долгодать её, и как короткая жизнь — Если Гермоден ассоциируется со стихией воды (см. ниже), то капелька воды — это мгновение жизни самого Гермодена.

К странице книги 1/3:

9 часов утра 13 января 1999 года. Среда. — 1/3, 9, 13, 1999 — пик влияния светлых сил нечётности.

У него была замечательная соседка тётюшка Глаша — Имя Глафиры переводится с греческого как «изящная». Планетой Глафиры считается Меркурий, то есть Гермес, а через него и Гермоден. Цвет имени — фиолетовый, предельный цвет спектра, отодвигает Глафиру от остальных участников событий. Покровитель имени — филин — помогает ей, единственной изо всех в этой книге, сохранить свою житейскую мудрость и не поддаваться сумасбродству поэтических порывов. Заветное растение — фиалка — говорит о её безграничной нежности, материнской любви и всепрощении.

...и даже самого Марселя Пруста, не делая никаких поправок ни на его затворничество, ни на его болезни — Марсель Пруст (1871-1922), автор знамени-

того цикла романов «В поисках утраченного времени», вследствие болезни всё затворнический образ жизни. Стены его дома были обиты пробковым деревом, чтобы даже малейший шум не проникал к нему с улицы. Пруст жил в пространстве своих романов, и, кто знает, может быть именно это вынужденное бегство из внешнего мира подарило литературе великого писателя.

...с аккуратной стопкой четверо разрезанной бумаги — Вчетверо разрезанная бумага может ассоциироваться с четырьмя каноническими Евангелиями. Заметим, что авторов, от имени которых ведётся повествование, тоже четыре, они могут быть соотнесены с библейскими авторами следующим образом: основной автор — Михаил (Матфей), самый возвышенный и поэтичный — Гермоген (Иоанн), самый трезвый и рассудительный — Мартин (Марк) и самый нежный и незаметный — Элен (Лука). Если же проводить аналогии от 4-х основных героев к 4-м стихиям, 4-м временам года и 4-м странам света, то можно получить следующие взаимосвязи: Автор — Земля, Зима, Север; Гермоген — Вода, Запад, Осень; Мартин — Огонь, Юг, Лето; Элен — Воздух, Восток, Весна. Квадрат с крестом посередине (лист, расчерченный на четыре части) служит символом четырёх стихий. Это изображение напоминает и могилу (быстротечность жизни), и окно тюрьмы (выход за пределы материальной оболочки). По словам кого-то из Великих: «Наша Земля была бы мрачным склепом, если бы мы не ведали о могуществе нашего духа». Четырём героям удаётся вырваться из этого мрачного склепа и обрести своё продолжение в других безразмерных пространствах.

Другая неизменная ассоциация со словом четвертушка связана в моём сознании с одной из лучших песен Владимира Ланцберга: «Так возьми досконально изложи на бумажной четвертушке / с чем в ладу, с чем немного не в ладу, / чем допёк утробный вой. / Помнишь, в прошлом столетии писал / Александр Сергееч Пушкин / про такую забавную игру — / бой Руслана с Головой». Собственно, эта песня вполне могла бы послужить вторым эпиграфом к описываемым событиям, поскольку в ней точно так же, как и наши герои, «со своими, не чьими ж там нибудь / головами бьются люди; / бьются насмерть, а если и на жизнь — / на *какую*, дело в чём!»

...на десяти, иногда на одиннадцати четвертушках — Возможно, намёк на десять заповедей, и тогда одиннадцатой может служить категорический императив Гермогена, возникающий в книге значительно позднее. Но, с другой стороны, на этих четвертушках переписывалось одно и то же стихотворение, стало быть 10 — это просто вопрос числа. Числу 10 — в старославянской азбуке соответствует «і» (і — десятиричное), и тогда «иногда одиннадцатая» может рассматриваться как точка над і. Это также и 10 сефиротов «Кабалистического древа». Десятая сефирот (Малрут) заканчивает действие первой триады и переводит на новый уровень, и тогда одиннадцатой или первой может быть Алеф, расположенный на горизонте вечности. Число одиннадцать обладало и защитными свойствами от злых демонов — если одиннадцать раз переписать имя Сирийского идола Абракадабра и носить листок с этой надписью в ладанке, то можно избавиться от горячки. С другой стороны, таинственное слово «абракадабра» приобрело в настоящее время оттенок бессмыслицы и чепухи. И, таким образом, оба оттенка этого слова присутствуют в библиотечной почте Гермогена.

Чаще других он писал четверостишие о Полярном медведе — Гермоген, как и Автор, родились в 1963 году, который согласно Зороастрийскому астрологическому календарю является годом Белого медведя. Согласно этой традиции, их покровителем является ангел Анграоша (Бесконечный свет). Отсюда, кстати, следует, что биологический возраст Гермогена всего-навсего 36 лет, и все упоминания о его старости относятся, по всей видимости, к его духовной внутренней сущности.

Иногда перо его надолго зависало над фиолетовым наречием «извечно» — Гермоген, подобно многим поэтам, обладает цветовым слухом. То есть каждый звук и каждое слово окрашиваются для него в те или иные цвета. Другое толкование фиолетового цвета в наречии «извечно» может соотноситься с «лиловым сумраком» Блока, с закатом, упадком. Издательство Гермогена подводит итог, утасует, закатывается...

Однако за десять лет — О символике числа 10 см. выше. 10 — переломный этап, переход в иные пространства.

...и не переписал, но как бы воссоздал заново каждую из своих донельзя знакомых строчек — Здесь возникают аллюзии с рассказом Борхеса «Пьер Менар — автор Дон-Кихота», в котором герой заново пишет великий роман, но будучи уже не Сервантесом, а Пьером Менаром — человеком 20-го столетия. Гермоген, подобно Пьеру Менару, заново пишет своё четверостишие, будучи уже совершенно другим человеком.

К странице книги 1/4:

Ното vagus — Человек скитающийся (бродящий).

...заплутавшие во времени кроманьонцы — Среди учёных широко распространено мнение, что каждый кроманьонец был художником.

...или потомки отказавшихся от воды дельфинов — Некоторые ихтиологи полагают, что у дельфинов очень хорошо развито абстрактное мышление. А в одном популярном фильме люди под телепатическим воздействием дельфинов рисовали настоящие картины.

Без достойного зрителя невозможно никакое творческое сумасбродство — Сравни у А.Г.Битова «... картина ведь всегда для кого-то, для кого-то, кто способен понять или оценить. Ну, оценка наша, допустим, ему не важна. Он выше этого... А вот не верю, что не важна наша оценка! Не то, что мы похвалим, а то, что — поймём! Понимание, одиночество — в этом смысл Творения, как и художественного создания». (Человек в пейзаже).

Впрочем, Бог-то, в первую очередь, неспособен ничего понять — Понять — значит прочувствовать, пережить нечто подобное. И хотя невозможно ничего определённого сказать о божественных возможностях, но думается, что испытать чисто человеческие чувства, не отягощённые сверхзнанием, божеству не дано. То есть он в состоянии объяснить человеческие поступки, но не пережить их. И в этом смысле трагедия распятия Христа вдруг рассыпается, как карточный домик. То есть возникает законный вопрос, а было ли страдание-то? И в самом деле так ли уж тяжёло несение креста, если наперёд известно о воскресении? Конечно, он невыносимо страдал за людей, предавших его и не пошедших за ним, но это было страдание бога и отнюдь не человека.

К странице книги 2/1:

...ей нужен «Кукольный дом» Генрика Ибсена — В драме великого норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828-1906) главная героиня Нора, подобно Элен, уходит из, казалось бы, вполне благополучного дома, от любящего мужа и любимого сына, не выдержав тоски какого-то ненастоящего «кукольного» существования. Однако в отличие от Норы Элен идёт значительно дальше, её не устраивает не просто дом, но Мир, разумно-устроенный Мир противен её поэтической природе. Хотя в тот момент она ещё не осознаёт этого. Ведь она, как это выясняется из дальнейшего, просто забежала в библиотеку, укрываясь от метели... И просила-то Элен вовсе не Ибсена, но какой-нибудь светский журналчик, а Гермоген услышал, уловил желания её души. Он ведь не

просто хранитель и регистратор книг, но библиотечный лекарь, тещу чужих душ, тонкий диагност духовных недугований.

...имя Элеоноры У — Имя Элеонора в переводе с греческого означает милосердие (сострадание), а в переводе с древнееврейского — Бог мой свет. Цвет имени — лимонно-жёлтый, и если смешать его с цветом имени автора (ультрамарин), то можно получить цвет имени Гермогена — светло-зелёный. Покровителем Элеоноры считается хамелеон, который, подобно героине, способен изменять свою окраску в зависимости от окружающей среды. Со времён Чехова эта способность вызывала у людей неприязнь и слово хамелеон стало чуть ли не ругательным. По мнению автора, каждый достойный человек просто обязан изменять своё поведение и образ жизни в зависимости от обстоятельств. Никто ведь не осудит принцессу Диану за то, что, выйдя замуж за принца Чарльза, она стала вести себя подобно настоящей принцессе, а не воспитательнице детского сада, кем она была до этого. Так и Элен, будучи женой преуспевающего бизнесмена, соответствовала своему положению, но, уйдя в другой мир, в мир безумных грёз и фантазий библиотекаря Гермогена, она столь же достойно стала соответствовать своему месту: сумасшедшей музы, мотылькового бреда и неприветливой странницы-поэтессы.

Фамилия У, возможно, имеет какие-то дальние ассоциации с древнекитайским восточным царством У. И строкой великого китайского поэта Се Линъюня: «Песня княжества У/ мне о доме забыть не даёт».

К странице книги 2/2

Один из читателей Стейнбека — У известного американского писателя Джона Стейнбека есть роман «Заблудившийся автобус». События этого романа имеют определённые пересечения со страницей 2/2. Заблудившийся автобус Стейнбека назывался «Любимая», он увёз пассажиров в разбушевавшуюся стихию, и они, застрявшие на дороге, хотя бы на один день вышли из своих привычных состояний.

К странице книги 2/4

Шёл в комнату, попал в другую... — Строка из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». За которой следует вопрос «Попал или хотел попасть?». Сознательно Гермоген, разумеется, не хотел попадать в КПЗ, особенно в тот момент, когда все его помыслы были заняты совершенно другим, но, по всей видимости, это было необходимым для его души, и особенно в тот момент, когда он как бы готовился к выходу в совсем другие комнаты... Именно сейчас ему было нужно опуститься на самое дно, чтобы подняться и оторваться от брэнной земли.

В тюрьму, в камеру предварительного заключения... — Это последний приют Гермогена перед уходом в иные миры. Покидая тюрьму, он не только оставляет случайную камеру, но и больше того, он оставляет плен своего прежнего существования.

...когда ещё покуришь контрабандную сигаретку, прячься от сурового стража порядка... — При проведении в КПЗ у заключённых отбирают документы, деньги, колющие и режущие предметы, а также сигареты и спички. Но бывалые постояльцы обычно успевают припрятать все курительные принадлежности куда-нибудь в носок или в рукав и т.п.

К странице книги 2/5

Душа усердно поднимала температуру на всё согласного апатичного тела — По мнению автора, большинство болезней происходит от внутренней жажды забо-

ты и ласки. Именно поэтому чаще всего болеют старики и дети. Старики — от одиночества и от кажущейся своей ненужности и никчемности. (Хорошо известно, что болезни обостряются с выходом на пенсию, то есть с прекращением занятости.) Дети же болеют чаще всего, защищаясь от постоянных родительских строгостей, от излишней загруженности и т.п. (Иногда они начинают симулировать просто сознательно, притворяясь, нагоняя температуру, и т.п.)

«Брошу всё, отрапу себе бороду и бродягой уйду по Руси» — Гермоген несколько вольно цитирует стихотворение Сергея Есенина. (В оригинале «Брошу всё. Отпущу себе бороду/ И бродягой пойду по Руси».) Пересечение с есенинским стихотворением прослеживается здесь значительно глубже, чем может показаться на первый взгляд. Дальше у Есенина следует: «Позабуду поэмы и книги, / Перекину за плечи суму, / Оттого, что в полях забуддыге / Ветер больше поёт, чем кому. ... И не нужно мне лучшей удачи, / Лишь забыться и слушать пургу, / Оттого, что без этих чудачеств / Я прожить на земле не могу». Но если Есенин желает убежать из мира своих поэтических фантазий и грёз в мир реальной бродячей жизни, то Гермоген, наоборот, из мира реальных кем-то другим написанных фантазий уходит в иллюзорный мир внутренних скитаний.

К странице книги 2/6

...когда симптомы поступка удаётся наконец осознать. То подобно тому как и в психоанализе вылечивается болезнь — Осознание симптомов и причин психического заболевания является одной из наиболее важных составляющих лечения.

К странице книги 2/7

Наверное, я чтец-импровизатор, сошедший из египетских ночей — Гермоген имеет в виду незавершённую повесть А.С.Пушкина «Египетские ночи», в которой одну из главных ролей играет поэт-импровизатор.

К странице книги 2/8

...танго под древнюю пластинку Оскара Строка — Это была пластинка 60-х годов «Оскар Строк — Танго». Возможно, они танцевали под звуки «Лунной рапсодии» в исполнении Л. Утёсова, или же звучало «Былое увлечение» (К.Шульженко), но, скорее всего, это были «Чёрные глаза» (Ю.Морфесси) — «Ах, эти чёрные глаза! Кто вас полюбит...»

...дядя Альфред, аптекарь — Альфред — в переводе с древнегерманского означает советчик.

Аптекарь здесь уже не просто профессия, но в определённом смысле символ. Аптека переводится с греческого как склад. Склад помощи. Станция поддержки. Остановка между жизнью и смертью.

И отнюдь не случайны строки А.Блока «Умрёшь — начнётся всё сначала, / И повторится всё, как встарь: / Ночь, ледяная рябь канала, / Аптека, улица, фонарь». Или строка В.Ланцберга: «Может, там, у аптеки за углом, / жизнь тебя и караулит».

К странице книги 2/10

«Который час?»... И я отвечу любопытным — вечность... — Гермоген цитирует стихотворение Осипа Мандельштама: «Нет, не луна, а светлый циферблат / Сияет мне — и чем я виноват, / Что слабых звёзд я осязаю млечность? // И Батюшкова мне противна спесь: / Который час, его спросили здесь, / А он ответил любопытным: веч-

ность!» Возможно, появление этой цитаты символизирует то, что Гермоген, подобно К.Батюшкову, начинает приближаться к светлому безумию.

Константин Батюшков вполне бы мог послужить прототипом к образу Гермогена. Батюшков стремился к обретению земного счастья и старался не думать о грядущей смерти: «Мой друг! Скорей за счастьем / В путь жизни полетим; / Упьемся сладострастьем / И смерть опередим». И ему, возможно помимо своей воли, удалось обрести вечное счастье при жизни — ломкое и неверное счастье сумасшествия, в котором он провёл 33 года. Основой стихотворения Мандельштама послужил рассказ о том, что Батюшков, будучи сумасшедшим, то и дело вопрошал присутствующих: «Который час?», после чего доставал свои часы, смотрел на них и отвечал на свой собственный вопрос: «Вечность».

К странице книги 2/11

Н-да, разумеется, мастер прав: «все счастливые люди счастливы совершенно по-разному... — Гермоген перефразирует начало романа Льва Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Собственно, Гермоген утверждает как раз обратное. Дальнейшие события также продолжают полемику с трагическим романом Толстого. Элен, уходя из своей семьи, в отличие от Анны обретает покой и счастье.

Печаль моя чиста, печаль моя полна ещё неведомой, непознанной тобою. — Гермоген включает в свою поэтическую импровизацию пушкинские мотивы: «На холмах Грузии лежит ночная мгла; / Шумит Арагва предо мною. / Мне грустно и легко; печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою...» Но если у Пушкина печаль о прошедшей и вновь вспыхнувшей любви, то у Гермогена речь идёт о предстоящем, ещё до конца не развившемся чувстве.

К странице книги 2/11

...и ликёрная рюмочка золотого Гольдвассера — Немецкий ликёр Гольдвассер, считающийся избранным в прошлом веке, получил своё название от частичек сусального золота, плавающих в этом напитке. Спирт для него производился в Данциге, приправлялся корицей, анисом и другими пряностями.

...с пожелтевшего потолка спуускался паучок на своей невесомой ниточке... — Паук — символ основательности, респектабельности, незыблемости, приземлённости и нормальности. Но лишь тонкая невесомая паутинка удерживает его от полёта, ещё чуть-чуть — и он сорвётся, воспарит над миром, отдастся воле ветра и стиха... Вот так и Гермоген — он как бы завис перед своим отрывом, перед уходом в неизвестность, в неведомое пространство любви и поэзии.

К странице книги 2/13

Читать святую книгу «Домострой» — Речь идёт о древнерусской книге XVI века «Домострой». Сегодня понятие Домостроя носит в себе, как правило, негативную окраску. Однако советы и нравоучения, излагаемые в ней, настолько разумны и во многом полезны вплоть до сегодняшних дней, что разобраться в том, почему со словом домострой увязывают что-то отрицательное, довольно сложно. Гермоген как человек книжный прекрасно осведомлён об истинных ценностях книги и безо всякой иронии ставит её на одну доску с Библией.

К странице книги 2/14

я библиотекарь, и я просто волнуюсь за судьбу книги... — Здесь, по-видимому, идёт речь не только о книге, которую брала Элен, но и о той Книге, в которой герои принимают участие.

К странице книги 3/1

...гипотеза случайного зарождения жизни с последующей эволюцией и смертью, как самым что ни на есть ординарным явлением, кажется ему сейчас наиболее правдоподобной... — Если не обладать даром Веры, то для просвящённого сознания это действительно наиболее правдоподобная гипотеза. Хотя она и имеет множество тёмных мест, хотя и вызывает в ряде случаев глубочайшее удивление, но, к сожалению, не имеет ни одной достойной альтернативы. Разумеется, у научной мысли нет никаких оснований отрицать творение, но с равной степенью вероятности творение может быть заменено случайностью.

...температурил возле птичьей нормы... — Нормальная для птиц температура 42 градуса, то есть практически предел, выше которого кровь сворачивается. Об этом есть замечательный пассаж у Андрея Битова: «... птицы живут на пределе (цена полёта...). Их обмен протекает на пределе интенсивности, возможной для теплокровного. Они все в горячке и лихорадке. Наше лёгкое 37,5 — это их 43, то есть смерть».

...белый стих славян... — По очень точному и изящному замечанию Ю.М.Лотмана. Существует принципиальная разница между современным верлибром и нерифмованным былинным стихом древности. В последнем случае рифма как художественный приём поэзии ещё не открыта (это не значит, что само понятие рифмы неизвестно, рифму уже прекрасно знают и плодотворно используют, но эксплуатируется она пока лишь в «низкопробных» стилях площадных острот и каламбуров, и никому не приходит в голову поднять рифмовку до высоты стиха). В верлибре же, наоборот, происходит преодоление рифмы, и хотя самой рифмы нет в стихе, но осталась «память» о ней, она как бы присутствует своим отсутствием.

Поэтому Гермогену, для того чтобы преподнести действительно белый стих славян, нужно убить в себе память о 3-х веках русской культуры и опуститься в изначальный ноль поэтически чистого незнания.

Ведь вполне возможно, что создан я каким-то пьяным сумасшедшим Богом. — В общем-то, этот вопрос остаётся для меня открытым. Автор ли создаёт своего персонажа, или же реально существующий персонаж выбирает и создаёт своего автора? Вполне возможно, что это не Гермоген является плодом моей творческой фантазии, но, наоборот, именно я (я как автор) есть порождение внутренней энергии и поэтического излучения Гермогена.

Тем самым Богом, кто попытался перепутать время, остановить блистающий полёт, но осознал, что это невозможно, и в результате получил лишь снимок — слепую фотографию мечты... — Извечная проблема перенесения поэтической действительности на художественное полотно. Искусственно созданная реальность принципиально отлична от сумасбродного естества. Она не хуже и не лучше, она другая. И только тоненькая ниточка выволяет её из искусственной смерти в бурную жизнь человеческого существования. Ниточка эта — зритель. Лишь беспокойный нерв прочтения способен вдохнуть жизнь в сухую вязь чёрных значков на белой бумаге.

...и восьминогие паучки выползали из своих уголков с тревогой и удивлением. — О символике пауков смотри выше (примечание к стр. 2/11). В данном случае

паучки сомнения и тревоги проявляют свою обеспокоенность в периферийных уголках души Гермогена.

К странице книги 3/2

...неопределённость типа бесконечность на бесконечность — В математике неопределённости типа бесконечность на бесконечность и 0/0 обычно раскрывают по правилу Лопиталья, согласно которому предел отношения исходных функций равен пределу отношения их производных (при условии, что эти производные существуют). В данном случае Гермоген неопределённость соотношения между своей жизнью и бредом, его породившим, пытается раскрыть, используя производные, то есть рассматривая соотношение между собственным бредом (Элен) и реальной жизнью этого бреда.

... Слова, слова — славянские слова... — По одной из версий, название славяне (словене) произошло от корня «Слов» (слово), поскольку различные племена и народы, заселявшие огромную территорию, пользовались одним и тем же языком (словом). Другая более поэтическая версия состоит в том, что они придавали огромное значение своему Слову. И Слово славян было нерушимо и твердо, как камень. Славянин готов скорее жизнь отдать, чем нарушить данное Слово. (Третья версия связывает происхождение Славян от корня «слав» (слава), поскольку Слава о победах Великого славянского народа разносилась по всему миру.)

Ведь оказалось, что отнюдь не Бог управляет мной, но, наоборот, я управляю своим Богом. — Даже оставляя в стороне вопрос о том, что первично: творец или творение, можно утверждать, что на какой-то стадии созидания герои выходят из-под контроля авторской воли и начинают жить в рамках собственных понятий и законов, и иногда (а впрочем, довольно часто) их неожиданные выходы вызывают недоумение и радость у своего собственного создателя.

Впрочем, Гесиод утверждает, что Боги подменили тебя призраком, и именно за призрак твой разгорелись Троянские битвы — Согласно одной из версий, идущей скорее всего от Гесиода, но наиболее полно описанной у Стесихора, Зевс или Гера заменили подлинную Елену призраком, за который и шла Троянская война. Реальную же Елену боги перенесли в Египет, где она жила под покровительством мудрого старца Протея и дожидалась возвращения своего Менелая. (Этот сюжет использован в трагедии Еврипида «Елена»). На взгляд автора, этот миф гораздо более символичен и глубок. Война не за саму красоту, но лишь за призрак этой красоты...

К странице книги 3/3

...я знаю, как это тяжело — уходить от своей бабочки — По многим поверьям, бабочки — это души умерших предков.

К странице книги 3/4

Любовь — это болезнь человека, а жизнь — это болезнь Бога — Только ленивый не определял, что такое Любовь и что такое жизнь. Среди множества попыток постичь, что же такое Любовь, довольно часто встречается мнение, высказанное Гермогеном. Вот небольшая подборка цитат, связанных с этой точкой зрения: «Любовь — это счастливая болезнь» (Ф. Стендаль), «Это — зубная боль в сердце» (Генрих Гейне), «Это сквозная рана в душе — кровит, но в неё глядит на тебя божество» (А. Круглов). «Существуют разные лекарства от любви, но нет ни одного надёжного», — уверяет Ларошфуко. «Страсть, как болезнь, нельзя осуждать, нельзя и оправдывать», — пишет С. Цвейг.

«Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)», — размышляет В.Розанов. Жизнь также неоднократно называли болезнью. Например, Хай Гаон говорил, что «жизнь — это ужасная болезнь, излечимая лишь смертью». Ему вторит Мориц Сапфир: «Жизнь — это неизлечимая болезнь, от которой все умирают, и выживают лишь те, кто никогда не рождался». Однако во всех этих определениях болезнь используется или как метафора, или как вспомогательное средство, вызывающее необходимые ассоциации. Изречение же Гермогена может рассматриваться двояко.

Можно предположить, что человек подобен некоему микробу, без ведома создателя поселившемуся на теле божественного творения и разрушающего (вспомните экологические проблемы) естественное течение мирового времени. Если рассуждать в этом ключе далее, то можно допустить, что существуют как полезные, так и вредные микробы (Гринпис и промышленные магнаты, не думающие об экологии). Микробы, противодействующие болезни, могут даже засылаться на землю намеренно (какими-то необъяснимыми способами). Однако средства лечения могут быть как профилактическими (Гринпис), так и радикальными (создатели нейтронной бомбы), после которых не только вредные, но и вообще все люди исчезают с лица земли.

Другая расшифровка этой фразы может быть прямо противоположной. В этом случае жизнь рассматривается как порождение Любви (божественной болезни, именно это скорее всего Гермоген и имел в виду). А про то, что Любовь действительно является смертельно опасной болезнью, говорит хотя бы тот факт, что любой влюблённый не задумываясь отдаст жизнь за свою избранницу. О этом могут свидетельствовать также факты как из «высшей», так и из «низшей» жизни. Всем известен пример из высшего самопожертвования, когда Иисус Христос сознательно идёт на Голгофу ради спасения любимого им человечества. Говоря о самопожертвованиях существ из «нижнего» мира, следует, по всей видимости, понятие любви, как это принято, заменить понятием инстинкта размножения. Так вот, подчиняясь этому инстинкту, самцы многих видов бьются ради выбранной самочки не на жизнь, а на смерть. В свою очередь самки, защищая «любимых» детёнышей, также зачастую жертвуют жизнью. Ещё более поразительные примеры можно привести из жизни насекомых. Хорошо известно, что акт размножения для самца богомола обычно заканчивается смертью. Самка просто-напросто поедает его во время копуляции, откусывая сначала голову (причём богомол продолжает своё дело в смертельной агонии, несмотря на отсутствие головы).

Возможно и третье толкование вышенаписанной сентенции. Вполне дозволительно рассмотреть жизнь как результат творчества, а творчество в свою очередь как болезнь (отклонение от нормы, создание вещей ненужных, бесполезных, а порою и вредных с биологической точки зрения). Хорошо известно, что человек, «заболевший» художественным талантом, практически неизлечим. И что графомания, артистомания, сценофилия и прочие мании и фобии, связанные с художественным творчеством, обладают над заболевшими не меньшей властью, чем наркотики над наркоманом.

К странице книги 5/1

Казань. Вокзал. 14-й путь. — Я долго думал, почему у них остановка произошла именно в Казани? Мало ли городов по пути на восток. Возможно, это случилось просто по ассоциации со словом «казаться»?

14-й путь может иметь несколько истолкований. 14-й путь, согласно Торе, — это слепок Вечного Закона, соединяющий Ворота Света и Пути Мудрости. С другой стороны, 14 — это преодоление чёртовой дюжины и выход в счастливые широты. Если же написать 14 церковнославянским способом, то получается АД, то есть чертоги мучений.

Может статься, что все эти толкования и включены в ту короткую остановку на «кажущейся станции».

К страницам раздела 7

От Мартина — Имя Мартин означает посвящённый Марсу (Мартин всё время находится в состоянии некоторой битвы: с обстоятельствами, с окружающими, с самим собой), цвет имени — коричневый, отвечает ярким, контрастным решениям, камень-талиман — авантюрин, толкает на необдуманные авантюры и приключения.

К странице книги 7/3

Облака на небе... — В поэтике древних славян облако — это летучий корабль, скользящий по волнам воздушного океана. Корабли находятся во власти могучего старика с косматыми бровями-тучами, который указывает движение облаков. Здесь облака, подобно кораблю, увозят Мартина из устоявшегося мира.

Дом возводит намного интересней, чем жить среди построенных домов — Довольно спорная сентенция. По мне и то и другое занятия достойные друг друга. Однако справедливости ради надо сказать, что большинство людей, подобно Мартину, всю свою жизнь в основном занимаются «возведением своего дома». Они как будто бы не живут, а только всё время готовятся к грядущей жизни. Хорошо ещё, если они осознают это и находят в такой подготовке удовольствие, а то ведь нередко и такое мнение: «сейчас поднатужимся, потерпим, затянем поясок... зато потом!!!», а вот «потом-то» бывает, что и никогда не наступит.

К странице книги 7/4

Где эта грань между возможным и невозможным?.. — Очень трудно вообразить себе что-то поистине невозможное. Как правило, невозможность связана только с налагаемыми ограничениями. Например, скорость света предельна во вселенной, но здесь введено ограничение материальностью мира и физичностью происходящих процессов. В пространстве сознания скорости уже не имеют абсолютно никаких ограничений. В принципе всё мыслимое — скорее всего возможно. (И пасту в тюбик вдавить ничего не стоит, и из дуршлага выпить можно.)

Он взрослый человек — ему уже двенадцать. Он сам сумеет с миром разобратся... — 12 — произведение основополагающих чисел 3 и 4, 12 — завершение одного полного цикла времени (12 месяцев, знаков Зодиака, часов), прохождение одного круга бытия.

К странице книги 7/5

...и зазвенит душа, как первая струна — Используется строка из песни Вланцберга «Пора в дорогу, старина, «подъём» пропет! / Ведь ты же сам мечтал услышать, старина, / как на заре стучатся волны в парпет / и чуть звенит бакштаг, как первая струна».

Вот в этом-то ресторане я и встретился с Мартином — Это был ресторан «Будапешт». Я попал туда достаточно случайно. Познакомился около пивного ларька с какой-то тёплой компанией (среди которой, кстати сказать, был самый настоящий «цыганский барон», на вид, между прочим, откровенный замухрышка). Так вот они-то меня и пригласили. Славно, надо сказать, мы тогда погудели.

Все мы Homo Ludens, а сапиенсы только уж потом — Homo Ludens — не знаю, что конкретно под этим выражением имел в виду щеголяющий латынью Мартин. Скорее всего — человек играющий, иронизирующий над самим собой и всей жизнью (безумный?).

К странице книги 7/7

как ветра осенние... — Слова из песни А. Башлачёва «Я хотел бы жить, жить и умереть в России», который в свою очередь отсылает нас к В. Маяковскому: «Я хотел бы жить, жить и умереть в Париже».

К странице книги 8/1

...когда ты попадаешь в ужебыло, иль, как сказали бы французы, — де жа вю. — Впервые французское выражение «де жа вю» перевёл на русский словом «ужебыло» Саша Соколов.

К странице книги 8/2

...как хорошо, о Боже мой! — Слова из стихотворения Дмитрия Сухарева «О сладкий миг».

К странице книги 8/3

И это пространство моих сознаний — одностороннее, как бутылка Клейна — Подобно листу Мёбиуса в трёхмерном пространстве, бутылка Клейна — самая известная замкнутая односторонняя поверхность в четырёхмерном пространстве. Бутылка Клейна получается отождествлением (склеивкой) противоположных сторон квадрата, причём в одной паре сторон склеиваются точки, симметричные относительно центральной линии, а в другой — симметричные относительно центра квадрата. Впервые рассмотрена немецким математиком Феликсом Клейном (1849 — 1925).

К странице книги 8/4

Эскапизм, малыш! Великая теория! — В Советском энциклопедическом словаре от 1981 года я нашёл следующее определение эскапизма: «Эскапизм (от англ. Escape — бежать, спастись), стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий, поддерживается и культивируется буржуазной пропагандой и «массовой культурой», насаждающими социальную пассивность и конформизм по отношению к существующему обществу». По-моему, просто блестящая дефиниция.

К странице книги 9/1

...под небом золотым — Отсылка к песне Хвостенко-Гребенщикова «Под небом голубым — есть город золотой», которые, возможно сами того не ведая, отсылают к стихотворению А.С. Пушкина «Под небом голубым страны своей родной».

которая как бы указывала — куда ж нам плыть... — «Плывёт. Куда ж нам плыть?.....» эти слова заканчивают, а вернее, обрывают пушкинское стихотворения «Осень» отрывок (обрывок?). Все попытки дописать это стихотворение не удовлетворяли Пушкина. Оно так и осталось в своей гениальной оборванности тем извечным российским вопросом, который значительно превосходит по своему значению все эти: «Кто виноваты и что делати».

К странице книги 9/2

...об эпохальном значении древнегреческого понятия «эпохе», буквально обозначающем «остановку» — Эпохе понятие античной философии, которое, согласно Сексту Эмпирику, определяется следующим образом: «Эпохе — есть такое состояние ума, при котором мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем». Это понятие связано с отсутствием абсолютной достоверности человеческого познания и может служить путём к душевной уравновешенности и покою. Однако Мартин пытается использовать термин «эпохе» в понимании феноменологии Эдмунда Гуссерля (1859-1938), у которого эпохе выступает средством, помогающим исключить из сферы предметного рассмотрения всего эмпирического, внешнего по отношению к «чистому знанию». Теоретическая установка Гуссерля основывается «на волевом эпохе по отношению ко всей естественной, в том числе и высокого уровня, практике». Предмет или положение выключаются из обычных эмпирических связей («заключаются в скобки»). Воздерживаясь от всех суждений о пространственно-временном мире, мы вводим предмет как эйдос, сущность в сферу «чистого разума», и нашему сознанию открывается сокровенный смысл предмета.

К странице книги 9/3

А может быть, как он недавно прочёл в одной умной книжке, мы просто машины для сохранения вечноживущих генов? — Речь идёт о замечательной во всех отношениях книге Ричарда Докинза «Эгоистичный ген», согласно которой люди, как и все остальные живые существа, являются просто-напросто машинами, построенными генами для своего выживания.

К странице книги 10/1:

когда-то в юности Элен увидела у одного знакомого скульптора бронзовую статуэтку шахматной королевы и долго смотрела на неё, замороженная — Речь идёт о скульпторе Дмитрие Покровском, который работает в стиле, определяемым им самим как пласт-модерн. «Совершить путешествие по одной из работ Покровского — то же самое, что фланировать по кольцу Мёбиуса. Что такое «вниз», что такое «вверх»? Где она — другая, обратная сторона? Только бесконечный излом пространства. Пластика, уводящая в сторону», — пишет о нём Елена Упорова (к моему немалому удивлению, тоже Элен! И тоже У!!! Уж нет ли тут каких-нибудь подсознательных связей?).

...шесть тонких струн, несущих музыку игры... — Скульптура, послужившая толчком к написанию поэмы, имела шесть выгнутых стержней, идущих от основания (сердца?) к короне.

потомок Теофраста Парацельса — Теофраст Парацельс (1493-1541) — один из величайших мистиков средневековья. Врач, алхимик, философ, неутомимый путешественник и скиталец. «Кто принадлежит самому себе, тот не раб никому!» — говорил Парацельс и всегда следовал своему изречению. Он вёл свободный и разгульный образ жизни, не стесняя себя никакими правилами и нормами. «Почти два года я общался с Парацельсом и жил у него, — пишет его ученик Иоганн Опоринус, — и за это время видел, что он пьёт и днём и ночью, и вряд ли хоть час или два в сутки бывает трезвым... Но даже когда он приходил домой в стельку пьяным и начинал диктовать что-либо из своей философии, всё выходило у него столь складно и умно, что ни один трезвенник не смог бы улучшить ни строчки».

Парацельс, помимо всех своих прочих занятий, работал над созданием искусственного человека — гомункулуса, и, возможно, именно поэтому Элен ввела его ученика в действие поэмы. Впрочем, вряд ли она достаточно много знала о жизни и учении Парацельса. Скорее всего, Элен прочла о нём в замечательном рассказе Борхеса «Роза Парацельса» — где Парацельс уподобляется Всевышнему и при помощи слова восстанавливает розу из пепла.

Кстати, умер Теофраст Парацельс в день рождения автора — 24 сентября.

Красоту далёкого, / непонятного / слова / Омела, / Которое ты прочитал у Бродского — Скорее всего, Мартин имеет в виду стихотворение И. Бродского Anno domini: «Провинция справляет Рождество. / Дворец Наместника увит омелой...»

К странице книги 12/2

Или же те слова / поэта, / звучащие так: / «... иногда пиши». — Речь идёт о стихах Андрея Стрелкова: «Одиночество ласковый сторож души / Оставаясь здесь иногда пиши / Ведь стихи это тоже письмо, / Отправляемое без конверта».

Стрелков Андрей Михайлович — поэт, художник, переводчик с китайского и тибетского языков. Окончив радиофизический факультет Горьковского университета, уехал в Бурятию, где поселился в буддистской общине и стал преподавателем истории в сельской школе. Совершил три паломничества к тибетским монастырям, которые описал в недавно вышедшей книге «Тибетский дневник».

Мой Телемак, / Троянская война / окончена. / Кто победил — не помню... — Строка из стихотворения И. Бродского «Одисей Телемаку».

К странице книги 14/3

В седом направлении Свана — Апелляция к роману Марселя Пруста «По направлению к Свану». Трудно сказать, что, собственно, Мартин хотел сказать этой строчкой. Уж, наверное, не приближение к некоему аристократу и эстету из высшего общества, бросающему вызов великосветским канонам. Скорее всего, имеются в виду поиски (или попытки поиска, или попытки создания поиска) утраченного времени. А возможно, речь идет о Сване из сказки Б. Гребенщикова «Иван и Данило», где сван — некая мутно-проявляющаяся сущность.

Вы вышли вечные сторожа, / Не зная ещё куда. — Аллюзия на песню Бориса Гребенщикова о стороже Сергееве: «И он трясясь уходит за дверь, / Не зная ещё куда... / Желает пива и лечь поспать / Скромный герой труда».

К странице книги 16/1

Эвксинский понт у берегов Эдема — В Крыму, как раз недалеко от Эчки-Дага, находится селение под названием Эдем. Поэтому эта строчка обладает определённой двойственностью, так как до конца не ясно, о чём идёт речь.

Морщились угрюмые бедленды — Бедлендами называют береговые склоны в окрестностях Лисьей бухты, которые происходят из вулканической глины.

К странице книги 16/1

Отборнейшей, из Солнечной долины — В окрестностях Эчки-Дага всегда (и относительно недорого) можно купить разливное вино из Совхоза-завода «Солнечная долина».

К странице книги 17/1

Что время для людей не существует, / Оно — лишь миф, параметр удобства / Для описания физических химер... — Физическая и философская структура времени невероятно сложна, и, вообще говоря, трудно ответить даже на такой, казалось бы, простой вопрос, а существует ли оно, время-то? С уверенностью можно говорить лишь о введённом параметре t для описания длительности тех или иных физических процессов. Но длительность и время вещи принципиально различные. Длительность напрямую зависит от скорости, и не только от скорости процесса, но и от скорости системы, в которой этот процесс происходит. А что такое время — на это так просто не ответишь. Ну, взять хотя бы ничего толком не говорящее определение «Время — форма существования материи», если хорошенько попытаться проникнуть в его смысла, то можно просто свихнуться. Опять же все эти невозможные понятия «Начала» и «Вечности»... Предпочтительность момента начала всем остальным точкам на оси времени необъяснима. И если было начало, то что было до него? Если мы живём в самозародившейся вселенной, то из чего она самозародилась? И почему именно в этот миг, а не позже или раньше? Если же мы порождение творца, то чем он занимался до творения? И откуда он сам-то взялся? Вообще говоря, существование времени для человека совсем необязательно. Вполне возможно допустить, что мир появился только что. Весь сразу. С идеей истории, с памятью, со знанием, с ощущением прошлого и т.д. и т.п. А пространству сознания и вообще чуждо не только ощущение времени, но и причинно-следственные связи. Что было раньше: мысль или объяснение мысли? Вопрос или ответ? Первая строка стихотворения или вторая? Смерть героя или его рождение? Или рождение без смерти? Или смерть без рождения? Всё перепутано. Всё смешано во вневременном хаосе, из которого выдёргиваются в беспорядке сознательные и бессознательные события. Если человек разумен, то он старается придать этим событиям некую стройность и подогнать их к существующим шаблонам, если же безумен или гениален, то он вполне может удовлетвориться необъяснимым и алогичным хаосом.

Что мы, мол, пограничные созданы, / Тончайший социум меж духом и дерьмом — Если предположить, что существует независимое от человека (и человечества в целом) некое бесконечномерное пространство сознания, то человек действительно оказывается в определённом смысле пограничным существом, которое может отрываться и уноситься в метафизические дали (в состоянии транса, сна, наркотического опьянения и т.п.), а может спокойно ковыряться в земле или разрушать атомы, например.

К странице книги 17/2

Летом 1996 года мы путешествовали с художником Евгением Стрелковым на пароходе по верхней Волге — Стрелков Евгений Михайлович (1963), художник, дизайнер, поэт, главный редактор альманаха «ДИРИЖАБЛЬ» и директор одноимённой дизайн-студии. Вместе с автором он учился в средней школе № 16 города Муром в классе под литерой «Б». Был круглым отличником и подавал большие надежды на поприще физики. Однако изначально художественная натура взяла своё, и, окончив радиофизический факультет Горьковского университета и вложив свою лепту в развитие синергетики, он перешёл к освоению мира посредством чистого творчества.

Спешили люди на свою работу... — Надо заметить, что далеко не все спешили на работу. Когда мы сидели на травке, я просто покуривая, а Стрелков рисуя пожарную каланчу, к нам подшёл какой-то бывший афганец и, похвалив рисунок, предложил, естественно, выпить, за наш, естественно, счёт, но поскольку счёт был на крайнем пределе, а афганец и не очень-то располагал, то так и не состоялось. Зато чуть позже я ввязался в

драку, причём в абсолютно бессмысленную и бестолковую до предела. Я утолял жажду под струёй водопроводной колонки и умудрился забрызгать ещё не опохмелённого и потому, видать, озлобленного гражданина. Который недобро посмотрел на меня и сказал: «А ежели те в морду дать, так ведь и уронить можно...» На что у меня сработали какие-то древние инстинкты, и я, сам того особо не желая, ударил. Человек упал на газон. Я сказал: «Можно и уронить». В общем не драка, а бестолочь какая-то. Теперь я думаю, что был тогда не прав, и каюсь.

Почти как в повести про Путника и ночь / У этого писателя — Кальвино. — Речь идёт о повести итальянского писателя Итало Кальвино «Если однажды ночью путник», в которой герои, покупая одну и ту же книгу, наталкивались в ней на разных авторов и совершенно разные сюжеты.

То валет забился под недельку / И узнал, что нынче был четверг... — Есть что-то поэтическое в наборах женских трусиков на каждый день недели (которые так и называются: «неделька»). Платья, рубашки, костюмы, которые менялись бы ежедневно в соответствии с заданным стилем, выглядели бы, пожалуй что, пошлостью, но трусики... Глупость, конечно, но что-то в этом есть.

И три семёрки в центре выставляем — 777 — марка портвейна, в которой заключена полная мировая гармония, все цвета радуги, все знаменитые чудеса и т.п.

С тарабарского на русский переврав — Не лишне напомнить, что Пьеро пришёл в поэму из Тарабарской страны и поэтому, естественно, пишет на тарабарском языке.

К странице книги 17/3

На той тропе потомки Чингизхана — Если в этой повести, да и вообще в поэтическом восприятии мира, автор придерживается традиционной мифологической истории о нашествии монголо-татар на Русь, о путешествии Марко Поло в Китай и т.п., то в своём мировоззренческом плане он считает значительно более близкими к реальности гипотезы Новой хронологии Фоменко о том, что Монголия — это просто-напросто перевод Великой Руси на греческий, что «монголо-татарское иго» — это просто-напросто государственное устройство Руси, орда — это войска, охранявшие границы, Чингисхан — дубликат московского князя Ивана Калиты, а Марко Поло никуда дальше Руси не ездил (и Индия, и Китай Марко Поло — это Русь).

Хотя никто доселе не уверен в том, / Существовал ли сам Шекспир — Автор придерживается версии, что большинство произведений, изданных под псевдонимом Уильма Шекспира, написаны графом Рэтлендом и его женой графиней Пенбрук, и уж, по крайней мере, актёр из театра «Глобус» Уильям Шакспер не имеет к творцу Гамлета ровно никакого отношения, за исключением посредничества.

Я как узнал его, любил с ним помолчать / Об общих нас волнующих вопросах — Не так-то уж и много мне повстречалось в моей жизни людей, с которыми было приятно помолчать. Дар наполненного молчания — великий дар.

Идущий из Болота сна — Здесь реальная географическая область на лунной карте «Болото сна», которая находится между «Морем спокойствия», «Морем кризисов» и «Морем пены», совпадает с метафизическим состоянием Соломона.

На бороздах Элизий они точили марсианский камень. / И чем-то прогневил горы Флегра, / За что и угодили в извержение, / Начавшееся с купола Гекаты. — На марсианской карте недалеко от Равнины утопии находятся все перечисленные области (Горы Флегра, Борозды Элизий, Купол Гекаты). В то же время здесь происходит отсыл к мифологии: Борозды Элизий — Элизиум — обитель блаженных, потусторонний мир, запредельное иномирное состояние — окружены Флегрийскими гора-

ми реальности. Извержение из потустороннего марсианского мира начинается с купола Гекаты, Геката — ночная богиня колдовства, мрака, ночных видений, имевшая власть над судьбой земли и моря. Геката — ночная «хтония» и небесная «урания» — бродит среди могил и выводит призраки умерших.

И задевают горизонт событий — Горизонтом событий в астрофизике называется замкнутая пограничная сфера вокруг чёрной дыры, внутри которой правят бал силы гравитации. Их мощность здесь настолько высока, что ничто, даже свет, не в состоянии проникнуть сквозь эту сферу.

И возраст их пульсирует за ночь — Известен эффект пульсации быстровращающихся нейтронных звёзд, которые обладают областью, генерирующей радиоизлучение в узком конусе. И этот конус бывает направлен в сторону наблюдателя через определённые промежутки времени.

Мне говорил о ней блаженный Сентябрьин — Это не только переключка с Августином блаженным, но и отсыл к седьмому месяцу — сентябрю (по римскому исчислению). Если Лея прошла восемь сфер из плазмы (семь кругов ада + горизонт событий), то Сентябрьин наиболее приблизившийся к ней человек.

Ведь Сентябрьин им проповедь читал / О смысле и бессмыслии полётов — По преданию, проповеди птицам читал святой Франциск Ассизский. Один из величайших святых и поэтов, сама жизнь которого стала великой поэмой. Франциск не отказывался от роли дурака или блаженного «Когда Франциск вышел из пещеры откровения, — пишет о нём Честертон, — он нёс слово «дурак», как перо на шляпе, как плюмаж, как корону. Он согласился быть дураком. Он был готов стать ещё глупее, стать придворным олухом Царя небесного».

...Медноволосая сияла Бетельгейзе, / А с нею голубая Беллатрикс. Они / Сидели на плечах у Ориона — Бетельгейзе — звезда α созвездия Ориона, красный сверхгигант; Беллатрикс — γ Ориона, также звезда-гигант голубоватого цвета. Беллатрикса в переводе с латинского — «воительница», согласно средневековым астрологическим книгам, женщины, рождённые под этой звездой, бывают счастливы и любят поговорить.

Белел Денеб, как лебединое перо, / И рыжим клювом выступала Альбирео... — Денеб — α из созвездия Лебеда (голубой гигант, висящий у лебеда на хвосте); Альбирео — β Лебеда (двойная оранжевая звезда, имеющая голубой спутник, находится на клюве у лебеда).

Апостол Пётр и апёздол Никодим — Апёздол — антипод апостола, приверженец подводных глубин, чернокнижия и демонизма.

<i>Каталожная карточка:</i>	<i>18/2</i>
<i>Название:</i>	<i>Книга последних слов.</i>
<i>Автор:</i>	<i>Погарский Михаил Валентинович.</i>
<i>Место издания:</i>	<i>Подле окна, глядящего на Север.</i>
<i>Время издания:</i>	<i>26 октября 1998 года. 10 часов утра.</i>
<i>Ключевые слова:</i>	<i>Строительство, материал стиха, звук, дыхание стихающих ветров.</i>
<i>Аннотация:</i>	<i>Не кочегары мы, не плотники, /Но сожалений горьких нет. /А мы монтажники-высотники /И с высоты вам шлём привет.</i>

Комментарии: А вообще-то говоря, конечно, всё наоборот, мы и столяры, и плотники, и на всём остальном работники. И на том стоим!

СТРАНИЦА КНИГИ 18/2:

Закрывается второй том в строительстве моего литературного здания. И я, вместе с моими героями, продвигаюсь всё дальше и дальше в своём поэтическом постижении мира. Нельзя сказать, что я ставлю себе какие-то там грандиозные задачи, подобно замыслу Стефана Малларме об орфическом истолковании Земли. На мой взгляд, это должно случиться само собой без наперёд продуманного плана, по интуиции, по вдохновению. А иначе... Иначе сама поэзия может выскользнуть из-под строк.

Я подпадаю в возведении моего дома под диктат материала. И ухожу вслед за ним на верхние недостроенные этажи, чтобы подставить лицо ещё не знакомому ветру и услышать, как где-то там, за пределами атмосферы, происходит рождение звука...

Иллюстрации Андрея Стрелкова
На обложке рисунок Вячеслава Мазурова

Погарский Михаил Валентинович

неполное собрание сочинений

том 2

БИБЛИОТЕКАРЬ ГЕРМОГЕН

книга-каталог

приложение №8/2 к альманаху «Дирижабль»

готовятся к изданию:

том 3 «Книга запущенных территорий»

том 4 «Город Матов» (книга-исследование)

том 5 «Пятая стихия» (книга-трактат)

художник Евгений Стрелков

редактор Елена Спирина

компьютерная вёрстка Дмитрия Хазана

издание подготовлено при участии издательства и дизайн-студии «Дирижабль»

альманах «Дирижабль»,
лицензия №16100 от 14.05.97

603106, Н.Новгород, а/я 17

Тел./факс: (8312) 33-60-49, тел: (095) 564-51-45.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.

